Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 сентября 1893 года.

СПОРЪ О ЧУДОТВОРНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИКОНѢ.

I.

Близится столѣтіе со времени возсоединенія волынскихъ уніатовъ съ православіемъ, а и до сихъ поръ сохраняется довольно много остатковъ отъ уніи, то въ видѣ богослужебныхъ обрядовъ, то въ формѣ особенныхъ праздниковъ, то наконецъ, въ видѣ церковныхъ уніатскихъ книгъ и иконъ. Не смотря на неоднократныя распоряженія о пріобрѣтеніи новыхъ книгъ, многія бѣдныя церкви не могли откликнуться на этотъ призывъ; недостатокъ средствъ вынуждаетъ ихъ оставаться при старыхъ уніатскихъ книгахъ, по которымъ и теперь совершаются службы. Но особенною устойчивостью въ этомъ отношеніи отличаются иконы уніатскаго и даже католическаго письма. А между тѣмъ на эту статью не разъ было обращаемо самое серьезное вниманіе. Намъ извѣстны случаи изъ самаго послѣдняго времени, когда священникъ, за совершеніе молитвословій предъ католическою иконою, находящеюся въ его приходской церкви, долженъ былъ нести эпитимію По справедливости говоря, здѣсь даже трудно было винить священника, такъ какъ церковь обращена изъ костела, и вотъ—въ числѣ другихъ предметовъ осталась и эта икона. Хотя священникъ и понесъ строгое наказаніе, но икона не изъята и по прежнему пребываетъ въ церкви. Такимъ образомъ принципъ не выдержанъ до конца, да и невозможно соблюсти безусловную прямолинейность—иначе слѣдовало бы прежде всего уничтожить католическую архитектуру самаго храма,

а для этого сломать его и перестроить по православному типу. Къ удивленію, нельзя скрыть, что были и такіе проекты, но, за неимѣніемъ средствъ, не осуществлены и остались въ области мечтаній.

Во многихъ церквахъ, обращенныхъ изъ костеловъ, можно встрѣтить не мало иконъ католическихъ, какъ напр., икона „непорочнаго зачатія", мадонны разныхъ типовъ и т. п. А распятія католическаго типа, попадаются въ самыхъ обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ. Но замѣчательнѣе всего, что въ сельскихъ же церквахъ встрѣчаются совершенно католическія иконы, въ давнюю пору признанныя чудотворными и до сихъ поръ пользующіяся въ народѣ необыкновенною популярностью. Къ числу такихъ иконъ относитсяикона Антонія Падуанскаго, находящаяся въ с. Подлисцахъ, заславскаго уѣзда, волынской губ.

Какъ жаль, что намъ пришлось осматривать эту икону не днемъ, при яркомъ, эффектномъ солнечномъ освѣщеніи, а вечеромъ, при тускломъ свѣтѣ слабо мерцавшей восковой свѣчи. Но и тогда нельзя было не замѣтить, что она должна производить большое впечатлѣніе своей внушительной обстановкой. На горнемъ мѣстѣ стоитъ высокій массивный кіотъ старинной работы; въ верхнемъ ярусѣ сдѣлано четыреугольное углубленіе, какъ бы въ родѣ ниши, бока которой усажены изваянными вызолоченными звѣздочками, числомъ до 75. Въ этомъ-то углубленіи и находится икона; размѣръ ея довольно значительный: въ длину она имѣетъ $1^1/_2$ аршина и въ ширину около 1 аршина Антоній Падуанскій изображенъ здѣсь въ обыкновенной позѣ, съ спокойнымъ, сіяющимъ тихой радостью, выраженіемъ лица; правой рукой онъ придерживаетъ младенца Іисуса. Одежду его составляетъ обычный у католическихъ монаховъ габитъ, подпоясанный веревкой. О живописи нельзя сказать рѣшительнаго мнѣнія, потому что она почти совершенно закрыта золоченной ризой. Открыто только лицо, и лишь по нему мы можемъ заключать о характерѣ работы. И здѣсь краски отъ времени потеряли свою свѣжесть, выцвѣли и потускнѣли, но все таки видно, что эта икона—плодъ довольно изящной, художествен-

ной работы. По обѣимъ сторонамъ фигуры святого находится множество серебряныхъ дощечекъ, называемыхъ привѣсками; на нѣкоторыхъ изъ нихъ награвированы изображенія лошадей. Разныя привѣски у чудотворныхъ иконъ, имѣющія форму сердца, руки, ноги,—явленіе весьма обыкновенное; что же касается лошадей, то онѣ попали сюда потому, что народъ считаетъ Антонія великимъ врагомъ конокрадовъ и защитникомъ и покровителемъ всѣхъ, пострадавшихъ отъ этого зла. Вотъ почему и теперь прибывающіе въ Подлисцы на отпустъ крестьяне приносятъ съ собой въ церковь восковыя фигурки лошадей. Отпусты же бываютъ здѣсь три раза въ годъ: 24 іюня, 29 числа того же мѣсяца и 14 сентября [1]).

Странно видѣть католическую икону въ православномъ храмѣ, особенно на горнемъ мѣстѣ; но важнѣе всего то, что эта икона хранится здѣсь не какъ памятникъ старины, не какъ историческая древность, вызывающая воспоминанія о быломъ, а какъ благоговѣйно чтимая святыня, обладающая, по народному вѣрованію, силою чудотвореній. Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ непримиримыхъ противорѣчій, которыя никакъ не поддаются разрѣшенію. Къ иконѣ толпами стекается православный народъ, а икона эта католическая. Къ святому, изображенному на ней, православный священникъ возсылаетъ моленія, а между тѣмъ православная церковь не знаетъ этого святаго: канонизація его произошла въ римской церкви и только для ея исповѣдниковъ имѣетъ силу. Является такимъ образомъ вопросъ: кому собственно молиться, чье имя призывать? По давно заведенному порядку, обыкновенно служатся акаѳисты и молебны Іисусу, находящемуся на рукахъ у Антонія. Но народъ, чуждый догматическихъ тонкостей, знаетъ одно, что икона чудотворная, что на ней изображенъ святой Антоній, который внимаетъ молящимся. Ему-то народъ и хочетъ молиться, его имя и желаетъ слышать во время священнослуженій. Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать? Остается развѣ имѣть въ виду при молитвосло-

[1]) Краткія свѣдѣнія объ иконѣ можно читать въ „Ист.-статист. опис. Волынской еп.“, напечатанномъ въ Вол. Еп. Вѣд. 1891 г. № 31.

віяхъ кого-нибудь изъ греко-русскихъ святыхъ, извѣстныхъ съ этимъ именемъ, хотя бы напр., Антонія кіево-печерскаго. Вообще всѣ эти обстоятельства,—какъ каждое порознь, такъ и въ своей совокупности,—представляютъ цѣлый рядъ противорѣчій, рядъ несообразностей. Правда, онѣ сознаны были очень рано, но устраненіе ихъ, по многимъ причинамъ, оказалось невозможнымъ. Мы разумѣемъ возникшее еще въ прошломъ вѣкѣ дѣло о передачѣ иконы Антонія изъ Подлисецкой церкви въ ближайшій католическій костелъ въ м. Бѣлогородкѣ. Дѣло это [1]) не лишено нѣкоторыхъ характерныхъ эпизодовъ, и потому мы намѣрены болѣе подробно остановиться на немъ.

II.

Не прошло и двухъ лѣтъ со времени возсоединенія волынскихъ уніатовъ, какъ бѣлогородецкій пробощъ ксендзъ Мѣшковскій донесъ летичевскому католическому бискупу графу Сѣраковскому, что въ православной подлисецкой церкви, принадлежавшей до возсоединенія къ его парафіи, находится католическая икона. Бискупъ Сѣраковскій придалъ значеніе этому донесенію и 12 апрѣля 1796 года обратился къ Іоанникію, епископу подольскому, съ ходатайствомъ о дозволеніи выдать эту икону изъ церкви и перенести ее въ бѣлогородецкій костелъ. Приводимый имъ въ подкрѣпленіе своего ходатайства резонъ—весьма основателенъ, именно тотъ, что „въ въ греческомъ календарѣ онаго святаго (т. е. Антонія Падуанскаго) не состоитъ, слѣдовательно и почитанъ быть не можетъ“. Но Іоанникій обратилъ вниманіе не столько на эти мотивы, сколько на другія, повидимому, побочныя обстоятельства. Онъ счелъ нужнымъ послать староконстантиновскому благочинному протоіерею Іоанну Бочковскому указъ, „чтобы онъ въ показанное село съѣхалъ и на мѣстѣ изслѣдовалъ, означенный образъ Антонія съ котораго времени и кѣмъ въ ту церковь поставленъ, чей онъ

[1]) Оно находится въ архивѣ волынской духовной консисторіи, 1796 годъ № 239.

именно, и имѣетъ ли отъ тамошнихъ прихожанъ или посторонних богомольцевъ какое уваженіе и почтеніе и можетъ ли быть просителю отданъ безъ огорченія или неудовольствія оныхъ и что по тому слѣдствію окажется, все оное при своемъ репортѣ прислать къ намъ немедленно для разсмотрѣнія". Эта резолюція сдана была въ такъ называемую походную контору, изъ которой 12 мая и послѣдовалъ указъ по этому предмету.

Бочковскій не особенно торопился съ слѣдствіемъ и только 22 іюня прислалъ требуемый „репортъ". Но надо отдать справедливость, что онъ вполнѣ добросовѣстно отнесся къ дѣлу. Онъ отправился въ Подлисцы и допросилъ самыхъ что ни на есть подлинныхъ старожиловъ. Этимъ путемъ удалось добыть достовѣрныя свѣдѣнія объ иконѣ, которыя до сихъ поръ остаются единственнымъ историческимъ документомъ по этому вопросу. Самый старѣйшій изъ допрошенныхъ крестьянъ, девяностолѣтній Лукіанъ Ткачъ сообщилъ, что подлисецкая параскевіевская церковь построена „общимъ коштомъ жителей" около 80 лѣтъ тому назадъ. Весьма живое участіе въ ея постройкѣ принималъ и кременецкій хорунжій, а потомъ староста, Андрей Прилуцкій, бывшій здѣсь въ продолженіи 30 лѣтъ посессоромъ. Кромѣ значительной денежной помощи крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ, онъ, по окончаніи постройки, соорудилъ католическій образъ Антонія и поставилъ его въ новой церкви. Вотъ каково происхожденіе этой иконы, до сихъ поръ служащей большимъ камнемъ преткновенія во многихъ отношеніяхъ.

Въ дальнѣйшей судьбѣ ея не совсѣмъ понятно слѣдующее обстоятельство. Бывшій у Прилуцкаго подстаростій Яковъ Витвицкій почему-то вздумалъ было перенести икону въ сосѣднее село Кропивну, куда она дѣйствительно была перенесена и поставлена въ мѣстной рождество-богородичной церкви. Но недолго оставалась она здѣсь, всего около мѣсяца. Прилуцкій, который на это время, вѣроятно, отсутствовалъ, узнавши обо всемъ „якобы изъ сновидѣнія", тотчасъ прибылъ въ с. Кропивну, собралъ народъ и священниковъ, разсказалъ о своемъ сновидѣніи и обратно препроводилъ икону на мѣсто въ с. Подлисцы. Безспорно—событіе довольно странное, но съ этихъ поръ въ

мнѣніи народа стала устанавливаться особая святость иконы: ее начали почитать больше другихъ иконъ, хотя она и не была еще признана чудотворною. Это послѣднее произошло, какъ видно изъ приложеннаго къ дѣлу документа, лишь въ 1777 году. Документъ этотъ скрѣпленъ подписью писаря луцко-острожской уніатской консисторіи Любовича и представляетъ собою постановленіе по дѣлу о признаніи иконы Антонія чудотворною; оно сдѣлано wielmożnym nayprzewielebnieyszym Jm. Xiędezm Teodorem Ochrymowiczem, kanclerzem Kafedralnym Luckim, Audytorem y Generalnym Sędzią. Вопросъ о чудотворности иконы возбудилъ подлисецкій парохъ Григорій Таборовскій, но дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ не на свой страхъ и рискъ, а, какъ сказано въ постановленіи, imieniem IW. Xięcia IM. Josefa Sanguszka. Marszałka Wielkiego Xięstwa Littewskiego. По представленію Таборовскаго, назначены были два депутата: Петръ Пузыновскій, парохъ шепетовскій, и Янъ Подгужанскій, дзеканъ заславскій, которые и произвели надлежащее разслѣдованіе „o łaskach y cudach obrazu S-go Antoniego Padewskiego". Такъ какъ свидѣтельскими показаніями была установлена чудотворность иконы, то Охрымовичъ „przyrzeczony obraz za słynący łaskami bydz deklerował, y tenze ku czcie i uszanowaniu od wiernych chrystusowych wyz pomienioney cerkwi podlisieckiey wystawic dozwolił". Такимъ образомъ икона оффиціально признана была чудотворною. Съ этого времени, какъ показывалъ Ткачъ, „и протчіе люди почитаютъ ее чудотворною и признаютъ быть святою". Его показаніе подтвердили пятеро другихъ старожиловъ, именно: Григорій Ткачъ 70 л., Іосифъ Лебедь 85 л., Іосифъ Псотюкъ 80 л., Матвѣй Лобъ 70 л. и Трофимъ Романовъ 57 л. Кромѣ того восемь подлисецкихъ же крестьянъ представили прот. Бочковскому прошеніе объ оставленіи иконы въ ихъ храмѣ; въ прошеніи они указывали на воздаваемое ей особое почитаніе и неподлежащую никакому сомнѣнію чудотворность.

Всѣ данныя слѣдствія Бочковскій направлялъ къ тому, чтобы икона осталась неприкосновенною и претензіи католическаго духовнаго начальства не получили удовлетворенія. Въ видуэтого ему необходимо было обратить вниманіе еще на

одинъ пунктъ и опровергнуть заявленіе пробоща Мѣшковскаго, будто с. Подлисцы принадлежали къ его парафіи. Это онъ и сдѣлалъ, утвердившись на томъ положеніи, что „римляне уніятскихъ церквей никогда въ своихъ парохіяхъ не имѣли, кромѣ жительствующихъ господъ и мазурей, но въ Подлисцахъ таковыхъ не было и доселѣ не имѣется". На самомъ дѣлѣ это село какъ прежде принадлежало, пишетъ онъ, такъ и теперь принадлежитъ къ парохіи изяславской, а не бѣлогородецкой. Для большаго убѣжденія въ дѣйствительности этого онъ представилъ въ консисторію имѣвшуюся у свящ. Таборовскаго пробощскую грамоту ксендза Мѣшковскаго, изъ которой видно, что дѣйствительно, при перечисленіи подвѣдомственныхъ ему приходовъ, с. Подлисцы не упомянуто.

Собравъ всѣ эти данныя, Бочковскій представилъ ихъ при рапортѣ Іоанникію подольскому, который поручилъ консисторіи разсмотрѣть дѣло и рѣшить вопросъ: „слѣдуетъ ли возвращать требуемую римлянами икону, или оставить оную на томъ же мѣстѣ"? 25 іюля состоялось постановленіе консисторіи. Нужно сказать, что здѣсь довольно правильно взглянули на всѣ обстоятельства дѣла, но окончательный выводъ слишкомъ нерѣшителенъ. Въ своемъ опредѣленіи консисторія пишетъ, что хотя икона Антонія и католическая, но слыветъ въ народѣ чудотворною и пользуется большимъ увлженіемъ, а потому не слѣдуетъ причинять недавно возсоединившимся прихожанамъ огорченія и возбуждать въ нихъ неудовольствіе. Въ виду этого предписано оставить икону въ церкви, но не на виду, а въ ризницѣ, подобно тому какъ здѣсь же отъ временъ уніатскихъ хранится и много другихъ церковныхъ вещей, оказывающихся теперь лишними и ненужными при богослуженіи. Въ этомъ смыслѣ посланъ былъ указъ [1]) прот. Бочковскому и увѣдомленіе бискупу Сѣраковскому.

---

[1]) Онъ напечатанъ въ Вол. Еп. Вѣд. 1891 г. № 31, стр. 958—959, прим. I.

III.

Дѣло этимъ однако не кончилось. Предписаніе консисторіи оставить икону въ подлисецкой церкви мало озабочивало ксендза Мѣшковскаго. Его попрежнему воодушевляла надежда овладѣть столь заманчивымъ предметомъ. Прямымъ и законнымъ путемъ достигнуть этого было трудно и онъ пошелъ окольной дорогой. Съ этой цѣлью онъ прибѣгнулъ къ протекціи такого вліятельнаго ходатая, какъ князь Сангушко. Какъ с. Подлисцы, такъ и м. Бѣлогородка входили въ составъ его имѣній и потому естественно, что кн. Сангушко горячо заинтересовался этимъ дѣломъ и принялъ въ немъ живѣйшее участіе. Можно догадываться, что онъ даже имѣлъ большой успѣхъ, потому что, вопреки очевидному смыслу консисторскаго постановленія, сталъ требовать у свящ. Таборовскаго икону Антонія. Ясно, что онъ имѣлъ для этого какое-ниб. основаніе; весьма возможно, что Іоанникій словесно или письменно обѣщалъ удовлетворить его ходатайство. Положительныхъ документовъ, подтверждающихъ эту догадку, мы не можемъ представить; по крайней мѣрѣ ихъ не имѣется при дѣлѣ, хранящемся въ консисторскомъ архивѣ, и вѣроятно, они находятся гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Но у насъ есть, во-первыхъ, вторичное прошеніе кс. Мѣшковскаго отъ 5 сентября 1797 года, въ которомъ онъ жалуется, что на требованіе кн. Сангушки свящ. Таборовскій не хочетъ отдать образа, „признавая его принадлежащимъ своей церквѣ“; вмѣстѣ съ тѣмъ Мѣшковскій проситъ побудить его исполнить это требованіе. Во-вторыхъ, мы имѣемъ письмо кн. Сангушки, гдѣ онъ выражаетъ благодарность еп. Іоанникію за вниманіе къ его просьбѣ о выдачѣ иконы „Dziękuię Jwm. Pana. пишетъ Сангушко, że na żądanie moie przez Xa Kanonika Proboszcza moiego Białogrodskiego zaniesione, o wydanie z cerkwi wsi moiey dziedziczney Podlisiec obrazu sw. Antoniego Padewskiego uczyniłes JWm Pan zadosyć“. Дѣйствительно, Іоанникій сдѣлалъ для Сангушки „zadosyc“. Изъ дальнѣйшихъ строкъ письма видно, что онъ обѣщалъ вытребовать икону въ Шаргородъ, гдѣ была его резиденція, и тамъ вручить ее Сангушкѣ. Потому-то Сангушко и послалъ своего

пробоща Мѣшковскаго въ Шаргородъ за полученіемъ иконы, если она уже есть тамъ; если же иконы еще нѣтъ, то ему поручено было исходатайствовать предписаніе свящ. Таборовскому выдать икону на руки князю Сангушкѣ. Съ своей стороны Сангушко обѣщалъ возвратить подлисецкой церкви стоимость серебряной ризы на иконѣ, а для улучшенія матеріальнаго благосостоянія священника предлагалъ ему прибавить поля на три дня въ каждую смѣну, да сѣнокоса на три косаря тоже въ каждую смѣну, т. е. всего около 18 морговъ.

Ожиданія Мѣшковскаго, явившагося къ еп. Іоанникію съ этимъ письмомъ кн. Сангушки и разсчитывавшаго возвратиться домой уже съ иконой, не оправдались. Ея еще не было въ Шаргородѣ и ему пришлось уѣхать восвояси ни съ чѣмъ. Но зато тогда же, именно 7 сентября, дѣйствительно послѣдовалъ указъ консисторіи, хотя, правда, не совсѣмъ въ желательномъ для кн. Сангушки смыслѣ. Должно быть, тотъ же Мѣшковскій, или кто-ниб. другой донесъ, что прежній указъ о помѣщеніи иконы въ ризницѣ не исполняется со всею строгостью, и вотъ теперь консисторія предписываетъ—съѣхать одному изъ членовъ староконстантиновскаго духовнаго правленія въ с. Подлисцы и посмотрѣть, выполнено ли требованіе консисторіи, т. е. перенесена ли икона въ ризницу, и если нѣтъ, то „тамошняго священника оштрафовать яко ослушника своей командѣ поклонами по разсмотрѣнію“, а икону тотчасъ же непремѣнно перенести въ ризницу. Что же касается ходатайства ксендза Мѣшковскаго, то ему „благопристойно объявить, что возвратить тотъ образъ въ римскій костіолъ духовная власть не находитъ справедливой причины“. Хотя указъ этотъ тогда же во всей строгости былъ выполненъ, но еп. Іоанникій не удовольствовался этимъ и мѣсяцъ спустя распорядился издать совершенно другой указъ, гораздо болѣе радикальный. Онъ вспомнилъ о давнемъ синодальномъ опредѣленіи, требующемъ всѣ новоявленныя иконы забирать въ соборы и монастыри; опредѣленіе это послѣдовало еще въ первые годы по учрежденіи синода, т. е. въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и его-то Іоанникій и рѣшилъ примѣнить къ настоящему случаю. Въ силу этого брацлавская консисторія

5 октября 1797 г. предписала староконстантиновскому протоіерею Пашкевичу съѣхать на мѣсто, пригласить ктитора, старшаго братчика и приходскаго священника Таборовскаго, взять при нихъ икону, уложить въ нарочно для того приготовленный ящикъ, привезти совмѣстно съ ктиторомъ въ Шаргородъ и при рапортѣ представить въ консисторію для освидѣтельствованія. Была ли это простая уловка, направленная къ тому, чтобы какъ-нибудь освободить православный храмъ отъ католической иконы, или въ самомъ дѣлѣ, въ виду настояній Сангушки, предполагалось передать икону въ руки католиковъ—мы не знаемъ, но съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что каковы бы ни были намѣренія и предположенія епархіальнаго начальства, имъ не суждено было осуществиться.

Изложенныя раньше данныя вполнѣ оправдываютъ тотъ несомнѣнный выводъ, что мѣстный причтъ былъ крѣпко заинтересованъ въ оставленіи иконы. Она считалась чудотворною, къ ней стекался народъ, а вслѣдствіе этого есть основаніе предполагать, что доходы причта выражались довольно круглой цифрой. Недаромъ Сангушко обѣщалъ значительно увеличить земельные фундуши церкви. Онъ отлично понималъ, что въ лицѣ священника встрѣтитъ главнаго противника своимъ планамъ, и считалъ необходимымъ прежде всего устранить эту помѣху; вполнѣ правильно онъ намѣтилъ и средство для достиженія своей цѣли. Но вотъ теперь указомъ консисторіи требовалось взять икону изъ церкви безъ всякаго возмѣщенія предстоящей убыли въ доходахъ священника. Естественно, что прямой матеріальный разсчетъ побуждалъ его принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы это распоряженіе осталось втуне. Но отказаться прямо отъ исполненія не было никакой возможности, за то оставался другой, болѣе вѣрный способъ—это дѣйствовать при помощи громады, изъ-за ея спины, тѣмъ болѣе, что сама громада съ тревогою и замираніемъ сердца должна была слѣдить за ходомъ всего этого дѣла; вѣдь, съ отнятіемъ иконы и прекращеніемъ отпустовъ, церковная касса опустѣла бы, и тогда подлисецкой церкви неминуемо угрожала бы бѣдность. Все это надо имѣть въ виду для правильнаго пониманія дальнѣйшихъ

обстоятельствъ, потому что, какъ намъ кажется, только этимъ путемъ можно объяснить то крайнее озлобленіе, съ какимъ крестьяне отнеслись къ консисторскому указу и его исполнителю.

IV.

Еще до пріѣзда въ с. Подлисцы, прот. Пашкевичъ узналъ, что громада отобрала у священника церковные ключи и хранитъ ихъ у себя. Едва ли, впрочемъ, ей была надобность употреблять для этого особенныя усилія; вѣрнѣе всего, что священникъ самъ съ охотою согласился отдать ей на храненіе церковные ключи. Предосторожность оказалась не излишнею, такъ какъ 4 ноября прибылъ въ Подлисцы Пашкевичъ. Заѣхавъ въ домъ священника, онъ послалъ дьячка за ктиторомъ и братчиками. Вѣсть о пріѣздѣ протоіерея съ быстротою молніи облетѣла все село и въ скоромъ времени собрала громаду къ корчмѣ, расположенной вблизи церкви. Едва посланный успѣлъ передать волю своего начальства, какъ отъ корчмы къ дому священника потянулась большая толпа человѣкъ въ сорокъ, вооруженная всякимъ дреколіемъ. Тревожное настроеніе толпы, дреколіе въ рукахъ, вообще—не совсѣмъ обычная обстановка происшествія сильно смутили протоіерея. Но онъ ничѣмъ не обнаружилъ этого и, собравшись съ духомъ, привѣтствовалъ народъ, а затѣмъ началъ дѣловой разговоръ.

— Кто-бы былъ изъ васъ ктиторъ и старшій братчикъ? спросилъ онъ.

— Вся громада ктиторъ и братчики, зашумѣла толпа.

— У кого бы изъ васъ содержались церковные ключи?

— У громады.

— Чтобъ тому за причина?

— Все! былъ громкій и лаконическій отвѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ громада объяснила, что сдѣлано это въ предупрежденіе воровства, которое начинаетъ происходить въ церкви: во 1-хъ украдены червонцы, а во 2-хъ икона Антонія принята съ горняго мѣста и воровскимъ образомъ поставлена въ другомъ мѣстѣ.

— Отъ за тее не дамо никому церковныхъ ключей! закончили свою рѣчь крестьяне и съ угрожающимъ видомъ начали обступать протоіерея. Смущеніе его стало возрастать, а между тѣмъ онъ и не начиналъ еще рѣчи о главной цѣли своего пріѣзда. Уже заранѣе можно было предполагать, что разговоръ объ этомъ вызоветъ цѣлую бурю и усилитъ и безъ того затруднительное положеніе протоіер. Пашкевича. Надо было побороть свое уныніе и нѣсколько успокоить толпу. Онъ дѣйствительно старался по возможности мягко и ласково обращаться къ народу. Но какъ ни подслащай пилюлю, а она все таки горькая.

— Люди божіе, сказалъ онъ, прошу выслушать указъ.— Онъ началъ читать и благополучно достигъ того мѣста, гдѣ предписывается взять икону и въ особомъ ящикѣ доставить въ Шаргородъ. Здѣсь во всей силѣ сказалась горечь пилюли, и терпѣніе народа истощилось.

— Го, го! не буде тутъ безъ убитаго,—раздались громкіе крики въ толпѣ. Затѣмъ началась брань, подъ аккомпониментъ которой Пашкевичъ докончилъ чтеніе указа и вновь началъ свои увѣщанія.

— Разсуждайте получше. Чтобы для вашего покоя и моего по повелѣнію исполненія...

— Не боимось мы ни Житоміра а ни Каминця,—прервали его рѣчь въ толпѣ и затѣмъ всѣ гурьбой направились въ обратный путь, не желая слушать никакихъ дальнѣйшихъ увѣщаній.

Между тѣмъ шляхтичъ Андрей Барановскій вручилъ пр. Пашкевичу письмо отъ пана, какъ оказалось кн. Іеронима Сангушки. Изъ письма видно, что Пашкевичъ обратился къ князю за содѣйствіемъ по приведенію въ исполненіе консисторскаго указа. Можно полагать, что онъ предугадывалъ о неизбѣжныхъ препятствіяхъ въ этомъ дѣлѣ и не былъ настолько самонадѣяннымъ, чтобы разсчитывать исключительно на свои собственныя силы. Но Сангушко просимаго содѣйствія не оказалъ, а напротивъ предлагалъ повременить съ взятіемъ иконы до полученія отъ епископа подольскаго еще какого-то указа, за кото-

рымъ онъ тотчасъ имѣлъ послать нарочнаго въ Шаргородъ [1]). Крестьяне же, провѣдавъ о полученіи письма и ничего, конечно, не зная объ его содержаніи, увидѣли въ этомъ для себя что-то зловѣщее. Они вновь собрались во дворъ священника и своимъ мрачнымъ, грознымъ видомъ навели такой панический ужасъ на протоіерея Пашкевича, что онъ вышелъ къ другимъ воротамъ, бросился въ свою повозку и предался постыдному бѣгству. Этимъ комическимъ финаломъ и закончилась его неудачная миссія.

Изложивъ всѣ обстоятельства дѣла въ рапортѣ [2]), онъ отослалъ его въ брацлавскую духовную консисторію 4 ноября

---

[1]) Князь Сангушко писалъ: „Przewielebny Mci Xięze Protoiereiu! Rekwizycyia Wm. Pana o pomoc do wzięcia obrazu s. Antoniego P· z cerkwi Podlisieckiey dla trudnosci zachodzących uczyniona y mnie tu zastała ¡dla tego proszę Wm. Pana, abys sie z wzięciem tego obrazu zatrzymał poki od JW. Pana Biskupa nie odbiorę rezolucyi, po które natychmiast umyslnego posylam“.

[2]) Приводимъ этотъ не безъинтересный рапортъ почти весь подлинникомъ. — Когда былъ посланъ дьячокъ за ктиторомъ и братчиками, „то вдругъ, пишетъ Пашкевичъ, отъ стороны корчмы открылась толпа народу человѣкъ до 40, и большая оныхъ часть съ палками. Видя я ихъ, сурово идущихъ и бегущихъ и уже сближающихся ко мнѣ, въ дворе священническомъ, привиталъ ихъ христіанскимъ образомъ, испросивъ ктобы былъ изъ нихъ ктиторъ и старшій братчикъ, вдругъ вскричали, что вся громада ктиторъ и братчики, причемъ спросилъ я вторично вкогобы снихъ содержались церковныя ключи зашумѣли въ громады, на то сказываю, чтобъ тому за притчина, отвѣчаютъ все, внасъ де вцеркве воровство. покрадены червонцы (а сколько и когда не объявили) и образъ антонего снятъ снадпрестолнаго места, и надъ ругомъ позолодейски положенъ; отъ за тее не дамо никому церковныхъ ключей, и какъ начали меня обступать, я умягчая ихъ суровость и ужасаясь ихъ предпріятій, сказалъ, люди божие, прошу выслушать указъ, и при чтеніи коего какъ послышали оне взятье иконы и о сохранномъ положеніи въ ящикъ на то привезенной, громко закричали го, го, не буде тутъ безъ убитаго, сразною непристойною бранию, я смалчивалъ на сие, я дочитывая указъ, и паки просилъ; разсуждайте получше, чтобы для вашего покоя и моего по повеленію исполненія, то оне отворотясь закричали небоимось мы нижитомира, ани каменія и пошли поузцерковь къ школе, втожъ самое время шляхтичъ Андрей Барановскій представилъ мне писмо а откудова оное, сказалъ мне отъ пана а откотораго не объявилъ (:кое при семъ вооригинале представляя, догадываюсь что отъ владѣльца Геронима князя Сангушки:) такожъ претящее мне взять икону, и какъ впознали о семъ мужики, то и паки взойшли на дворъ свящ. Таборовскаго, коихъ я прежнюю похвалку, j суровость ведая, убоялся, исторонними дверями ушолъ вторницы, а влезши вкибитку мою иными воротами убежалъ“.

1797 года. Въ тоже время было получено письмо кн. Сангушки на епископа Іоанникія слѣдующаго содержанія: „Z konsystorza Konstantynowskiego Im. X. Paszkiewicz Protoierey chcący podług rozkazu JWm. Pana wziąc Obraz z Cerkwi Podlisieckiey S. Antoniego P. dla zawiezienia do Szarogrodu, ma w tym przeszkode od Gromady tameyszey y do moiey jurisdykcyi w takim przypadku udał się, Ja o tym dowiedziawszy się zgłaszam się do JWm. Pana, abys wydał swoy rozkaz wydania mi tego obrazu do Kascioła Łacinskiezo nie każąc go do Szarogrodu odstawiac, sukiękę srebną jaka iest na tym obrazie zapłacę Gromadzie y do Cezkwi Podl. funduszu przyczynie“. Письмо, какъ видимъ, не представляло ничего новаго; и здѣсь Сангушко твердитъ все одно и то же. Но мѣстное епархіальное начальство не рѣшилось дѣлать окончательнаго постановленія по столь недоумѣнному вопросу. Оно нашло его выходящимъ изъ сферы своей компентенціи и 14 ноября изготовило рапортъ въ святѣйшій синодъ, откуда просило „въ резолюцію указа, какимъ образомъ поступить въ семъ случаѣ приказано будетъ“. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать и былъ, какъ нельзя болѣе, раціональнымъ. 28 января 1798 года за № 308 послѣдовалъ этотъ весьма достопримѣчательный синодальный указъ, въ которомъ, послѣ краткаго изложенія дѣла, находимъ слѣдующее постановленіе: „Какъ вышеупомянутой Параскевіевской церкви прихожане утверждаютъ, что означенной образъ устроенъ ихъ коштомъ и они имѣя къ нему не малое уваженіе, желаютъ, чтобы оный по прежнему оставленъ былъ въ той же приходской церкви, а хотя изображенный на той иконѣ Антоній Падевскій въ числѣ признаваемыхъ православною нашею церковію святыхъ и не состоитъ; но поелику означенные с. Подлисецъ жители къ Греко-Россійской православной вѣрѣ присоединились недавно, и потому необходимо нужно оказывать имъ, яко неутвердившимся еще въ православіи всякое возможное при всѣхъ случаяхъ снисхожденіе, дабы тѣмъ не подать способа паки обратиться имъ въ прежнюю свою религію, для того вашему преосвященству предписать, чтобы означенный образъ оставленъ былъ по прежнему въ тойже Параскевіевской церкви въ при-

стойномъ мѣстѣ". Консисторія непреминула, разумѣется, увѣдомить объ этомъ католическое духовное начальство, а также послала указъ староконстантиновскому духовному правленію [1]).

Можно себѣ представить, какъ успокоительно подѣйствовалъ этотъ указъ на мѣстное населеніе. Ничего иного и ожидать нельзя было. Если еще можно было опасаться, что икону прикажутъ взять изъ церкви, то никоимъ образомъ она не была бы передана въ костелъ. Вѣдь всякій легко сообразитъ, что тѣ самые православные люди, которые почитаютъ икону и обращаются къ ней съ молитвою, въ случаѣ передачи ея въ костелъ, станутъ ходить на отпустъ не въ церковь, а туда, гдѣ находится чтимая икона. Слѣдовательно, духовное начальство едва ли бы отнеслось такъ благосклонно къ этому вопросу, какъ того ожидали католики. Впрочемъ, они сами поняли теперь естественность этого соображенія и никакихъ дѣлъ объ иконѣ больше не возбуждали. Такимъ образомъ ничто теперь не нарушало наступившаго спокойствія въ средѣ мѣстнаго населенія. И это спокойствіе продолжалось не мало времени, болѣе полустолѣтія. Только, начиная съ 60-хъ годовъ, поднимается вновь вопросъ объ иконѣ. Но... должно предупредить, что намъ приходится оставить твердую почву достовѣрныхъ историческихъ документовъ и перейти въ весьма шаткую область сказаній, предположеній, догадокъ. При всемъ томъ нельзя отрицать, что онѣ имѣютъ извѣстную степень вѣроятія и хоть небольшую долю правды.

V.

Много самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, анекдотовъ можно услышать изъ устъ волынскихъ стариковъ-священниковъ объ архіепископѣ Антоніи (Павлинскомъ), назначенномъ въ 1860 г. на Волынь. До него волынская епархія считалась приписанною къ варшавской, а потому архіереи жили въ Вар-

[1]) Онъ напечатанъ въ Вол. Еп. Вѣд 1891 г. № 31. Къ сожалѣнію, здѣсь не изложены мотивы, какіе находятся въ синодальномъ указѣ.

шавѣ и лишь изрѣдка лѣтомъ наѣзжали сюда. Архіепископъ Антоній первый сталъ постоянно жить на Волыни и первый изъ архіереевъ объѣхалъ всю Волынь, не пропуская почти ни одного села. Быть можетъ, благодаря этому, онъ и создалъ себѣ такую популярность, что его вездѣ знаютъ, вездѣ помнятъ, всюду есть готовый анекдотъ объ немъ. Во всѣхъ этихъ анекдотахъ проглядываютъ тѣ преобладающія черты его характера, что онъ, въ минуты гнѣва, бывалъ очень грозенъ, не церемонился въ выраженіяхъ, громилъ направо и налѣво, а особенно ненавидѣлъ всякую уніатщину. Онъ внимательно осматривалъ каждую церковь, чтобы увидѣть, нѣтъ ли уніатскихъ иконъ, и если замѣчалъ, что есть, то не пропускалъ случая распорядиться о принятіи ихъ. Въ острожскомъ, напр., уѣздѣ во многихъ приходахъ были на жертвенникахъ иконы, извѣстныя подъ именемъ „живоноснаго источника“;—это изображеніе Спасителя, у котораго изъ боку ростетъ виноградная лоза; по сторонамъ стоятъ ангелы съ чашами, куда выжимается изъ кистей виноградный сокъ. Всѣ такія иконы, которыя и до сихъ поръ еще можно видѣть въ притворахъ нѣкоторыхъ сельскихъ церквей, велѣно было убрать и на ихъ мѣсто поставить новыя съ изображеніемъ, напр., моленія о чашѣ, или другихъ соотвѣтствующихъ событій.

Само собою понятно, что, пріѣхавъ въ Подлисцы и увидѣвъ на горнемъ мѣстѣ не то что уніатскую, а совсѣмъ католическую икону, арх. Антоній сильно вознегодовалъ. По обыкновенію. онъ не удержался, чтобы прежде всего не высказать нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній на этотъ счетъ и не сдѣлать строгаго выговора священнику и благочинному; вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ народу, заявилъ, что икона Антонія, какъ католическая, не можетъ быть на дальнѣйшее время допущена въ православномъ храмѣ. Тутъ одинъ изъ крестьянъ выступилъ съ возраженіемъ: —„Може Антоній и не святый, сказалъ онъ, того мы не знаемъ, но у него на рукахъ Іисусъ Христосъ, а Іисусъ Христосъ—то не тилько святый, а еще и Богъ—тее мы добре знаемъ. То може и чуда творыть самъ Іисусъ Христосъ, сыдящій на рукахъ у Антонія. Нехай той образъ, ваше прео-

свящ., таки тамъ буде". Арх. Антоній, не найдя чѣмъ опровергнуть это возраженіе, высказался въ томъ смыслѣ, что икону слѣдуетъ все таки взять изъ алтаря и поставить въ средней части храма; тогда она будетъ по крайней мѣрѣ видна народу, который чтитъ ее, какъ чудотворную. Выходя изъ церкви, онъ еще разъ напомнилъ о своемъ распоряженіи священнику. Между тѣмъ на другой день, предъ отправленіемъ въ путь, тотъ самый арх. Антоній, который вчера такъ настойчиво требовалъ принятія иконы съ горняго мѣста, теперь, неожиданно для всѣхъ, заявилъ: „пусть Антоній остается на своемъ мѣстѣ; онъ мнѣ цѣлую ночь спать не далъ". Въ такомъ видѣ мы слышали этотъ разсказъ отъ мѣстнаго священника о. Ѳ. Жолткевича, который, впрочемъ, не былъ еще тогда на приходѣ въ с. Подлисцахъ, но въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на крестьянъ и сосѣднихъ священниковъ. Въ такомъ же видѣ и съ тою же ссылкою онъ напечатанъ въ „Историко-статистическомъ описаніи волынской епархіи" [1]). Какъ смотрѣть на этотъ разсказъ? Слышится какъ будто что-то анекдотическое въ общемъ тонѣ и частныхъ его подробностяхъ, а между тѣмъ нѣтъ никакой возможности подтвердить его какими либо письменными документами. Въ тоже время нѣтъ вѣскаго повода заподозрѣвать его достовѣрность, такъ какъ разсказъ этотъ очень подходитъ къ характеру арх. Антонія. Несомнѣнно, что нѣчто похожее было, ибо какъ бы иначе икона до сихъ поръ уцѣлѣла на своемъ мѣстѣ? Антоній слылъ за человѣка слишкомъ непреклоннаго, чтобы рискнули ослушаться его приказанія.

Разсказанный случай тѣмъ замѣчателенъ, что онъ остался не безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу иконы—и это снова говоритъ въ пользу его достовѣрности. Авторъ „Историко-Статистическаго описанія", въ заключеніе своего разсказа, прибавляетъ: „Говорятъ, что, на основаніи указаннаго факта, всегда прекращалось дѣло относительно этой иконы, возбуждаемое впослѣдствіи и при другихъ архипастыряхъ волынскихъ". Изъ другихъ архипастырей иконою заинтересовался преемникъ Ан-

[1]) Вол. Еп. Вѣд. 1891. № 31.

тонія, арх. Агаѳангелъ (Соловьевъ), переведенный на Волынь въ 1866 г., и тоже требовалъ принять ее съ горняго мѣста. Ему доложили о случаѣ съ его предшественникомъ, и передаютъ, что онъ даже завелъ съ нимъ переписку по этому поводу. Чѣмъ она кончилась—неизвѣстно, извѣстно только, что въ его епископство сдѣлана была поверхъ иконы Антонія другая икона, именно Іисуса Христа въ святительскомъ облаченіи, а въ нижнемъ ярусѣ написано такъ называемое „коронованіе Богородицы". Такимъ образомъ икона Антонія теперь закрыта, но въ торжественные дни отпустовъ икона Спасителя выдвигается и молящіеся могутъ взирать на икону Антонія.

Не безъинтересенъ еще слѣдующій эпизодъ изъ самаго недавняго времени. Однажды преосвященный Александръ, бывшій викарій волынскій, а теперь епископъ архангельскій, во время ревизіи, заѣхалъ въ с. Подлисцы. Къ его пріѣзду икона Спасителя была, разумѣется, отодвинута, чтобы сразу можно было обратить вниманіе на главную достопримѣчательность храма, но, между прочимъ, объ этой достопримѣчательности его никто не предупредилъ. Войдя въ алтарь и взглянувъ на горнее мѣсто, онъ принялъ Антонія за Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ и выразилъ свое крайнее удивленіе, что, вопреки всѣмъ обычаямъ, такая икона находится на горнемъ мѣстѣ. Ему тотчасъ объяснили, въ чемъ дѣло. Преосвященный, впрочемъ, благосклонно отнесся къ иконѣ Антонія, основываясь на томъ убѣжденіи, что и въ западной церкви могли быть святые.

Въ настоящее время, какъ слышно, найдено все таки неумѣстнымъ держать католическую икону въ православномъ храмѣ, но какъ ее взять оттуда—пока еще окончательно не выяснено. Предполагается до времени оставить ее въ церкви, въ средней части храма. Несомнѣнно, что взятіе иконы сильно затрудняется ожидаемымъ неудовольствіемъ со стороны прихожанъ. Не мало будутъ огорчены тогда и тѣ массы католиковъ, которые составляютъ главный процентъ являющихся сюда на отпуста паломниковъ. Насколько вообще цѣнятъ католики эту икону—видно изъ того, что кн. Сангушко, какъ говорятъ, и

теперь готовъ предложить за нее 5000 руб. Мы не знаемъ, въ какой формѣ выразится окончательное рѣшеніе вопроса объ иконѣ Антонія, но по этому поводу невольно вспоминается величавая фигура покойнаго Платона, митрополита кіевскаго. Слишкомъ извѣстно надѣлавшее въ свое время столько шуму посѣщеніе имъ коростышевскаго костела, чтобы слѣдовало о немъ долго распространяться. Этотъ іерархъ, столько времени проживший на разныхъ окраинахъ русскихъ и имѣвшій возможность достаточно ознакомиться со всѣми перипетіями происходящей здѣсь племенной и религіозной борьбы, теперь, на склонѣ лѣтъ, протягиваетъ руку примиренія... Не обращая вниманія на всѣ вѣковыя традиціи, онъ, православный архіерей, заходитъ въ католическій храмъ, молится здѣсь предъ алтаремъ, благословляетъ иновѣрцевъ, говоритъ имъ слова мира и любви... Онъ говоритъ, что обѣ церкви—восточная и западная—это двѣ родныя сестры, которыя должны бы идти впередъ, взявшись за руки, а не расходиться такъ, какъ онѣ давно уже разошлись. Кажется. что только такими словами и можно обезоружить всякій фанатизмъ, которому давно пора сдѣлаться достояніемъ исторіи.

В. Храневичъ.

А. А. Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Въ этихъ оборотахъ стремленіе къ глагольности сказуемаго приводитъ къ замѣнѣ именительнаго падежа въ предикативномъ имени творительнымъ, т. е. къ превращенію сочетанія „N былъ *купецъ*“ въ сочетаніе „N былъ *купцомъ*“. Такой творительный составляетъ, какъ извѣстно, особенность языковъ славянскихъ и литовско-латышскаго. Его происхожденіе и значеніе раскрыты Потебнею въ обширной главѣ, которая есть настоящій шедёвръ грамматическаго изслѣдованія и сама по себѣ, помимо всего прочаго, могла бы обезсмертить имя Потебни въ исторіи знанія. Передадимъ въ немногихъ словахъ сущность этого изслѣдованія.

Синтаксическое различіе между „N былъ купецъ“ и „N былъ купцомъ“ состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ оборотѣ слово *купецъ*, образуя несомнѣнно часть составнаго сказуемаго, согласуется съ подлежащимъ и поэтому стоитъ въ именительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ во второмъ оборотѣ это согласованіе, а стало быть и связь предикативнаго имени (купецъ) съ его подлежащимъ устранены, и творительный (купцомъ), ставшій на мѣсто именительнаго, уже не можетъ быть разсматриваемъ—какъ часть сказуемаго.

Перенеся вопросъ на почву исторіи языка, Потебня доказалъ, что этотъ творительный вовсе не былъ *исконной* принад-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 8.

лежностью славяно-литовской группы (какъ думали нѣкоторые другіе авторитеты, напр. Миклошичъ), но возникъ въ этихъ языкахъ въ извѣстную эпоху. Первоначально, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, предикативное имя ставилось только въ именительномъ падежѣ, сохранившемся здѣсь и доселѣ, но только получившемъ, въ силу присутствія новой формы, способность выражать нѣкоторые особые оттѣнки [1]). Прототипомъ разсматриваемаго творительнаго Потебня признаетъ *творительный образа дѣйствія* въ тѣхъ случаяхъ, когда субстанція объекта, выраженнаго творительнымъ, совпадала съ субстанціею подлежащаго. Въ предложеніяхъ „N пишетъ *перомъ*“, „N идетъ *войною*“ и т. д. эти субстанціи не совпадаютъ, а потому подобные творительные образа и не могутъ разсматриваться какъ прототипъ творительнаго въ „N былъ *купцомъ*“. Другое дѣло— творительный образа въ выраженіяхъ, какъ „послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича *посольствомъ*“ (Новгор. I лѣтоп.), „игуменъ иде съ*лъмь* (посломъ)“ и т. д., „гдѣ замѣчается частное сліяніе субстанцій, такъ что *игуменъ* и былъ *посломъ*“ (Изъ зап., 500). Сюда нужно отнести и такъ-называемый *творительный сравненія и превращенія:* „конь летитъ *стрѣлою*“, „Игорь *соколомъ* полетѣ“, „у дороги *бѣлымъ камнемъ* осталась Марья царевна“.

„Въ этихъ случаяхъ“— говоритъ Потебня, ib., 500,— „можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго [2]), въ которомъ вообще такое совпаденіе субстанцій есть постоянный признакъ“.

Остается теперь раскрыть самый процессъ или условія возникновенія творительнаго „предикативнаго“ изъ указанныхъ его прототиповъ. Переходя къ этому вопросу, По-

---

[1]) „Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго“. (Изъ зап., 125).

[2]) Названіе *предикативнаго* Потебня удерживаетъ для краткости, оговариваясь, что не признаетъ (вопреки другимъ ученымъ) этотъ падежъ предикатомъ (частью сказуемаго).

тебня прежде всего обращаетъ вниманіе на тѣ глаголы, при которыхъ наблюдается замѣна именительнаго творительнымъ; и находитъ, что эти глаголы нужно раздѣлить на два разряда: 1) глаголы *большей энергичности*, каковы *быть*, *являться*, *казаться*, *называться*, *становиться* и т. д. и 2) глаголы *меньшей энергичности*, какъ *жить*, *умереть*, *цвѣсти*, *итти* и пр. Первые представляются болѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный „предикативнымъ" именемъ (N былъ *купцомъ*, онъ казался *задумчивымъ*, Петръ I называется *великимъ*) явственно изображается какъ результатъ энергіи, указанной глаголомъ (быть, казаться, называться), представленъ въ зависимости отъ нея и усматривается въ подлежащемъ непосредственно вслѣдъ за обнаруженіемъ этой энергіи, а не одновременно съ нею. Глаголы второй категоріи представляются менѣе энергичными въ томъ смыслѣ, что признакъ, выраженный именемъ (шелъ *пѣшій*, умеръ *бѣднякомъ*, жила *вдовою*), вовсе не представленъ какъ результатъ энергіи, обозначенной глаголомъ (шелъ, умеръ, жила), не стоитъ въ зависимости отъ нея и не слѣдуетъ за нею во времени. Это просто признакъ, усмотрѣнный въ подлежащемъ и привлеченный къ глаголу только потому, что его обнаруженіе представляется одновременнымъ съ обнаруженіемъ признака, выраженнаго глаголомъ: „шелъ пѣшій" не значитъ былъ пѣпѣшій потому, что шелъ, а значитъ: былъ пѣшій въ то самое время, какъ шелъ.

Обращаясь теперь къ исторіи языка, мы находимъ, что творительный „предикативный" появился при глаголахъ 2-го типа (*меньшей энергіи*) *раньше*, чѣмъ при глаголахъ 1-го типа (*большей* энергіи). Онъ появился сперва въ предложеніяхъ въ родѣ „она *жила* (умерла, сидѣла) *вдовою*", а уже потомъ въ предложеніяхъ типа „она *стала* (сдѣлалась, казалась, явилась) вдовой. Въ древности въ обоихъ случаяхъ стоялъ *именительный*: кънягыни *сѣдѣ вѣдова* лѣтъ 40, кънягыни *бысть вѣдова*. Затѣмъ въ извѣстную эпоху, сказалось наконецъ различіе энергичности глаголовъ, и результатъ былъ тотъ, что именительный *вдова* при глаголахъ меньшей энергіи, *жила*,

умерла, сидѣла, уже сталъ казаться неудобнымъ: малая энергичность глагола при большой (съ прогрессомъ языка все возроставшей субстанціальности существительнаго уже недостаточно крѣпко связывала признакъ „вдова“ съ глаголомъ „жила“ тѣми узами одновременности, которыя требовались смысломъ фразы; согласованіе *вдова* съ подлежащимъ *княгиня*, тяготѣніе аттрибута къ подлежащему перевѣшивало связь съ глаголомъ, и фраза рисковала быть понятою такъ, какъ будто „вдова“ есть *приложеніе* къ подлежащему, а не составная часть сказуемаго: „княгиня-вдова жила 40 лѣтъ“. Чтобы устранить это тяготѣніе признака *вдова* къ подлежащему и удержать его *при сказуемомъ*, нужно было разорвать узы, связующіе слово *вдова* съ подлежащимъ, т. е. нарушить согласованіе и изъ именительнаго перевести его въ какой-нибудь другой падежъ. Наиболѣе подходящимъ былъ, конечно, творительный образа, который и сталъ здѣсь на мѣсто именительнаго: княгиня жила *вдовою* (по образцу: игуменъ отправился *посломъ*). При глаголахъ большей энергіи такое превращеніе сначала не было столь настоятельно: глаголъ, благодаря своей энергичности, достаточно крѣпко держитъ въ предѣлахъ своей сферы именительный предиката, чтобы его можно было вывести оттуда и отнести къ подлежащему въ качествѣ приложенія: „княгиня была *вдова*“,— оборотъ существующій до сихъ поръ (рядомъ съ творит.—вдовою), между тѣмъ какъ именительный въ „княгиня жила *вдова*“ уже невозможенъ.

Первые всходы оборота съ творительнымъ усматриваются уже въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ памятникахъ (но не въ Остромировомъ Евангеліи, языку коего онъ совершенно чуждъ). Въ русскомъ языкѣ въ теченіе долгаго времени сохраняются равноправно оба оборота. Этой равноправности былъ положенъ предѣлъ только въ новомъ русскомъ, гдѣ, въ области глаголовъ большей энергичности, нужно различать двѣ группы: одну (называться, считаться, слыть, стать въ смыслѣ превратиться и др.), при которой творительный обязателенъ въ той же мѣрѣ, какъ и при глаголахъ малой энергіи (уже нельзя сказать: слыветъ *знатокъ*), и другую, куда входятъ глаголы *наибольшей*

энергичности (сдѣлаться, казаться, быть, стать въ смыслѣ нѣм. werden), при которыхъ старый именительный все еще держится частью рядомъ съ творительнымъ, частью—одинъ: „онъ былъ купецъ“ и „онъ былъ купцомъ“, но—„онъ (есть) купецъ“ (а не купцомъ, какъ въ польскомъ, гдѣ развитіе творит. „предикативнаго“ достигло крайнихъ предѣловъ).

Творительный падежъ, который мы разсматриваемъ, можетъ замѣнить собою не только именительный (въ именномъ сказуемомъ), но также винит. и родит. дополненія: я называю его (вин.) *братомъ*, я не называю его (род. 1) *братомъ*. Первоначально (въ памятникахъ наиболѣе архаическихъ по языку) здѣсь возможенъ только винит. и родит., т. е. необходимо согласованіе втораго падежа съ первымъ: называть *ее сестру*, не называть *ея сестры*. Такъ въ Остромировомъ Еванг. и въ Савиной книгѣ. Но въ другихъ церковнослав. памятникахъ уже появляется въ этихъ случаяхъ творительный (напр. въ Супрасльской рукоп.). Въ русскихъ памятникахъ такой творительный употребляется сначала наравнѣ съ согласуемымъ падежомъ: „поставиша Ѳеоктиста *епископа* (вин.) Чернигову“, но—„нарекъ ю (вин.=ее) *дщерью* себѣ (твор. вм. вин. *дщерь*).

Невдаваясь въ дальнѣйшія подробности, которыя были бы неудобны въ популярномъ изложеніи, укажемъ на общій смыслъ разсмотрѣннаго явленія, на его психологическое значеніе въ исторіи языка.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба оборота существуютъ рядомъ („онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ“), языкъ различаетъ ихъ не только формально, но и по значенію. Потебня доказалъ, что первоначально такого различенія не было, и творительному долго не присваивалась спеціальная функція выражать одни оттѣнки значенія, а именительному—другіе. Суть явленія состоитъ отнюдь не въ стремленіи разграничить эти оттѣнки, а въ общемъ стремленіи языка *дать перевѣсъ глагольному сказуемому надъ именнымъ*. Въ данномъ случаѣ это достигается тѣмъ, что согласованіе предикативнаго имени (офицеръ) съ подлежащимъ (онъ) разрушается, и это имя переводится въ область несогласуемыхъ падежей, т. е. устраняется изъ сферы

сказуемаго и превращается въ дополненіе. Въ силу этого, глаголъ „былъ", игравшій подчиненную роль *связи*, сразу возвышается на степень *самостоятельнаго сказуемаго*. Въ „онъ былъ офицеръ" сказуемое—составное „былъ офицеръ", и глаголъ „былъ"—связка. Вся фраза имѣетъ какъ-бы два темпа—подлежащее и сказуемое, изъ коихъ второй (сказуемое) состоитъ изъ двухъ актовъ мысли, такъ что все предложеніе можетъ быть представлено въ видѣ трехъ тактовъ, примѣрно такъ: подлежащему, равному $^1/_4$, противопоставляется одинъ сложный членъ (сказуемое) изъ $^1/_8+^3/_8$. „Мысль здѣсь не останавливается на связкѣ *былъ* ($^1/_8$) и пользуется ею лишь для перехода отъ подлежащаго къ мыслимому въ немъ аттрибуту" (Изъ зап., 521—2). Иной характеръ усматривается въ оборотѣ съ творительнымъ". Въ „онъ былъ офицеромъ" все грамматическое содержаніе мыслится въ три одинаковые пріема и можетъ быть сравнено съ тактомъ изъ трехъ четвертей: *былъ* есть не связка, а самостоятельное сказуемое; *офицеромъ* дополненіе къ нему, стало быть нѣчто мыслимое не въ подлежащемъ, а особо отъ него, несмотря на частное совпаденіе, и въ тоже время особо отъ сказуемаго". (Изъ зап., 5 21). Вотъ именно это превращеніе глагола—связки въ самостоятельное сказуемое и образуетъ сущность явленія. Засимъ разъ новый оборотъ появился и получилъ ва языкѣ извѣстное распространеніе, не вытѣснивъ вполнѣ стараго оборота, то послѣдній пріобрѣтаетъ новый смыслъ. Грамматическо-психологическое сознаніе (не научное, а „инстинктивное"), что *былъ* въ „онъ былъ офицеръ" есть связка, что предикативный аттрибутъ „офицеръ" составляетъ главную часть сказуемаго, невольно вызываетъ въ умѣ представленіе о томъ, что въ этомъ аттрибутѣ выраженъ какой-то не то существенный, не то постоянный, или же въ данную минуту особенно важный признакъ подлежащаго. Но такіе оттѣнки значенія этотъ старый оборотъ могъ получить только послѣ того, какъ рядомъ съ нимъ сталъ новый—съ творительнымъ: самостоятельность глагольнаго сказуемаго (былъ) въ этомъ послѣднемъ рѣзче оттѣняла собою подчиненную роль глагола въ старомъ оборотѣ. Разрывая связь предикативнаго аттрибута (офицеръ) съ подлежа-

щимъ (онъ), переводя его въ сферу дополненія и тѣмъ самымъ придавая большій вѣсъ глаголу (былъ), новый оборотъ какъ-бы наталкиваетъ мысль на предположеніе, что аттрибутъ, выраженный творительнымъ, не существенъ для подлежащаго, что если N *былъ* тамъ-то (офицеромъ), то онъ *могъ быть* или *раньше* былъ другимъ (не-офицеромъ). Такой смыслъ новый оборотъ получилъ не сразу. Онъ развился въ немъ съ теченіемъ времени, благопріятствуемый внутренними свойствами оборота (самостоятельность глагола—сказуемаго), которыя въ тоже время заставляли мысль оцѣнивать противоположныя свойства стараго оборота и утилизировать его для выраженія соотвѣтственныхъ оттѣнковъ значенія.

Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, Потебня, такъ сказать, подслушалъ сокровенное прозябаніе языка и обнаружилъ тѣ внутренніе процессы рѣчи, которые творятъ мысль.

VI.

Прилагательное гораздо больше существительнаго удерживается въ именительномъ падежѣ предикативнаго имени, въ особенности при глаголахъ меньшей энергичности: мы до сихъ поръ говоримъ „она жила *грустная*“, между тѣмъ какъ „жила *вдова*“ уже невозможно. Обязателенъ творительный прилагательныхъ при глаголахъ *средней* энергичности, каковы *слыть*, *считаться*, *называться*: „онъ слыветъ *умнымъ*, *счастливымъ*“. При глаголахъ наибольшей энергіи (быть, казаться и др.) этотъ падежъ далеко не такъ обыченъ, и нерѣдко предпочтеніе отдается именительному: „онъ былъ *веселъ*“, „онъ казался *уменъ*“. Въ подобныхъ случаяхъ именит. падежъ прилагательнаго въ безчленной формѣ выражаетъ тѣ-же оттѣнки, которые передаются творительнымъ существительныхъ.

Итакъ, прилагательное то идетъ въ ногу съ существительнымъ, то отстаетъ отъ него.

Это различіе обусловлено самой природою прилагательнаго.

Мы знаемъ, что прилагательное есть тотъ актъ мысли, которымъ мы апперцепируемъ признакъ, данный въ субстанціи.

Ниже намъ прійдется еще разъ затронуть этотъ вопросъ; здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что въ древности прилагательное, обозначая признакъ, данный въ субстанціи, могло намекать и на самую субстанцію, и съ этой стороны приближалось къ существительному. Съ теченіемъ времени все увеличивалось разстояніе между этими двумя частями рѣчи, и прилагательное теряло свойство указывать на субстанцію, между тѣмъ какъ субстанціальность существительнаго все болѣе развивалась. Вотъ почему при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ уже невозможенъ именительный существительнаго, прилагательное можетъ оставаться въ именит. пад., т. е. сохранять согласованіе съ подлежащимъ: субстанція, на которую намекаетъ прилагательное, такъ слаба, неопредѣленна, неиндивидуальна, что это согласованіе нисколько не мѣшаетъ намъ по прежнему мыслить данный аттрибутъ въ связи съ глаголомъ (жила грустная), не заставляетъ нашу мысль забывать о предикативномъ значеніи прилагательнаго и непремѣнно относить его къ подлежащему въ видѣ приложенія (она, грустная, жила...), что наступаетъ при существительномъ (въ имен. п.) въ силу его субстанціальности (она жила вдова=она, вдова, жила...).

Но прилагательное имѣетъ еще одно этимологическое свойство, которое въ существительномъ усматривается лишь въ слабой степени: огромное большинство прилагательныхъ всегда можетъ быть по мѣрѣ надобности превращено въ *нарѣчія*: грустный—грустно, веселый—весело. Поэтому при глаголахъ меньшей энергіи, гдѣ обязателенъ творительный существительнаго, для прилагательнаго открывается другой исходъ—превратиться въ нарѣчіе, если удержаніе именительнаго почему-либо нежелательно: „она жила грустно, весело, счастливо“. Нарѣчіемъ легче и удобнѣе осуществляется здѣсь тотъ самый результатъ, который въ оборотахъ съ существительнымъ достигается замѣною именительнаго падежа творительнымъ: сказуемое изъ составнаго становится простымъ, глагольнымъ, на мѣстѣ согласуемаго именнаго предиката является несогласуемая часть рѣчи (нарѣчіе), и вся фраза выигрываетъ въ глагольности и единствѣ. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и было заторможено

распространеніе оборотовъ съ творительнымъ прилагательнаго при глаголахъ меньшей энергіи. Оборотъ „она жила *грустною*“ представляется и ненужнымъ, и неудобнымъ, потому что, кромѣ стараго „она жила *грустная*“, возможенъ и удобенъ еще одинъ оборотъ „она жила *грустно*“. Иное дѣло—обороты съ глаголами большей энергіи. Здѣсь нарѣчія (въ положит. степ.) не годятся, ибо не могутъ—пока—выразить *результата* дѣйствія, а показываютъ только его *качество*, обозначаютъ признакъ ему сопутствующій, а не слѣдующій за нимъ. Поэтому нельзя сказать: „она стала (казалась, слыла, была) *весело*“, и остается въ извѣстныхъ случаяхъ сохранять именительный (она стала, казалась грустна), въ другихъ, по примѣру существительныхъ, замѣнять его обязательнымъ или необязательнымъ творительнымъ: „она слыла, называлась *веселою*“, „казалась грустною“ и т. д.

Появленіе нарѣчій въ указанныхъ случаяхъ на мѣсто прилагательнаго есть одно изъ многихъ проявленій все того же движенія въ сторону глагольности сказуемаго. Такой же смыслъ имѣетъ распространеніе категоріи нарѣчія на счетъ прилагательнаго еще въ двухъ сферахъ: 1) въ сравнительной степени и 2) въ причастіи.

Великорусскія и общерусскія сравнительныя степени прилагательныхъ суть уже нарѣчія, а не прилагательныя, и фразы „онъ *больше* меня“; „онъ былъ *лучше* ея“, по своему чину, по глагольности сказуемаго, стоятъ на одномъ уровнѣ съ „онъ жилъ весело“ (при чемъ сравнительная степень даетъ нарѣчію возможность употребляться и при глаголахъ большей энергіи), между тѣмъ какъ малорусское „винъ бильшій видъ мене“, гдѣ сохраняется прилагательное въ сравн. степ., болѣе архаично и подходитъ къ типу: „онъ жилъ *грустный*“.

Дѣепричастія суть причастія, переведенныя изъ категоріи прилагательнаго въ категорію нарѣчія. Ихъ возникновеніе есть несомнѣнный признакъ усиленія глагольности рѣчи. Выше мы видѣли, какимъ образомъ дѣепричастіе, становясь на мѣсто стараго причастія, превращаетъ глаголъ-связку въ самостоятельное сказуемое. При глаголахъ меньшей энергіи оно замѣ-

няетъ творительный, подобно обыкновенному нарѣчію: „она сидѣла грустя“.

Стремленія языка къ усиленію глагольности проявлялись постепенно, переходя исподоволь отъ одной сферы къ другой. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ глубокой древности, и однимъ изъ наиболѣе раннихъ завоеваній глагола было созданіе *инфинитива* (неопредѣленнаго наклоненія), которому посвященъ въ „Запискахъ по русской грамм.“ обширный отдѣлъ (342—443). Не имѣя возможности передать здѣсь содержаніе этого превосходнаго изслѣдованія, ограничимся изложеніемъ общаго взгляда Потебни на неопредѣл. наклоненіе,—взгляда, расходящагося съ воззрѣніемъ нѣкоторыхъ авторитетовъ, какъ напр. Боппа и Як. Гримма.

Давно уже доказано, что неопредѣленное накл. возникло изъ имени существительнаго и представляетъ собою какъ-бы окаменѣвшую форму извѣстнаго (у насъ—дательнаго) падежа. Дальнѣйшее распространеніе этого совершенно вѣрнаго положенія привело однако къ ложному пониманію инфинитива—какъ *отглагольнаго имени существительнаго*. Ошибка состоитъ въ томъ, что современному инфинитиву приписываются признаки, которые онъ имѣлъ нѣкогда, въ глубокой древности, и которые онъ давнымъ давно утратилъ. Это все равно, что опредѣлять бабочку какъ куколку на томъ основаніи, что она изъ куколки развивается, или современныя письмена—какъ гіероглифы, предполагая, что они возникли нѣкогда изъ послѣднихъ. Въ дѣйствительности неопредѣленное накл. перестало быть именемъ уже въ глубокой доисторической древности, потерявъ отличительные признаки имени (склоненіе, число, родъ), и превратилось сперва въ особую часть рѣчи, занимающую середину между именемъ и глаголомъ (какъ причастіе), а затѣмъ все болѣе вовлекалось въ сферу глагольности, пока наконецъ не впитало въ себя характерныхъ глагольныхъ свойствъ—быть сказуемымъ, обозначать дѣятельность въ ея теченіи, намекать на лицо. Казалось бы, что *знать* то же самое, что́ *знаніе*. Но стоитъ только взять эти формы въ живой рѣчи, чтобы сейчасъ же уловить грамматическую разницу между ними. „Хочу знать“ есть со-

ставное сказуемое изъ *хочу*—родъ связки и *знать*,—формы которая, вопервыхъ, представляетъ цѣль хотѣнія не какъ *вещь* (субстанцію), постороннюю субъекту (я), но какъ *дѣятельность* или *энергію*, на которую направлено хотѣніе субъекта, а, вовторыхъ, явственно относитъ эту дѣятельность къ грамматическому *лицу* подлежащаго: въ „хочу знать“ инфинитивъ *знать* указываетъ на 1-е лицо и можетъ быть разложенъ такъ: хочу, чтобы *я знал*, въ „хочешь знать“ онъ указываетъ на 2-е лицо и т. д. Теперь замѣнимъ въ нашемъ примѣрѣ неопредѣл. наклоненіе существительнымъ: „хочу *знанія*“. Весь строй фразы измѣнится. Здѣсь *хочу*—уже не связка, а самостоятельное сказуемое, *знанія*—не составная часть сказуемаго, а *дополненіе*, никакого отношенія къ лицу не имѣющее и указывающее не на дѣятельность подлежащаго, а на (фиктивную) субстанцію, постороннюю ему. *Знаніе* есть именно *существительное отглагольное*, *знать когда-то* было таковымъ, но давно уже перестало имъ быть. Если же желательно дать ему такое опредѣленіе, въ которомъ бы заключалось указаніе на происхожденіе этой формы, то можно бы назвать его существительнымъ *оглаголеннымъ* (а не отглагольнымъ).

Изъ вышесказаннаго видно, что *отношеніе къ лицу* образуетъ свойство неопредѣленнаго накл. и вмѣстѣ важнѣйшее основаніе его глагольности. Этому нисколько не противорѣчитъ то, что неопредѣленное наклоненіе не имѣетъ личныхъ окончаній и, взятое отдѣльно, не даетъ возможности отнести его къ опредѣленному лицу. Въ новыхъ языкахъ личныя окончанія нерѣдко стушевываются, но это не служитъ препятствіемъ признавать напр. французскія aime, aimes, aime (2-е только на письмѣ, для глазъ, отлично отъ 1-го и 3-го) за формы, имѣющія отношеніе къ лицу, т. е. за глаголы, хотя для опредѣленія того или другаго лица необходимо присоединить мѣстоименіе, которое и беретъ на себя функцію отсутствующаго окончанія: j'aime, tu aimes, il aime. Такъ и въ нашихъ прошедшихъ временахъ: я взялъ, ты взялъ, онъ взялъ. Вообще для глагола существенна не столько способность обозначать опредѣленное лицо, сколько способность относиться къ какому-быто ни было, лицу, извѣстному

или неизвѣстному. Неопредѣленное наклоненіе, взятое отдѣльно, непремѣнно относится къ лицу, но только неизвѣстному, необозначенному. Чтобы оно выяснилось, нужно взять неопредѣленное накл. въ предложеніи. Въ „хочу знать“ оно есть то самое, къ которому относится связка *хочу*: оно есть лицо подлежащаго. Такое неопредѣленное наклоненіе Потебня, вслѣдъ за Гриммомъ, называетъ *субъективнымъ*, въ противоположность другому, *объективному*, котораго лицо указано не подлежащимъ и не связкою, а *дополненіемъ*: „прошу *васъ прійти*“. Здѣсь „прійти“ значитъ „чтобы *вы* пришли“.

Изъ исторіи русскаго инфинитива, столь обстоятельно и глубоко изслѣдованной Потебнею, мы остановимся здѣсь только на одной чертѣ, на которую впрочемъ мы уже указывали выше; но теперь, послѣ всего, что было сказано о значеніи творительнаго, нарѣчій, дѣепричастій, эта черта получитъ надлежащее освѣщеніе. Да припомнитъ читатель вышеуказанные старинные обороты въ родѣ „сѣде княжа“, чему въ современномъ языкѣ отвѣчаетъ оборотъ „сѣлъ княжить“. Движеніе мысли, осуществившееся въ переходѣ отъ стараго оборота къ новому, совершенно аналогично тому, которое мы отмѣтили, указывая на различіе между старымъ „сѣде вдова“ и новымъ „сидѣла вдовою“. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, прежняя согласуемая часть предиката (причастіе *княжа*, существ. *вдова* въ им. п.) замѣняется формою несогласуемою (неопредѣл. *княжить*, твор. несогласующійся *вдовою*). Разница только въ томъ, что въ оборотѣ съ творительнымъ сказуемое перестало быть составнымъ, и глаголъ изъ связки сдѣланъ настоящимъ предикатомъ, между тѣмъ какъ въ „сѣлъ княжить“ сказуемое остается составнымъ. Но результатъ процесса оказывается въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ-же—развитіе *глагольности сказуемаго*, потому что замѣна причастія, формы именной, неопредѣленнымъ наклоненіемъ, формою, не сохранившею въ себѣ ничего именного и совершенно оглаголенною, есть конечно цѣнный вкладъ въ дѣло оглаголенія сказуемаго.

Вообще всѣ разсмотрѣнные процессы, равно какъ и нѣкоторые другіе, которыхъ мы не коснулись здѣсь, можно клас-

сифицировать вмѣстѣ и опредѣлить ихъ психологическую сущность—какъ *стремленіе языка сосредоточить предикативную силу въ глаголѣ*. Изъ анализа явленій, сюда относящихся нетрудно уразумѣть, что, по мѣрѣ развитія этого стремленія и достиженія соотвѣтственныхъ результатовъ, уменьшается число *согласуемыхъ частей предложенія* и увеличивается на ихъ счетъ число *несогласуемыхъ*. Такъ, несогласующійся съ подлежащимъ творительный (вдовою) сталъ на мѣсто прежняго именительнаго (вдова), который согласовался съ подлежащимъ; на мѣсто прилагательнаго стало нарѣчіе; причастіе замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ или, въ другихъ случаяхъ,—дѣепричастіемъ согласуемость есть признакъ грамматической функціи, называемой *аттрибутивностью*, той, стало быть, которой представителемъ служитъ преимущественно *прилагательное*. Поскольку существительное сохраняетъ способность быть аттрибутомъ и поэтому согласоваться въ падежѣ съ опредѣляемымъ словомъ (напр. въ *приложеніи:* Петръ, царь великій...), постольку оно еще сохраняетъ слѣды своей былой близости къ прилагательному. И наоборотъ, поскольку прилагательное можетъ еще употребляться какъ подлежащее и дополненіе, т. е. обозначать субстанцію, постольку оно еще сохраняетъ тѣнь своей прежней близости къ существительному. Чѣмъ глубже будемъ мы опускаться въ древность, тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться разстояніе между этими двумя частями рѣчи, какъ со стороны чисто формальной, такъ и со стороны ихъ грамматическихъ функцій въ предложеніи. По направленію къ намъ это разстояніе все увеличивается. И когда мы видимъ, что существительное, взятое какъ предикативный аттрибутъ (она-*вдова*), перестаетъ согласоваться съ подлежащимъ (она сидѣла *вдовою*), то мы заключаемъ, что его аттрибутивная гибкость пошла на убыль, что оно замѣтно теряетъ способность играть роль прилагательнаго, выражать признакъ, усматриваемый въ другомъ предметѣ. Оно все рѣшительнѣе пріурочивается къ *субстанціальности*; съ тѣмъ вмѣстѣ прилагательное пріурочивается къ *аттрибутивности*.

Эта эволюція существительнаго по направленію къ наибольшей субстанціальности и прилагательнаго—къ наибольшей

аттрибутивности есть, какъ показалъ Потебня, процессъ, идущій въ ногу съ развитіемъ глагольности предложенія.

VII.

Былая близость прилагательнаго къ существительному до сихъ поръ сказывается въ нѣкоторыхъ оборотахъ, напр.—когда прилагательное выступаетъ въ роли подлежащаго или дополненія. Изъ числа такихъ оборотовъ нужно исключить тѣ случаи, гдѣ прилагательное превратилось уже въ настоящее существительное (напр. *подушное*=подать), а равно и тѣ, гдѣ подразумѣвается существительное. Но Потебня во многихъ случаяхъ рѣшительно высказывается противъ такого подразумѣванія, какъ насилія надъ языкомъ, и приводитъ примѣры, гдѣ настоящее прилагательное само по себѣ выступаетъ въ роли подлежащаго и дополненія. Таковы выраженія: „*богатъ* шелъ въ пиръ, а *убогъ* брелъ въ миръ“ [1]), „и *глупъ* молвитъ слово въ ладъ“, „*глупъ* да *лѣнивъ* одно дважды дѣлаетъ“. По мнѣнію Потебни, при всѣхъ этихъ прилагательныхъ (богатъ, убогъ, глупъ) не слѣдуетъ подразумѣвать якобы опущеннаго „человѣкъ“, что ясно видно изъ выраженія „*битъ небитаго* на рукахъ носитъ“. „Кто это *битъ, небитъ?* Опять человѣкъ? Почему же непремѣнно такъ, когда знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ битъ и везетъ, а лиса небита и ѣдетъ? И опять почему же *битъ* непремѣнно волкъ, когда знаемъ, что цѣнность такихъ выраженій именно и состоитъ въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ не опредѣляется (кромѣ грамматическаго рода): кто бы ни былъ битъ, но онъ небитаго везетъ“. (Изъ зап., 98). Вотъ именно прилагательное въ старину и обладало въ гораздо большей степени, чѣмъ нынѣ, этою способностью выражать неопредѣленную субстанцію. Его дальнѣйшая эволюція состоитъ въ относительной потерѣ этой способности.

---

[1]) Т. е. въ *мірѣ*. Потебня писалъ оба слова (миръ и міръ) одинаково черезъ *и*.

Изслѣдованіе исторіи прилагательнаго съ этой точки зрѣнія должно было войти въ третью часть „Записокъ по русской грамматикѣ“, которая осталась въ рукописи, не вполнѣ готовой къ печати. Общее понятіе о содержаніи этого замѣчательнаго труда, къ сожалѣнію не получившаго окончательной отдѣлки, даетъ намъ статья г. Харціева „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“, помѣщенная въ 4-мъ томѣ „Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества“ (стр. 75 и сл.). „Отношеніе мысли къ слову“, говоритъ г. Харціевъ, составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служитъ вопросъ „откуда и куда мы идемъ“ въ смыслѣ прогресса мысли“.
Сопоставляя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Харціевымъ, съ тѣми краткими указаніями, которыя мы находимъ въ автобіографической запискѣ Потебни, приложенной ко второму тому „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина, мы можемъ, не впадая въ грубую ошибку, въ слѣдующемъ видѣ возстановить одну изъ основныхъ и важнѣйшихъ идей покойнаго, развитіе и обоснованіе которой занимало его въ послѣдніе годы жизни.

Если существительное, удаляясь отъ прилагательнаго, выигрываетъ въ субстанціальности, то это не значитъ, что категорія субстанціи пріобрѣтаетъ съ развитіемъ языка все больше и больше значенія въ процессѣ нашего мышленія. Напротивъ: это значитъ, что умственный прогрессъ ведетъ нашу мысь въ обратномъ направленіи—отъ господства категоріи субстанціи къ ея устраненію. И въ самомъ дѣлѣ, эта форма мысли въ старину воплощалась не только въ существительномъ, но и въ прилагательномъ, между тѣмъ какъ аттрибутивность древнихъ существительныхъ вовсе не была отрицаніемъ ихъ субстанціальности. Въ чемъ собственно состоитъ аттрибутивность существительнаго? Что происходитъ въ сознаніи, когда признакъ, усмотрѣнный въ предметѣ, выражается посредствомъ имени существительнаго? Этотъ признакъ понимается какъ извѣстная субстанція, находящаяся въ другой субстанціи. Такой пріемъ мышленія и лежитъ въ основѣ такъ называемыхъ *приложеній*: Петръ, царь великій, Владиміръ—Солнышко, Дмитрій—Грозныя Очи. Въ субстанціи „Петръ“ усматривается присутствіе извѣ-

стнаго признака, который въ свою очередь схватывается мыслью какъ особая субстанція (царь). Въ эпоху, когда прилагательныя имѣли бо́льшую или меньшую субстанціальность (хотя бы такую какъ *битъ*, *небитъ*, *богатъ*, *убогъ* въ вышеприведенныхъ пословицахъ „битъ небитаго везетъ“ и пр.), признакъ, имъ выраженный, понимался очень близко къ тому, какъ если бы онъ былъ выраженъ существительнымъ, такъ что напр. *бѣлый* камень“ было почти равносильно выраженію „камень—*бѣлизна*“, а это послѣднее было основано на томъ же пріемѣ мысли, на которомъ зиждятся приложенія и эпитеты въ родѣ „Владиміръ—Красное Солнышко“. Когда наконецъ прилагательныя потеряли эту субстанціальность, тогда обозначился великій переворотъ, происшедшій въ мысли: слово *бѣлый* перестало выражать субстанцію, находящуюся въ „камнѣ“ и превратилось въ особую форму мысли, способную обозначать признакъ, неимѣющій своей субстанціальности, несуществующій отдѣльно отъ предметовъ, въ которыхъ онъ усматривается. Итакъ, отдѣленіе и эволюція прилагательнаго, сосредоточеніе въ немъ чистой аттрибутивности есть, такой процессъ въ исторіи мысли, который приводитъ къ „*устраненію въ языкѣ и мысли субстанцій, ставшихъ мнимыми*“.

Создавъ особую грамматическую категорію—*прилагательнаго*, языкъ ограничилъ болѣе тѣсными предѣлами—*существительнаго* сферу, занимаемую въ нашемъ сознаніи категоріей *субстанціи*. Въ исторіи развитія самихъ существительныхъ тотъ-же процессъ устраненія мнимой субстанціи обнаруживается въ превращеніи существительныхъ нѣкогда конкретныхъ въ отвлеченныя. Въ эпоху, когда могли сказать „камень-бѣлизна“ вмѣсто „бѣлый камень“, *бѣлизна* понималась какъ субстанція конкретная, подлинная, какъ вещь. Нынѣ она понимается, какъ фиктивная, а потому и не можетъ уже служить выраженіемъ аттрибута. Не трудно видѣть, что этотъ переходъ отъ конкретнаго пониманія *бѣлизны*, *доброты*, *долготы*, *ширины*, *истины* и т. д. къ отвлеченному есть своего рода *устраненіе мнимой субстанціи*.

Тотъ-же процессъ Потебня клалъ въ основу развитія „безличныхъ“ (безсубъектныхъ) предложеній (свѣтаетъ, болитъ, тош-

нитъ), которыя онъ считалъ явленіемъ сравнительно новымъ (неархаическимъ).

Процессъ устраненія субстанціи, ставшей мнимой, знаменуетъ собою ту самую эволюцію языка и мысли, которая сказывается въ вышеразсмотрѣнномъ стремленіи къ развитію глагольности рѣчи. Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы, какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и пріучается отливать полученныя впечатлѣнія въ форму *признака* и *энергіи*. Эта эволюція мысли, открытая Потебнею, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически-документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ, напр., отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ—отъ теорій, въ силу коихъ напр. *огонь* или *число* представлялись *субстанціями* (Гераклидъ, Пиѳагоръ), къ новому взгляду на нихъ, какъ на *процессъ* (огонь) или *отношеніе между вещами* (число). Корни сознательнаго мышленія (миѳологическаго, метафизическаго, научнаго) глубоко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Воззрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія волнъ на поверхности психіи, въ сознаніи,—управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, созидаемаго языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго—подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за *явленіями*, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ тѣхъ-же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ *признаковъ*, *процессовъ*, *энергіи* („*явленій*"). Метафизикъ мыслитъ

въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное—подлежащее, ученый—неметафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго есть въ мышленіи грамматическомъ глаголъ—сказуемое. Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежатъ въ основѣ понятій *причины* и *слѣдствія*, *матеріи* и *силы*. Развитіе понятія *силы* насчетъ понятія *матеріи*, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,—переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ, какъ на *процессы* или *силы*.

Таковы тѣ грандіозныя перспективы, которыя открывалъ Потебня въ своихъ изслѣдованіяхъ и лекціяхъ. Изданіе третьей части „Записокъ по русской грамматикѣ“, несмотря на отсутствіе окончательной отдѣлки, безпорно, составитъ эпоху—не въ одной только „Исторіи русскаго языка“. Трудъ этотъ будетъ важнымъ вкладомъ въ психологію мысли и дастъ много новаго для „теоріи познаванія“, для пониманія эволюціи мышленія научнаго и философскаго.

VIII.

Синтаксическіе труды Потебни, сущность которыхъ мы изложили выше, поставили насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о происхожденіи и эволюціи отвлеченнаго мышленія. Одновременно съ этими глубокими изслѣдованіями Потебня велъ и другія, столь же глубокія, направленныя на изученіе тѣхъ сторонъ языка, которыя лежатъ въ основаніи „мышленія образами“, т. е. поэзіи. Исходная точка этихъ изученій была дана опять таки В. Гумбольдтомъ; ея основанія были разработаны до извѣстной степени другими учеными, но Потебня первый далъ строго-научную и разработанную въ подробностяхъ *эволюціонную* теорію поэзіи и со свойственнымъ ему даромъ широкаго обобщенія связалъ явленія языка въ его развитіи съ фактами исторіи по-

этическихъ формъ и съ психологическими тайнами художественнаго творчества. Къ сожалѣнію, этотъ огромный трудъ былъ обработанъ только *устно*—въ тѣхъ удивительныхъ лекціяхъ по „теоріи словесности", которыя навсегда останутся въ памяти учениковъ покойнаго, какъ впечатлѣніе ослѣпительно-яркаго свѣта, какъ неизгладимое воспоминаніе о высокомъ умственномъ наслажденіи, объ откровеніи научнаго творчества, которое развертывалось тутъ-же, въ аудиторіи, и неудержимо увлекало слушателя въ свой потокъ. (См, въ 4-мъ томѣ Сборника Харьк. Историко-фил. Общ. воспоминанія г. Горнфельда объ этихъ лекціяхъ). Потебня не успѣлъ обработать этихъ лекцій для печати. Остались только, по словамъ г. Харціева, „замѣтки для себя", черновые матеріалы. Современемъ, они будутъ, конечно, изданы и, безъ сомнѣнія, дадутъ ключъ для полнаго пониманія другаго обширнаго труда Потебни—„Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ",—труда, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи и теоріи поэзіи, но въ настоящее время, безъ необходимыхъ поясненій, на которыя Потебня былъ такъ щедръ въ своихъ лекціяхъ и такъ скупъ въ печати, не можетъ быть оцѣненъ и утилизированъ съ этой стороны надлежащимъ образомъ.

Познакомить публику съ воззрѣніями Потебни на происхожденіе и эволюцію поэзіи, на ея отношеніе съ одной стороны къ языку, а съ другой къ мышленію отвлеченному („прозаическому") можно будетъ только послѣ того, какъ будутъ изданы черновые матеріалы „по теоріи словесности". Пока мы можемъ только изложить въ немногихъ словахъ основы этихъ воззрѣній Потебни и указать направленіе, въ которомъ онъ велъ свои изысканія.

Основанія теоріи были намѣчены Потебнею 30 лѣтъ тому назадъ въ уже извѣстномъ намъ сочиненіи „Мысль и языкъ".

Да припомнитъ читатель то, что выше было сказано о „внутренней формѣ" слова. Пока она жива, пока „образъ", заключенный въ словѣ, сознается и различается отъ содержанія (значенія), до тѣхъ поръ слово является какъ бы поэтическимъ произведеніемъ. Его созданіе есть прототипъ или элементарная,

зачаточная форма поэтическаго (и вообще художественнаго) творчества. Между такимъ словомъ (*удавъ*; *мышь*—при сознаніи, что это значитъ собственно „воръ"; *жалованье*, *верста*—о высокорослomъ человѣкѣ и т. д.) и произведеніемъ искусства можно провести полную параллель. Въ томъ и другомъ ясно различаются три аналогичныхъ элемента:

1) *Внѣшняя форма.* Въ словѣ—это членораздѣльные звуки; въ статуѣ—мраморъ, извѣстнымъ образомъ обработанный; въ картинѣ—краски и т. д.

2) *Внутренняя форма* или *образъ.* Въ словѣ—это напр. „воръ"—для понятія *мыши*, „верста"—о высокомъ человѣкѣ и т. д. Въ статуѣ—напр. образъ женщины съ мечомъ и вѣсами.

3) *Содержаніе.* Въ словѣ—это его *значеніе*: извѣстное животное для слова „мышь", извѣстная змѣя — для слова „удавъ". Въ статуѣ—это ея *идея*, въ данномъ случаѣ—правосудіе.

Образъ (изваянный, нарисованный красками, описанный въ словесномъ произведеніи искусства, выраженный музыкальными звуками) самъ по себѣ еще не составляетъ содержанія художественнаго произведенія: содержаніемъ служитъ *идея; образъ* только указываетъ на содержаніе, наводитъ на него, служитъ способомъ его *представленія*. Такъ точно и въ словѣ: образъ, напр. *жалованье*, т. е. нѣчто пожалованное (въ знакъ любви, срав. жаловать—любить), подарокъ, не составляетъ значенія (содержанія) этого слова и только является однимъ изъ способовъ представлять это значеніе, которое—вовсе не „подарокъ", а „законное вознагражденіе". Но то же самое значеніе уже иначе *представлено*—посредствомъ другаго образа—въ латинскомъ *pensio*, т. е. какъ нѣчто такое, что отвѣшивается, еще иначе въ лат. *annum* (то, что отпускается на годъ) и опять иначе во франц. *gage* (залогъ, ручательство). Значеніе всѣхъ этихъ словъ—одно; способы изображенія—различны, а потому каждое изъ нихъ „направляетъ мысль" иначе. („Мысль и Яз.", стр. 178). Всѣ они ведутъ къ одной и той же цѣли, но различными путями.

Уже въ сочиненіи „Мысль и Языкъ" (глава X) Потебня провелъ эту аналогію между словомъ (съ живою внутреннею формою)

и художественнымъ произведеніемъ и, исходя изъ идей Гумбольдта, намѣтилъ, такъ сказать, программу будущихъ изслѣдованій въ области исторіи и теоріи поэзіи. Эта программа и была выполнена въ лекціяхъ по „теоріи словесности“. Правильнѣе можно было бы озаглавить ихъ такъ: чтенія объ эволюціи поэтическихъ формъ изъ ихъ прототиповъ, заключенныхъ въ языкѣ. Переходными ступенями отъ слова съ живымъ образомъ къ пѣснѣ, сказкѣ, поэмѣ и т. д. служатъ „эпитеты“ и „реторическія фигуры“. Ихъ анализу и раскрытію ихъ значенія въ эволюціи поэтическаго творчества былъ посвященъ покойнымъ ученымъ обширный курсъ, въ которомъ „реторическіе“ тропы и фигуры являлись предметомъ не схоластическаго и догматическаго изложенія, а историческаго и психологическаго изслѣдованія.

Лекціи по „теоріи словесности“ были созданіемъ цѣлой науки — эволюціи и психологіи поэтическаго творчества въ языкѣ и въ искусствѣ. Здѣсь глубоко захватывались высшіе вопросы объ отношеніяхъ поэзіи къ миѳу и мышленію отвлеченному (научному и философскому); здѣсь закладывались прочныя основы научной эстетики, открывались широкіе горизонты мысли,—это былъ огромный трудъ великаго ума, къ сожалѣнію, почти потерянный для ученаго міра и публики, потому что состояніе сохранившихся матеріаловъ таково, что ихъ изданіе не дастъ возможности возстановить все богатство идей и всю силу творчества, вложенныхъ покойнымъ въ эти изученія.

Заключаю. Если мы будемъ имѣть въ виду только два сочиненія Потебни—„Мысль и языкъ“ и „Изъ записокъ по русс. грамм.“, то на вопросъ: „что собственно сдѣлалъ и открылъ Потебня въ сферѣ знанія психологическаго и философскаго?“—мы отвѣтимъ такъ:

Въ сочиненіи „Мысль и языкъ“ онъ далъ оцѣнку и критику воззрѣній В. Гумбольдта на языкъ и, отправляясь отъ основныхъ положеній этого мыслителя, развилъ психологическую теорію языка, какъ силы, творящей и преобразующей мысль, при чемъ онъ установилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній или

точекъ зрѣнія, которыя впослѣдствіи были вновь установлены въ Германіи, какъ нѣчто совершенно оригинальное. Стоитъ только сравнить „Мысль и языкъ“ напр. съ „Principien der Sprachengeschichte“ Hermann Paul, чтобы убѣдиться въ этомъ,—какъ равно и въ томъ, что эта превосходная книга въ нѣкоторыхъ частяхъ была бы глубже и разностороннѣе, если бы авторъ былъ знакомъ съ аналогичнымъ произведеніемъ Потебни.

2) Въ „Зап. по русс. Грам.“ Потебня проникъ въ психологію и эволюцію языка такъ глубоко, какъ никогда еще не проникалъ ни одинъ ученый, даже самъ Як. Гриммъ, и результатомъ этого проникновенія было открытіе *измѣняемости предложенія*, опредѣленіе того *пути*, по которому идетъ мысль человѣческая, и *направленія*, въ которомъ она движется, именно—*въ сторону все большаго развитія глагольност сказуемаго и ограниченія категоріи субстанціальности.*

Это открытіе такъ велико, что—если бы Потебня писалъ напр. по нѣмецки—его имя давно уже стояло бы рядомъ съ именами *великихъ* ученыхъ XIX вѣка, и возникла бы цѣлая литература комментаріевъ, популяризаціи, приложеній его открытій къ различнымъ смежнымъ сферамъ знанія и т. д.

Безспорно,—такая литература современемъ и возникнетъ заграницей, когда труды Потебни будутъ переведены. Вліяніе нашего ученаго на западно-европейскую науку будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень значительно,—и его имя будетъ по праву передано грядущимъ вѣкамъ, какъ одно изъ славнѣйшихъ именъ науки.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Такъ называемая „Краткая Кіевская Лѣтопись".

Единственный извѣстный списокъ данной лѣтописи находится въ рукописи б-ки Москов. Главн. Архива М—ва Иностр. Дѣлъ № 21-й [1]): 4° maj., л. 74. Подарена рукопись Архиву въ 1781-мъ году А. Ѳ. Малиновскимъ; а въ 1836-мъ очень точно издана кн. М. А. Оболенскимъ, подъ заглавіемъ „Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи" [2]).

Оболенскій нашелъ въ рукописи двѣ части (кромѣ приписки) и далъ имъ названія: 1-й (л. л. 1—59 рукописи=с. с. 1+1—123 изданія Оболенскаго)—„Сокращенная Новгородская Лѣтопись, отъ начала земли славянской до взятія Москвы Тохтамышемъ въ 1382 году"; 2-й (л. л. 59—74=с. с. 1+127—154)—„Краткая Кіевская Лѣтопись, отъ начала земли русской до 1516 года", съ припиской (1543 г.) въ концѣ (л. 74=с. 155).

2-я часть „Супрасльской рукописи" (л. л. 59—74), т. е. т. наз. „Краткая Кіевская лѣтопись" съ припиской 1543 г. и послужитъ предметомъ настоящей статьи. Задача послѣдней—анализъ даннаго списка, расчлененіе его на составныя части.

Т. наз. Краткой Кіевской лѣтописью пользовался, какъ отмѣчено Оболенскимъ (с. 158) подъ такимъ именно именемъ,

---

[1]) По старому каталогу № 26-й, а еще раньше—70-й.

[2]) Москва, въ Синодальной типографіи, 1836. 4° maj. с. с. 2 (бѣлыя)+XXIV+2 (бѣлыя+1+1—123+1+127—172+32+? (бѣлыя)+(2 часть снимковъ).

О Супрасльской рукописи и пріемахъ изданія на с. с. XXI—III; описаніе Супр. ркп. на с. 157—9.

еще Карамзинъ, называя ее то „Архив. Кіев. Лѣт. № 70-й“, то „Краткій Кіевскій современный лѣтописецъ“ (т. 17, прим. 124). Съ тѣхъ поръ это названіе утвердилось за ней, насколько мнѣ извѣстно, въ наукѣ.—Но названіе „Кіевская“ къ ней ни въ какомъ отношеніи неприложимо: ни по выбору или характеру извѣстій (т. е. кіевскихъ или съ кіевской точки зрѣнія), ни по мѣсту написанія или переписки: языку и правописанію рукописи.

Въ рукописи (Супрасльской) лѣтопись не имѣетъ названія или заглавія. Слова „начало Роускых князей Роускаго княженья“, написанныя въ началѣ киноварью, относятся къ извѣстію подъ 862-мъ годомъ: о призваніи князей. (Ср. ниже между извѣстіями 1052 и 1054 г.г. слова „начало Печерскому монастыроу отъ Антоніа“:).

По формѣ записи, т. е. по пріему записыванья годовъ, т. наз. Кр. Кіев. лѣт., (включая въ нее и запись 1543 г.), распадается на 4 части. 1-я заканчивается 1500 годомъ. Въ ней, и притомъ только въ ней, форма записи года вездѣ безъ исключенія: „В лѣто ҂ѕ҃.т҃.о҃, напримѣръ; далѣе слѣдуетъ либо самое извѣстіе, либо индиктъ, либо мѣсяцъ и число. 2-я часть—добавочныя извѣстія 1449+1482+1491 гг., помѣщенныя послѣ извѣстій 1500 года. Форма записи года въ нихъ: „Въ лѣто ҂ѕ҃ ноє̊ или: „є̊“, или безъ) ц҃. н҃. з҃ є̊, наприм. 3-я часть два извѣстія (краткое и пространное) 1515 года. Здѣсь форма записи годовъ: „Въ лѣто ҂з҃.к҃.г҃. годоу“. 4-ю часть представляетъ извѣстіе 1543 г., съ формой записи года: „Въ лѣто *отъ начала міру* ҂ѕ҃.нв є, индиктиѡна“.

Четырехчастность состава лѣтописи подтверждается и другими соображеніями. Извѣстіе 1543 года писано, по свидѣтельству Оболенскаго (на. с 158-й), „особеннымъ почеркомъ“. Какъ замѣчено уже П. В. Владимировымъ, „записи 1515 и 1543 г. отличаются по языку (въ количественномъ отношеніи: языкъ чище, народнѣе) и правописанію отъ всего предшествующаго въ рукописи. До 1515 г. въ рукописи встрѣчается ѧ. Краткое извѣстіе 1515 г. органически связано съ обширной записью 1515 года. Способъ выраженія въ обѣихъ записяхъ въ иныхъ случаяхъ

тождественъ: „славный великый градъ Смолнескъ", „владыку Смоленського Варсонофіа звелъ (съ Смоленска [1]) на Москву".— Прибавочныя извѣстія, 1449+1482+1491 годовъ являются повтореніемъ извѣстій, помѣщенныхъ раньше подъ 1453, 1482, 1492 г., но иной редакціи: разница (не противорѣчіе) въ подробностяхъ извѣстій и противорѣчіе въ 2-хъ случаяхъ въ годахъ. Заимствованы эти извѣстія, слѣдовательно, изъ другаго источника и надо думать письменнаго (точность: индиктъ, мѣсяцъ, число). Заимствованы притомъ скорѣе другимъ лицомъ, а не редакторомъ 1-й части. Редакторъ однообразилъ бы форму записи годовъ.

Только 1-я часть, обнимающая извѣстія 862—1500 годовъ, и притомъ въ нынѣшнемъ лишь ея видѣ, представляетъ одно цѣлое. Запись подъ 1015 годомъ, излагающая родословную московскихъ князей, даетъ, кажется, возможность опредѣлить время редакціи 1-й части въ данномъ видѣ. Родословная заканчивается:

„Васильевъ сынъ Иванъ *Великый, самодрѣжець всеѧ земли Руское, тесть князя великаго Александра Литовьскаго.*

Ивановъ сынъ Иванъ, за тымъ Волоскаго дочька Стефанова. Василей, Юрьи, Дмитрей, Семеонъ, Андрей.

Ивановъ сынъ Дмитрій.

Ни объ одномъ изъ помѣщенныхъ въ этой родословной московскихъ князей такихъ подробностей не сообщалось. Это заставляетъ предполагать, что родословная писана при жизни упоминаемыхъ въ ней: Ивана Васильевича Московскаго и Александра Литовскаго. Тестемъ Литовскаго князя Иванъ Васильевичъ сталъ съ 1494 года. Слѣдовательно, родословная въ нынѣшнемъ своемъ видѣ писана не раньше этого года и не позже 1505 года, въ которомъ умеръ Иванъ Васильевичъ [2]). А такъ какъ извѣстія въ 1-й части заканчиваются 1500 годомъ, то можно думать, что редактирована 1-я часть въ промежутокъ времени 1500—1505 годовъ.

---

[1]) Обзоръ южно-рус. и зп.-р. памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол. Кіевъ 1890 г., с. 39.

[2]) Александръ+1506 и, Дмитрій Ивановичъ+1509 г; Иванъ Ивановичъ+ раньше въ 1489 г.

Но представляя одно цѣлое въ нынѣшнемъ ея видѣ, 1-я часть, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ признакамъ, распадается на 2 половины. Внѣшней гранью между этими половинами служатъ 2—стоящія внѣ годоваго порядка—извѣстія 1453 и 1482 годовъ: о взятіи Царьграда Турками и Кіева Татарами. Раньше ихъ (по 1461-й г.) и позже (съ 1481 г.) всѣ извѣстія идутъ въ порядкѣ годовъ.

Внѣшнимъ признакомъ 1-й половины можно считать обыкновеніе непосредственно за указаніемъ года помѣщать самое извѣстіе. (Исключеніе всего одно—запись 1415 г.). Главный внутренній признакъ 1-й половины—*подборъ* извѣстій, относящихся къ Смоленску и Новгороду. Отмѣчаются вообще любопытныя вещи: знаменія, народныя бѣдствія, битвы, годы посаженія на столъ и смерти в. кн. Кіевскихъ, Московскихъ и Литовскихъ, и т. п.; но извѣстіямъ, касающимся Новгорода [1]) и *особенно* Смоленска [2]) удѣляется преимущественное вниманіе. Этотъ интересъ къ Смоленску особенно ярко выступаетъ въ извѣстіяхъ 1055, 1165 годовъ:

„Въ лѣто ҂ѕ҃.ѳ҃.ѯ҃г нача княжити въ Кіевѣ Изяславь Ярославичъ, и Вячеславь въ Смоленску“... (О князьяхъ по другимъ городамъ—ни слова).

„ Въ лѣто ҂ѕ҃.ѯ҃.о҃г преставися Ростиславъ Мстиславичъ. Сіи Ростиславъ Мстиславичъ *наречень въ святомъ крещеніи Михаилъ, внукъ Владимера Монамаха*, святую богородицу строилъ въ Смоленьсцѣ Марта к҃а, княживъ лѣтъ д҃ въ Кіевѣ“. (Замѣчательная подробность: христіанское имя, внукъ Мономаховъ. Объясняется тѣмъ, что князь этотъ „святую Богородицу строилъ въ Смоленьсцѣ“).

Цѣлый рядъ извѣстій о Новгородскихъ дѣлахъ идетъ начиная съ 1415 года, причемъ съ этого же времени—(точнѣе: послѣ 1405 г., къ которому относится предыдущее извѣстіе)—

---

[1]) Подъ годами: 1045+1052, 1155, 1177, 1240+1268, 1346+1348, 1386, 1390, 1415+1417+1428+1429, 1433+1434+1440+1441+1461. Но до 1429 г. всѣ они такого характера, что могли быть отмѣчены просто какъ любопытныя.

[2]) Подъ годами: 1055, 1100, 1145, 1155, 1165, 1177, 1230 (два), 1341 (два), 1386, 1395, 1401+1403+1404+1405+1415, 1435+1440.

записи о Смоленскѣ почти прекращаются. О немъ упоминается еще 3 раза, но слишкомъ кратко; причемъ въ 1-мъ случаѣ на ряду съ Москвой: („Того же лѣта Москва и Смоленескь погоре", въ 1415 г.), а въ 2-хъ—лишь какъ бы къ слову. По точности и подробности записи, указывающей на современное и Новгородское ея происхожденіе, выдѣляется послѣднее въ 1-й половинѣ извѣстіе (1461 г.): о смерти архіепископа Новгородскаго Евфимія. Это извѣстіе должно, можно думать, считать современной припиской къ тексту 1-й половины.

О дѣлахъ Литовскаго государства и въ частности Кіева въ 1-й половинѣ упоминаній мало, не больше, чѣмъ о дѣлахъ Московскихъ и Тверскихъ.—Литовское государство—для составителя чужое. Говоря о литовскихъ дѣлахъ, онъ употребляетъ выраженія, умѣстныя лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ; напримѣръ:

„Бысть мятежъ въ Литвѣ, въсташа сами на ся..." оженися Ягайло и поятъ за себе *нѣкоую* королицю" (подъ 1381 годомъ). („Нѣкоую"—даже не считаетъ нужнымъ отмѣтить имя и государство).

Къ личности Витовта составитель относится, повидимому, съ особеннымъ несочувствіемъ:

Витовьтъ бѣжа въ Нѣмци и много зла сътвóри Литовьской земли (подъ 1381 г.) а волостем (Смоленсцим) много зла сътвóри... Сеже бысть послѣднее *плѣненіе* Смоленскоу отъ Витовта... и Ляхомъ предасть градъ дръжати (подъ 1405 годомъ).

О пораженіи Витовта Темиръ-Котлуемъ разсказывается даже какъ бы съ насмѣшкой... „а Витовтъ бѣгу ся ять... (подъ 1399 годомъ).

Значительное количество Новгородскихъ извѣстій и отношеніе къ дѣламъ Литовскимъ какъ къ чужимъ заставляетъ предполагать въ составителѣ если не уроженца, то жителя Новгорода [1]). Это-какъ бы краткая Новгородская редакція извѣстій

---

[1]) Лишь въ одномъ извѣстіи проскальзываетъ словно бы житель Литовскаго государства. Разсказъ о поставленіи въ Смоленскѣ архіепископа въ Новгородъ заканчивается словами: „при великомъ князи Литовскомъ Швитригайло" (подъ 1434 г.) Но ближайшее отношеніе этого извѣстія къ Новгороду заставляетъ видѣть въ этой

о Смоленскихъ дѣлахъ и вообще интересныхъ фактахъ, съ прибавленіемъ въ концѣ за лѣтъ 25-ть краткихъ же свѣдѣній о дѣлахъ преимущественно Новгородскихъ,

Редакторована 1-я половина въ нынѣшнемъ ея видѣ: между 1441 и 1461 годами. Извѣстіе 1461 г., какъ сказано уже выше,—приписка (современная запись).

Но по нѣкоторымъ признакамъ это была уже 2-я и даже 3-я редакція 1-й части:

1) Съ 1415 г. и до конца идутъ извѣстія преимущественно о Новгородѣ. (3-жды упоминается Смоленскъ; по 1-нъ разъ на ряду съ Москвой, а 2 раза по связи съ Новгородскими дѣлами).

2) Подъ 1429 и 1434 г. отмѣчены поставленія Новгородскихъ Владыкъ: раньше это не отмѣчалось.

3) Подъ 1371 г. отмѣчено рожденіе Василія Дмитріевича: „Влѣто ѕ҃ отъ Ноя родился князю Дмитрію Ивановичю сынъ князь Василей“.

Ни раньше, ни позже рожденіе князей не отмѣчается. Это заставляетъ видѣть въ редакторѣ современника даннаго князя,—упомянувшаго объ его рожденіи не въ примѣръ другимъ, какъ о рожденіи князя великаго или наслѣдника престола. (Князь Василій сталъ великимъ княземъ въ 1389 г., а + 1425 г.)

4) Помѣщенная подъ 1015 г. родословная Московскихъ князей по построенію дѣлится на двѣ половины. Въ 1-й обозначаются вообще дѣти Московскихъ князей; во 2-й—(начиная съ сына Димитріева Василія, о которомъ чуть говорилось)—лишь Московскіе князья. (Исключеніе—конецъ: дѣти и внуки Ивана Васильевича). Это наводитъ на мысль о принадлежности 1-й и 2-й половины родословной 2-мъ авторамъ.

прибавкѣ простую подробность. (Ср. ниже подъ 1485 г. о покореніи Твери; „при владице Тферскомъ Васьяне“).

(На ближайшее отношеніе 1-й половины къ Новгороду указываетъ и слѣдующее обстоятельство. Извѣстія о Смоленскихъ и Литовскихъ дѣлахъ общія ей и Сокращеной Новгородской (по 1381 г). либо продолженію Новгородской 1-й (съ 1386 г.),— и здѣсь и тамъ одной редакціи. Вся разница въ томъ, что подробности то въ той то въ другой изъ нихъ опущены).

Все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ вѣроятному предположенію, что 1-я редакція 1-й части могла обнимать извѣстія по 1382-й, а 2-я по 1405 г.—Такимъ образомъ объемъ извѣстій 1-й редакціи могъ совпадать съ предѣлами Сокращенной Новгородской Лѣтописи, а вся 1-ая часть въ 3-ей редакціи совпадаетъ съ предѣлами Продолженія Новгородской 1-й Лѣтописи.

Но и послѣ 3-ей редакціи 1-я часть подвергалась измѣненіямъ. Родословная Московскихъ князей, помѣщенная подъ 1015 г., была дополняема и прошла чрезъ редакцію Литовскую,—чрезъ редакцію лица, объединившаго 1-ю и 2-ю половины 1-й части. Скорѣе всего членъ Литовскаго государства могъ отмѣтить, что Иванъ Васильевичъ—„тесть князя великаго Александра Литовьскаго".

Вставленныя внѣ порядка годовъ извѣстія 1453 и 1482 г. по характеру изложенія принадлежатъ одному лицу. Оба они начинаются словами: „попущеніемъ Божіимъ, взятъ бысть"... Они явились, вѣроятно, какъ прибаленныя къ рукописи—(съ припиской уже 1461 г.)—выписка-замѣтка о 2-хъ любопытныхъ фактахъ. (Интересъ ихъ потверждается тѣмъ, что оба они по другой редакціи приведены ниже во 2-й части).

2-я половина 1-й части, обнимающая извѣстія 1481—1500 годовъ, и по внѣшнимъ и по внутреннимъ признакамъ отличается значительно инымъ характеромъ, чѣмъ половина 1-я.

Внѣшній признакъ—довольно частое обозначеніе послѣ года индикта или мѣсяца.

Извѣстій о Новгородѣ вовсе *нѣтъ*. Смоленскихъ извѣстій достаточно. Особенно много извѣстій Волынскихъ. Составитель излагаетъ главнымъ образомъ происшествія въ Литовскомъ княжествѣ. Точка зрѣнія на вещи—Литовская. О князьяхъ передавшихся Москвѣ говорится: Отстоупиша (подъ 1493 г.), „предасте..., измѣнивъ цѣлованіе" (подъ 1500 г.). Весь разсказъ дышетъ современностью. Много извѣстій о дѣлахъ церковныхъ. Разсказъ прерывается иногда (при описаніи набѣговъ татаръ) благочестивыми размышленіями—поученіями. Словѣ подъ 1496 г. о снемѣ в. кн. Литовскаго съ кор. Польскимъ („никтоже невѣсть, чего ради" снимаших, *слыщахомъ бо сами* нѣ отъ которых

вельможъ ихъ, яко и панове ихъ рада о семъ невѣдали“) указываютъ на человѣка значительнаго по положенію.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что *редакція* извѣстій принадлежитъ значительному лицу изъ духовенства. (Приписать самый разсказъ одному лицу—очевидно не позволяетъ точность и подробность извѣстій о дѣлахъ мѣстностей далекихъ по разстоянію: коренной Литвы, Волыни. Отступленія съ указаніемъ на то, что случилось позже, ясно показываютъ, что предъ нами не простыя лѣтописныя замѣтки).

Языкъ разсказа, какъ и во всей т. наз. Кіевской сокращенной Лѣтописи, — съ бѣлорусскими особенностями; (особенная любовь къ буквѣ „в“). Редактированъ поэтому не въ Кіевѣ (извѣстій Кіевскихъ очень мало) и не на Волыни (ср. ниже:... „и Волынской... насъ же“),—вообще не на югѣ, какъ думалъ Оболенскій (см. 157). Замѣтка подъ 1495 г.: „Бѣ бо тогда мое оу *Литовской* земли и в Лядской и *Волынской* и по инымъ странамъ: *нас же Господь Богъ избави*, ради молитвъ пресвятой его матере“—даетъ основаніе думать, что редакторъ (впрочемъ, мб. лишь авторъ данной замѣтки) не былъ жителемъ и коренной Литвы. М. б. онъ былъ Смолятичъ: ср. „избави, ради молитвъ пречистое его матери“ и раньше—„Сіи Ростиславь... святую Богодицю строилъ въ Смоленьсцѣ“...

Общая редакція всей первой части въ ея нынѣшнемъ видѣ тоже м. б. Смоленская. Этимъ можетъ объясняться интересъ къ жизни Великой Руси. Редакторъ *формально* объединилъ двѣ разнородныя по взглядамъ половины; точнѣе: присоединилъ вторую половину.

Литовскимъ же характеромъ по тону и бѣлорусскимъ по языку отличается 2-я, 3-я и 4-я части.

2-я часть—отрывки, выписки изъ Литовской Лѣтописи.

Большая запись 3-й части представляетъ отдѣльное литературное произведеніе: сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой (съ похвалой кн. Острожскому). Авторъ—д. б. лицо духовное. Составленіе сказанія вѣроятно современно самой побѣдѣ. Разсказъ—съ поэтическими замашками, напримѣръ:

„Тыхъ збитыхъ плоти | звѣри й птицы ядять, | по земли кости волочачи, а стопленыхъ водами | рыбы кіютъ".

Заключеніе:

„Великославномоу гсдрю | королю Жикимонтоу Казимировичоу | боуди честь й слава | на вѣки; побѣдившему недроуга своего | великаго князя | Василіа Московского, а гетману его вдатномоу | кьзю Костантиноу Ивановичоу Острозскому | дай, Бже, здоровье й щастье впередъ | лѣпшее, как ннѣ побил | силоу великоую Московскоую | абы так побивал | силную рать Татарскоую, проливаючи кровъ ихъ | бессоурменьскоую".

(Ср. конецъ Слова о Полку Игоревѣ и малорусскихъ думъ).

Часть 4-я—монастырская Супрасльская запись.

Изученіе почерковъ [1]) должно рѣшить вопросъ: переписаны ли 1-я, 2-я и 3-я часть въ данной рукописи одновременно и однимъ лицомъ.

Первоначально одно цѣлое составляли лишь извѣстія 862—1405 г. Лѣтопись заканчивалась такимъ образомъ извѣстіемъ объ окончательномъ покореніи („послѣднемъ плененіи") Смоленска Витовтомъ.—Между 1441 и 1461 г. въ рукопись занесены замѣтки или выписки о дѣлахъ 1415—41 г. преимущественно Новгородскихъ.—Въ 1461 г. въ концѣ рукописи сдѣлана была въ Новгородѣ приписка о смерти Владыки Евфимія. Еще позже: не раньше 1463 г. помѣщены послѣ приписки выписки о взятіи Царьграда турками и Кіева татарами. Между 1500 и 1505 годами къ рукописи присоединенъ разсказъ о дѣлахъ 1481—1500 годовъ. Вся рукопись объединена одной общей редакціей, (м. б. въ Смоленскѣ), составивъ по редакціи одно цѣлое. Такимъ образомъ сложилась 1-я часть. Позже приписаны извѣстія 2-й части, м. б. благодаря ихъ разногласію съ показаніями 1-й части. Сказаніе о побѣдѣ подъ Оршей надъ Москвой, равно краткая запись о томъ же внесены еще позже: въ 1515 г. или немного спустя, и едва ли не впервые въ дан-

[1]) Рукопись б—ки Архивъ М. И. Д. № 21-й вытребована изъ Архива въ Археографическую Коммиссію; и потому видѣть ея мнѣ не пришлось.

ной именно рукописи [1]). Запись 1543 г.—подлинникъ; написана въ Сутрасльскомъ монастырѣ.

1-я половина 1-й части—краткій сводъ извѣстій о Смоленскихъ дѣлахъ, съ добавкой въ концѣ и припиской о дѣлахъ Новгородскихъ. 2-я половина 1-й части примыкаетъ къ лѣтописямъ т. наз. Литовскимъ, но съ сильнымъ церковнымъ оттѣнкомъ. Выдержки изъ тѣхъ же лѣтописей представляютъ добавочныя извѣстія 2-й части. 3-я часть—отдѣльное сказаніе Литовскаго же характера. 4-я часть—монастырская современная запись.

1-я, 2-я и 3-я части т. наз. Кр. Кіев. Лѣтописи *переписаны* въ данной (Супрасльской) рукописи во всякомъ случаѣ раньше 1543 г., а 1-я и 2-я м. б. не позже 1515 (не раньше 1500 г.). На послѣднюю мысль наводитъ упомянутая уже приписка: „къ тымъ тетратем“...| находящаяся вверху страницы, съ которой начинается сказаніе о побѣдѣ надъ Москвой, подъ Оршей.

Догадка Оболенскаго (с. 158—9) о принадлежности данной рукописи Супрасльскому монастырю м. считаться вполнѣ вѣрной (доказательство—запись 1543 г.).—Догадка Владимирова (с. 38—9), что это именно рукопись, названная въ монастыр-

---

[1]) Изъ печатнаго изданія видно, что передъ большой записью (сказаніемъ) находится замѣтка: „къ тымъ тетратемъ четыремъ црствомъ мает приложити шесть тетратей какъ боудетъ вязати. (=переплетать) порожнихъ не писаныхъ скараксаных. про запас. на лѣтописець. отъ доски. заднее. Въ рукописи приведенныя слова написаны, по описанію Оболенскаго (с. 149): „на листѣ 72, *въ началѣ... неровнымъ полууставомъ* и зачеркнуты крестообразно двумя чертами“. *Очевидно, не однимъ* почеркомъ съ предыдущими извѣстіями. Но такая замѣтка едва ли была написана на страницѣ уже занятой текстомъ (развѣ на 1-й с. послѣдней тетради), а скорѣе—на бывшей въ то время еще пустой,—вообще—*въ концѣ* рукописи, чтобы переплетчикъ могъ замѣтить наставленіе. Т. обр. можно думать, что сказаніе слѣдующее за этой хозяйственной замѣткой вписано въ рукопись позже.—Изъ печатнаго изданія не видно, почему большая запись 1515 года начата съ новой страницы, хотя конецъ страницы предыдущей не занятъ текстомъ. Вѣроятно потому, что такъ и въ рукописи: предыдущая страница не вся исписана, а сказаніе начато съ новой. Однимъ ли почеркомъ съ 1-й и 2-ю частями писано это послѣднее, равно краткая запись 1515 года?—Впрочемъ, это только предположеніе, могущее оказаться совершенно невѣрнымъ. Большая запись—сказаніе, равно запись краткая того же 1515 г. близко касаются Смоленска, и т. обр. 3-я часть Супр. рук. внутренно связана съ 1-й.

ской описи 1557 г. „Книга Царственникъ зъ лѣтописц(емъ)“ (Ср.: к тым... царством...)—м. б. признана тоже довольно вѣроятной. Въ б—кѣ Супрасльскаго монастыря находилась въ 1557 г., судя по описи, лишь одна указанная лѣтопись. При этомъ книги въ описи раздѣлены на двѣ группы: „А то книги старыя“: „А то книги новыя, што за мене, Сергія, прибвлены церкви святой“: (Археограф. Сборн. т. IX, с. 53—4). „Царственникъ“ названъ въ числѣ книгъ „старыхъ“. Слѣдовательно рукопись находилась въ монастырѣ не позже уже 1532 г., въ которомъ избранъ архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Сергій Кимбаръ (Арх. Сб. т. IX, с. 38), составлявшій опись.

Ю. Тиховскій.

АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО.

(1813—1862 г.).

Степанъ Лукичъ Геевскій, автобіографію котораго мы печатаемъ теперь на страницахъ „Кіевской Старины", представляетъ изъ себя мало замѣтнаго, но въ высшей степени симпатичнаго харьковскаго дѣятеля 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Дарованія его были весьма скромны; литературныя занятія не только не доставили ему славы и извѣстности при жизни, но даже служили источникомъ частыхъ огорченій и разочарованій. Тѣмъ не менѣе личность его заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и признательности съ нашей стороны. Это былъ полезный дѣятель на педагогическомъ поприщѣ, всею душею преданный литературнымъ занятіямъ. Съ этой стороны представляетъ интересъ и обстоятельная біографія его, составленная проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ на основаніи его трудовъ (изданныхъ и неизданныхъ) и отрывковъ изъ печатающейся теперь автобіографіи (см. Харьковскій Сборникъ на 1890-й годъ).

Родился Степанъ Лукичъ въ 1813 г., умеръ въ 1862 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ отца, затѣмъ поступилъ въ Зеньковское Повѣтовое училище, перешелъ въ Полтавскую гимназію, окончилъ ее, а потомъ Харьковскій университетъ и послѣ всего этого былъ мелкимъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи, домашнимъ наставникомъ и учителемъ въ Харьковскихъ гимназіяхъ. По выходѣ въ отставку съ пенсіономъ въ 130 руб. въ годъ, Степанъ Лукичъ поселился

въ своемъ крошечномъ хуторкѣ (въ 30 дек.), съ тѣмъ чтобы провести тамъ остатокъ своихъ дней; но желаніе дать образованіе своимъ дѣтямъ заставило его переѣхать въ 50-хъ годахъ въ Харьковъ: онъ помѣстилъ своихъ сыновей въ пансіонъ Сливицкаго, а вмѣсто платы за нихъ долженъ былъ занять здѣсь должность учителя.

Такова была исполненная лишеній жизнь этого труженника. Не смотря на болѣе чѣмъ ограниченныя средства „Степанъ Лукичъ постоянно пріобрѣталъ книги, значительная часть которыхъ пожертвована теперь его сыномъ Харьковскому историко-филологическому обществу. Степанъ Лукичъ интересовался исторіей Малороссіи и напечаталъ двѣ статьи—„Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украйны“ и „Объ украинскихъ чумакахъ“; къ южнорусской исторіи и географіи относятся еще ненапечатанные его труды—1) Описаніе Зеньковскаго уѣзда Полт. губ., 2) Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ и 3) Воспоминаніе объ Украйнѣ. Степанъ Лукичъ любилъ свою Украйну, и эта любовь нашла себѣ выраженіе какъ въ автобіографіи, такъ и въ литературныхъ трудахъ. Вотъ, напримѣръ, его стихотвореніе „Мои желанія“, посвященное Малороссіи, какъ подражаніе извѣстному стихотворенію „Kennst du das Land?“.

Ты, знаешь ли ты тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ
И отъ луговъ прохладой чудной вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колосъ,
И слышится вдали знакомыхъ пѣсенъ голосъ.
О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто уношусь туда душею—
На пожитяхъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелый жизни трудъ“.

Прозаическіе и стихотворные опыты С. Л. Геевскаго довольно многочисленны; ихъ подробно перечисляетъ Н. Ѳ. Сумцовъ; но большая часть ихъ осталась въ рукописяхъ. Тогдашняя

критика была вообще предубѣждена противъ провинціальной литературы и понятное дѣло, что выступать при такихъ условіяхъ молодымъ провинціальнымъ писателямъ было рискованно. Если корифей Украинской словесности (Т. Шевченко) былъ осужденъ за свой провинціализмъ Бѣлинскимъ, то что же говорить о другихъ менѣе видныхъ, начинающихъ писателяхъ! А вліяніе тогдашней критики въ обществѣ было огромное. Извѣстно, что и нынѣ здравствующій въ Харьковѣ талантливый малорусскій поэтъ Я. И. Щеголевъ вовсе было пересталъ писать стихи послѣ одной такой критической замѣтки. Одно изъ литературныхъ произведеній Ст. Лук. Геевскаго—комедія „Бурсакъ—Учитель"—также вызвало рѣзкій отзывъ критика Отеч. Зап. „Бѣда съ этими провинціальными литературами—кіевской, харьковской, астраханской, говоритъ онъ: ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь". Рецензія эта произвела сильную сенсацію въ Харьковѣ: распространился даже слухъ, что Степанъ Лукичъ отъ огорченія сошелъ съ ума. Но Степанъ Лукичъ не оставлялъ все таки своихъ литературныхъ занятій, ибо находилъ въ нихъ нравственное удовлетвореніе. „Всѣ мои труды, говоритъ онъ, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ вседневныхъ занятій, да кромѣ того, подъ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ наглухо. Боже мой! Да вѣдь еслибы мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе, все таки я пріятнѣе за ними провожу время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба".

Эта послѣдняя черта—страсть къ литературѣ—является самой выдающейся у Степана Лукича. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ и личности его болѣе общее, такъ сказать, типическое значеніе. Съ этой стороны представляетъ интересъ и печатаемая теперь автобіографія. Она рисуетъ намъ студента Харьковскаго университета 30-хъ годовъ, на всю жизнь удержавшаго добрыя традиціи университетской жизни, пылъ юности и любовь къ природѣ и поэзіи. Харьковскій университетъ, основанный въ

началѣ царствованія Имп. Александра 1-го, сдѣлался объединяющимъ центромъ всѣхъ научно-литературныхъ интересовъ въ краѣ и скоро самъ воспиталъ не мало новыхъ дѣятелей на литературной нивѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить Нахимова, Масловича, издателей Украинскаго Вѣстника и т. п. Аракчеевская реакція не могла подавить литературнаго движенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ прежней „золотой“ порѣ Александровскаго царствованія. Въ царствованіе Имп. Николая Павловича въ Харьковскомъ университетѣ выступило на сцену новое поколѣніе дѣятелей, это—украинскій кружокъ Костомарова, Срезневскаго, Корсуна, Квитки и др. Степанъ Лукичъ не принадлежалъ къ нему, стоялъ повидимому какъ бы на рубежѣ прежняго общелитературнаго и новаго украинскаго направленія, хотя и у него преобладающей чертой является тотъ самый романтизмъ народности, какой мы видимъ у Іереміи Галки и всего украинскаго кружка. Но любовь къ Малороссіи у него выросла не подъ книжными или кружковыми вліяніями, а непосредственно подъ вліяніемъ Украинской природы и живаго общенія съ мѣстной средой. Полтавскій хуторянинъ, конечно, долженъ былъ сродниться и съ народною рѣчью, и съ народною пѣснію, и первый ввелъ его въ область старины его отецъ; въ тогдашнемъ хуторскомъ обществѣ еще хранилось живое преданіе украинской старины и удержались даже самыя основы старой малороссійской жизни; ихъ то и воспринялъ С. Л. Геевскій.

Печатаемая теперь „Автобіографія“ обнимаетъ дѣтство и юность Степана Лукича (съ 1813 по 1834-й годъ). Основнымъ содержаніемъ ея являются разсказы С. Л. объ ученіи въ Зеньковскомъ повѣтовомъ училищѣ, Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ. Живое, простое, безъискусственное изображеніе педагогическихъ пріемовъ и педагогической среды заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его простить автору нѣкоторую бѣдность содержанія мемуаровъ. С. Л. Геевскій послѣдовательно шагъ за шагомъ, излагаетъ исторію своей сѣренькой жизни, а въ концѣ концовъ у читателя получается ясное, отчетливое представленіе и о жизни тысячи другихъ такихъ же

мелкопомѣстныхъ дворянъ. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ слѣдуетъ отмѣтить разсказъ Ст. Лук. о холерѣ 1830 года и пребываніи его въ Куземинскомъ карантинѣ.

На всемъ разсказѣ лежитъ печать если не литературнаго таланта, то по крайней мѣрѣ литературной опытности: языкъ вездѣ правильный, свободный отъ шероховатости; не смотря на то, что мемуары эти писались болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. изложеніе ихъ и теперь не представляется устарѣлымъ. Оригиналъ автобіографіи Ст. Л. Геевскаго принадлежитъ Харьковскому историко-филологическому обществу и хранится въ его архивѣ.

Д. И. Багалѣй.

ГЛАВА I.

Отъ чего произошло, что я старшій въ семействѣ.

Осенью 1812 года была необыкновеннаи тревога у насъ въ Малороссіи... ожидали Бонапарта? Это магическое слово наводило ужасъ на всѣхъ, и хотя офиціальнымъ образомъ достовѣрно уже было извѣстно, что враги отечества нашего направятъ путь свой къ Москвѣ совсѣмъ другой дорогой, однакожъ, не смотря на это, а равно и по преданію о походѣ на Россію Карла XII, котораго слава сокрыта въ могилѣ на нашей родинѣ, со страхомъ и ужасомъ ожидали Французовъ... Волненіе въ народѣ, какъ я сказалъ, было необыкновенное. Ходили слухи объ антихристѣ и представленіи свѣта; помѣщики, немного поумнѣе, страшились чужеземнаго ига и опасались за свои имущества, свободу и жизнь... формировались полки на счетъ дворянъ; на алтарь отечества приносили кто что могъ; молодой народъ, разумѣется кромѣ маменькиныхъ сынковъ, горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ отечества, степенные помѣщики, обзяведшіеся уже женой, домикомъ, хозяйствомъ и деньженками, разсуждали немного похладнокровнѣе; но однакожъ по первому призыву правительства, въ самое короткое время, выставили лошадей, аммуницію, сухарей, крупъ и т. п. принадлежности похода...

Милиція отправилась къ назначеннымъ пунктамъ; со слезами на глазахъ было прощаніе родственниковъ съ молодыми защитниками отечества. Волненіе нѣсколько затихло; но не затихъ внутренній голосъ боязни и неизвѣстности... Въ это то время начали подумывать какъ бы сохранить хотя часть имущества въ случаѣ нашествія французовъ. Предположеній было много: одни совѣтовали продать лишнее и, обративши въ деньги, отдать ихъ въ приказъ; другіе разсуждали, что это невѣрно, ибо и приказъ можетъ быть разграбленъ непріятелями; а лучше отослать туда, гдѣ не будетъ Бонапарта.. Но гдѣ же не будетъ Бонапарта? спрашивали третіе—вѣдь онъ хочетъ завоевать Россію,—такъ слѣдовательно вездѣ найдетъ насъ... а гораздо вѣрнѣе зарыть въ землю деньги и другія драгоцѣнности, а прочее предоставить волѣ Божіей: лѣса и постройки хоть и сожжетъ, но вѣдь полей не укуситъ!—Это послѣднее мнѣніе взяло перевѣсъ, и вотъ, въ лѣсахъ, ярахъ, пещерахъ, погребахъ и другихъ сокровенныхъ мѣстахъ начали работать топоры, заступы, лопаты... Жены и дочери съ боязнью посматривали на эти приготовленія; но необходимость доказывала, что это было необходимо.

А что вы „Лука Ивановачъ“ не заботитесь о сохраненіи своего имущества?—спрашивалъ отца моего сосѣдъ Акимъ Милетьевичъ.—А какое тамъ у меня имущество!—возразилъ онъ; успѣю, не безпокойтесь, а можетъ случиться и то, что французы вовсе у насъ не будутъ. Вѣдь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ...—Да что ваши Московскія Вѣдомости! съ позволенія сказать, иногда надуваютъ...—Ну, да не въ такомъ же разѣ? Опасность велика: не позволятъ же печатать какихъ нибудь небылицъ...—И, помилуйте, Лука Ивановичъ, ужъ какія небылицы печатаются—и не доведи Господи! Вотъ напримѣръ въ 53 номерѣ...—Опять старая пѣсня! Далась вамъ знать эта баталія; конечно, оно несправедливо,—но вѣдь возможно-же... Дѣло шло о томъ, что въ одномъ сраженіи взятъ былъ въ плѣнъ полковникъ, который, какъ по справкѣ оказалось, вовсе не былъ полковникомъ, а, вѣрнѣе сказать—полковницей, т. е.

женщиной въ военной одеждѣ... „Эта женщина, сказано было въ газетахъ, сражалась храбро и имѣла на груди своей орденъ почетнаго легіона, что́ одно уже показываетъ ея мужество и неустрашимость!“ Тщетно отецъ мой увѣрялъ Акима Милетьевича; что это возможно, и доказывалъ историческими фактами объ Амазонкахъ и Орлеанской дѣвственницѣ Іоаннѣ д'Аркъ. (Отецъ мой хотя нигдѣ не учился, или, какъ онъ самъ говорилъ: учился на мѣдныя деньги, однако-же былъ человѣкъ умный отъ природы и образованный чтеніемъ).

— Я не читаю вашихъ исторій, да и онѣ отчасти лгутъ, и ни за что не повѣрю существованію этой храброй полковницы— все это выдумки, чтобъ было что печатать и брать съ насъ деньги.

— Да почему же вы не вѣрите?

— Почему? Пошлите на сраженіе свою Ольгу Ивановну— какой съ нея будетъ воинъ?—

— Женщина женщинѣ—рознь! Впрочемъ, васъ не переувѣришь! Лучше оставимъ этотъ разговоръ и займемся чѣмъ нибудь поинтереснѣе.

И Акимъ Милетьевичъ, опоражнивая маленькія чашечки съ пуншемъ, называемыя имъ въ насмѣшку наперстками, одну за другой, вновь принимался убѣждать отца моего въ необходимости сохраненія имущества... Отецъ мой и въ этомъ не согласился съ Акимомъ Милетьевичемъ.

Отцу моему было въ это время 45 лѣтъ. Женатымъ же онъ былъ всего только 10 мѣсяцевъ—немножко поздненько, да дѣлать нечего!

— Успѣемъ, думалъ онъ про себя, успѣемъ еще! Отецъ же мой прожилъ до 80 лѣтъ, авось и мнѣ Господь Богъ поможетъ—и дѣтокъ пристроимъ, и состояніе наживемъ для нихъ же... Мать моя была въ это время беременна и на послѣднихъ дняхъ. Она вдвойнѣ страдала. Приближеніе родовъ наводило на нее страхъ естественный; приближеніе къ границамъ Россіи Наполеона ввергало ее въ какое то судорожное состояніе; постоянно находилась она въ паническомъ страхѣ, такъ что почти

ничего не читая, она съ необыкновеннымъ, болѣзненнымъ любопытствомъ читала извѣстія о войнѣ, сообщаемыя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и во-снѣ, и на-яву представлялись ей французы. Этакое состояніе не давало ей покою ни на одну минуту.

Природа во всей красотѣ и прелести расцвѣтала, какъ бы для того, что бы своимъ очаровательнымъ видомъ закрыть печальную картину тоски и унынія душевнаго... Моя мать съ одной изъ своихъ служанокъ отправилась въ садъ прогуляться и насладиться чистымъ воздухомъ. Видъ изъ нашего сада, на окружающія его окрестности, очаровательный. Этотъ заброшенный уголокъ земли былъ истинно поэтическій: съ одной стороны лѣсъ на горѣ и близъ него мельница и нивы; далѣе ландшафтъ хуторовъ, разбросанныхъ по ту и другую сторону луговъ, окаймленныхъ рѣкою и вѣчно зеленыхъ, даже въ ненастную осень зеленыхъ и свѣжихъ, какъ весною; потомъ высокая гора съ уединенно стоящими на ней крестами надъ могилами покойниковъ; синѣющая даль лѣсовъ, хуторовъ, мѣстечекъ, теряющихся въ неопредѣленномъ горизонтѣ, сливающемся съ землею почти близъ Ахтырки... Ахтырка, Груны, Шигиреевка, Зѣньковъ, Гадячъ, Веприкъ, Павловка, Опошня—вотъ кайма нашего родового хутора. Къ очаровательной природѣ прибавьте и поэтическія преданія о старинѣ: здѣсь проходилъ Сагайдачный съ своими молодцами—панибратами; здѣсь на этихъ поляхъ онъ закуривалъ свою коротенькую люльку; здѣсь, можетъ быть, мечталъ онъ о своей польской панночкѣ—и пылкая душа его изливалась въ звукахъ заунывной пѣсни... Здѣсь орды татаръ, какъ несмѣтныя полчища саранчи, располагались своимъ табором; здѣсь имѣлъ лагерь свой Карлъ XII съ своими сѣверными богатырями; здѣсь думалъ крѣпкую думу свою Петръ Великій; здѣсь и предки наши за 300, 200 и 150 лѣтъ зарывали въ землю сокровища, чтобы скрыть ихъ отъ татаръ, шведовъ; здѣсь и теперь видите уединенно-стоящіе сторожевые курганы, свидѣтели славныхъ подвиговъ старины, прекрасной старины, забываемой, къ сожалѣнію, неблагодарными, невѣже-

ственными потомками... О, здѣсь ли, среди этой очаровательной малороссійской природы, подъ наитіемъ чудныхъ воспоминаній—можно остаться безчувственнымъ, хотя бы рокъ и не судилъ вамъ быть поэтомъ или живописцемъ?.. Но я увлекся...

Мать моя тихо и задумчиво гуляла въ саду, занятая всегдашнею своею мыслью о французахъ. На близъ лежащемъ лугу пасся табунъ лошадей, принадлежавшій моему отцу; лошадей было съ полсотни. Моя мать вовсе не обращала на нихъ никакого вниманія, можетъ быть, даже и не видѣла ихъ. Была пора обѣда, который въ деревнѣ, а особенно въ тѣ времена, бывалъ очень рано. Пастухи, смотрѣвшіе за табуномъ, предоставили ему свободу отправляться въ хуторъ: дикія лошади фыркнули и помчались стрѣлою... Въ это только время мать моя замѣтила несущихся лошадей—напуганное воображеніе ея тотчасъ дорисовало ей картину: ей представились французы, сабли, ружья, пики, цѣлый лѣсъ копій—и она упала въ обморокъ!

Испуганная этимъ происшествіемъ горничная пустилась бѣжать въ домъ, чтобы дать знать о случившемся. Разумѣется, тотчасъ же прибѣжали; безчувственную мать мою перенесли въ домъ, употребили всѣ средства, чтобы привести ее въ чувство.—Она очнулась... На третій день она разрѣшилась отъ бремени мертвымъ сыномъ преждевременно.

ГЛАВА II.

Мое рожденіе и первыя семь лѣтъ жизни.

Въ нынѣшнія горькія минуты жизни моей часто приходятъ мнѣ на мысль два стиха одного изъ моихъ товарищей, который писалъ ихъ вовсе не по вдохновенію поэтическому, а потому, что въ тѣ времена, когда мы учились въ гимназіи, учитель непремѣнно требовалъ стиховъ и притомъ такъ: когда учитъ о поэмѣ—и пиши поэму, учитъ объ идилліи—и сочиняй идиллію и т. д. Надобно было писать элегію, и товарищъ мой началъ ее такъ:

А я бъ ужъ лучше не родился,
Когда бы можно было сдѣлать такъ...

Помню, что тогда мы всѣ чуть не умерли со смѣху отъ этихъ стиховъ, и самъ учитель, желая сохранить педагогическую важность, выходилъ раза три въ корридоръ, потомъ возвращался въ классъ съ серіознымъ лицомъ, но потомъ опять начиналъ хохотать—и этому конца не было!... Намъ казались и глупыми, и смѣшными эти стихи. Но теперь часто въ глубинѣ души моей я повторяю ихъ... Да, право, лучше *не родиться*, лучше не жить въ этомъ вѣкѣ... Но сдѣлать такъ нельзя, къ сожалѣнію моему, и *поелику* (тогда еще употребляли слово поелику) я родился, то надобно жить, и...

Я не хочу, о други умирать—
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!...

Я родился 28 ноября 1813 года, вечеромъ, въ день Стефана Новаго, почему и назвали меня этимъ именемъ; ибо мой отецъ разсуждалъ такъ: что во 1-хъ, не должно презирать именъ, которыя носили люди святые, а во 2-хъ, и дѣтямъ легче, ибо прійдется *справлять* разомъ рожденіе и именины—лишняя копѣйка въ карманѣ останется... И такъ я родился...

Нѣсколько дней отецъ мой находился въ восторгѣ невыразимомъ, какъ потому, что у него есть наслѣдникъ, такъ и потому, что именно сбылось по его желанью и предположенію (онъ желалъ сына).—Не смотря на всю свою разсчетливость, онъ рѣшилъ отпраздновать крестины мои самымъ торжественнымъ образомъ. Воспріемниками отъ св. купѣли были приглашены: недавно возвратившійся изъ милиціи противъ Бонапарта братъ матери моей маіоръ Левъ Ивановичъ Перекрестовъ, родной братъ отца моего поручикъ Иванъ Ивановичъ Геевскій, дѣвица Александра Гр. Зерцалова (нынѣ помѣщица Рощаковская) и еще кто-то, чего я уже никакъ не могъ доискаться, ибо въ метрикѣ не значится... Крестины мои были *бучные*—одного вина (разумѣется недорогого) выпито на 70 руб. асс. Мать моя была очень слаба и потому не могла кормить грудью сама. Нанята была кормилица. Кормилица моя, по сознанію и засвидѣтельствованію всѣхъ, была женщина честнѣйшихъ пра-

вилъ и неукоризненной нравственности. Я благодарю судьбу, что это такъ случилось, ибо вѣрую, что добрыя и дурныя свойства всасываются съ молокомъ въ самомъ младенчествѣ. Я видѣлъ ее только одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать. Я былъ первый сынъ, а потому меня не только любили, но и баловали достаточно. Въ прислугу мнѣ назначены были, кромѣ кормилицы, еще двѣ женщины, которыя обязаны были качать меня въ люлькѣ не поочередно, а обѣ рядомъ за веревки (прошу вспомнить устройство простыхъ, деревенскихъ люлекъ, и теперь употребляемыхъ). Я былъ капризенъ и самоволенъ, и еще (одна особенная черта), будучи окруженъ женщинами, называлъ себя всегда въ женскомъ родѣ: я ходила, я говорила,—это продолжалось лѣтъ до пяти, и то насилу отучили меня. Меня кормили чѣмъ ни попало, не смотря на строжайшее запрещеніе отца.

Въ 6 лѣтъ я совершенно избавился изъ-подъ опеки женщинъ, а взамѣнъ того ко мнѣ приставлены были два деревенскихъ мальчика, изъ коихъ одинъ былъ мой ровесникъ, а другой гораздо постарше.—Этотъ-то и былъ собственно моимъ ментором, а другой въ родѣ компаніона. Съ этого времени собственно и начинается жизнь сознательная, поэтическая! Мы могли бѣгать втроемъ, куда намъ вздумается; ни горы, ни рвы, ни деревья, ни крыши, ни пруды насъ не останавливали. Не имѣя никакого понятія о маскахъ, мы выдумали своего рода маскарадъ: бродя по горамъ, мы случайно открыли какое-то растеніе, котораго корень заключалъ въ себѣ сильное красильное вещество. Скинувши съ себя все платье, даже рубахи, мы выкрашивали другъ друга, подобно дикарямъ, и часто пугали поселянъ, работавшихъ въ полѣ, а особенно дѣтей, и восхищались своими продѣлками. Нѣкоторыя удальства весьма дорого обходились. Два раза чуть я не лишился жизни: разъ упалъ въ прудъ и меня вытащили полумертваго, въ другой—спускавшись съ высочайшей горы на саночкахъ, я ударился о бревна, внизу лежавшія, и лишился чувствъ, но обо всемъ этомъ ни отецъ, ни мать не знали—и мы по прежнему шалили и дурачились какъ

намъ было угодно. Такъ протекала жизнь моя! Я былъ и здоровъ, и веселъ, и счастливъ... Моя мать вовсе не занималась мною. Отецъ мой тоже рѣдко занимался мною, ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и притомъ любилъ читать книги, которыхъ у него было много; но вообще родительское вліяніе его на меня было такъ благодѣтельно, что я и теперь, черезъ 25 лѣтъ, не могу забыть ни его ласкъ, ни его наставленій. Всего важнѣе то, что я спалъ съ нимъ на одной кровати! Здѣсь—то была первая школа, въ которой переданы были первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Чего здѣсь не было? Здѣсь я выслушивалъ и презатѣйливыя сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца); здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи; здѣсь я выучилъ, прямо изъ устъ отца, первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры и т. п.; здѣсь-же сообщались и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на седьмомъ году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ Великомъ, и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ... Все это живо занимало мое младенческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли... О незабвенное, прекрасное время! Тебя никогда не забуду я... Воспоминаніе о тебѣ наводитъ на меня какое-то грустное, но вмѣстѣ сладостное впечатлѣніе...

И вотъ мнѣ свершилось (или какъ гооворилъ покойный мой отецъ, *стукнуло*) семь лѣтъ. Надобно было подумать объ ученіи правильномъ, какъ всѣ думали тогда, а нѣкоторые и теперь въ томъ увѣрены; но по моему мнѣнію, педантическомъ и нелѣпомъ. Подумавши и посовѣтовавшись кое-съ кѣмъ, рѣшились отдать меня въ Зѣньковское Повѣтовое училище: это было 1822 году. Эпоха важная—происшествіе чрезвычайное! Сборамъ не было конца: шили бѣлье, выписали портного изъ города, который тутъ-же, въ моихъ глазахъ, кроилъ и шилъ для меня платье: нанковый сюртучокъ, такую-же куртку и 2 панталонъ, 2 жилета

изъ шалону, шубу изъ черныхъ барашковъ, шинель, не помню, тоже, кажется, нанковую, а можетъ быть и казимировую... Все это было сложено въ сундучокъ, замкнуто и ключъ врученъ мнѣ... Я забылъ сказать, что за недѣлю до отъѣзда моего въ Зѣньковъ, отецъ мой купилъ азбуку и подарилъ мнѣ цѣлый рубль одними пятаками старинными въ четверть фунта каждый —и это также было положено въ тотъ-же сундучокъ! И такъ я былъ уже лицо важное, самостоятельное—у меня была своя собственность, и ключъ отъ нея висѣлъ на собственной моей курточкѣ, завязанный въ петличку!—Я былъ и радъ, и не радъ! Какое-то неопредѣленное чувство тѣснилось въ душѣ моей... не могу дать теперь отчета въ этомъ, но знаю, что я сдѣлался задумчивѣе прежняго, папенька смотрѣлъ на меня нѣжнѣе, и однажды, когда мы легли спать (это было наканунѣ отъѣзда въ Зѣньковъ), сказалъ мнѣ: „я надѣюсь на тебя, Степанъ! Ты не ударишь въ грязь лицомъ“!

ГЛАВА III.

Пребываніе мое въ домѣ смотрителя и въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ училищѣ.

Старая бричка, въ которой обыкновенно ѣздилъ отецъ мой была запряжена парою смирныхъ лошадей и подъѣхала къ крыльцу. Съ часъ простояли лошади, пока все, по обычаю, было сдѣлано. Не смотря на то, что я отправлялся за три версты отъ дому—со мной прощались, какъ будто я уѣзжалъ, по крайней мѣрѣ, въ Москву или Петербургъ. Маменька принималась нѣсколько разъ плакать; папенька объяснилъ мнѣ, какъ хорошо учиться и представлялъ примѣры. . . . . Пока продолжались прощанья, обниманья и цѣлованья, въ бричку между тѣмъ укладывали сундучокъ мой, двѣ булки, завязанныя въ салфетку, голову сахару и еще кое что, забытое мною за давностью времени. Мы вышли наконецъ, сѣли и поѣхали.

Надобно вспомнить при этомъ, что отецъ мой, не смотря на недостаточное свое состояніе, рѣшился дать мнѣ хорошее воспитаніе. Въ это время смотритель зѣньковскаго повѣтоваго училища былъ Иванъ Ивановичъ Кричевскій, человѣкъ извѣстный своею образованностью. У него-то я долженъ былъ жить и учиться. Плата за меня была очень значительная: 300 руб. ассиг., голова сахару, 1 фунтъ чаю, 2 четверти пшеницы, 10 ведеръ водки [1]), а кромѣ того, обѣщано было безъ договору присылать домашней птицы и прочаго иного *малую толику*.

Не могу безъ удовольствія вспомнить, что отецъ мой не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ помѣстить меня въ этотъ домъ, гдѣ я получилъ первыя начала воспитанія, за которыя вѣчно останусь благодаренъ. Мы пріѣхали прямо къ Ивану Ивановичу Кричевскому. Приняли насъ какъ нельзя лучше. У него была мать, старуха лѣтъ 60, и двѣ сестры, (Анна Ивановна и Прасковья Ивановна). Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ пансіонерской комнатѣ въ сообществѣ 5 другихъ учениковъ, которые приняли меня, хотя какъ новичка, но тѣмъ не менѣе довольно радушно. Черезъ нѣсколько часовъ папенька уѣхалъ. Я остался одинъ—мнѣ стало грустно, и я чуть не заплакалъ, но изъ этого непріятнаго состоянія вывелъ меня мой наставникъ, т. е. штатный смотритель.

„Пора тебѣ начинать учиться!“—сказалъ онъ. „Сегодня легкій день, воскресенье! Вотъ тебѣ и учитель.... А ты, Карпъ, смотри—учи панича хорошенько“, сказалъ онъ, обратившись къ вошедшему лакею, мальчику лѣтъ 12, „ты уже дошелъ до молитвъ, такъ азбуку и склады можешь преподавать“. Я досталъ букварь свой изъ сундучка, сѣлъ за столъ, Карпъ возлѣ меня—и студія началась.... А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е—это былъ первый мой урокъ.... урокъ, казалось-бы, и не великъ и не головоломенъ; но онъ показался мнѣ тогда труднѣе философіи, которую послѣ слушалъ я въ харьковскомъ университетѣ.

Такъ живо, такъ глубоко врѣзался мнѣ въ душу и этотъ первый урокъ, и этотъ первый учитель мой, что я готовъ тотчасъ нари-

[1]) У Л. И. Геевскаго была своя винокурня.

совать все это: и новенькую азбуку, и лицо Карпа, мальчика лѣтъ 12, и его пестрядевый сюртукъ, и даже комнату, въ которой посѣяны были въ душу мою первыя сѣмена премудрости. Первый урокъ мой продолжался весьма недолго, во-первыхъ потому, что я его скоро выучилъ, а во-вторыхъ, что принесли завтракъ, состоящій изъ горячаго гречаника съ коровьимъ масломъ: помню, что это кушанье, съ которымъ тогда я въ первый разъ и познакомился, мнѣ чрезвычайно понравилось и нѣкоторымъ образомъ заинтересовало меня къ дальнѣйшимъ блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ образованности. По окончаніи завтрака учитель мой и я отправились гулять въ садъ. Такимъ образомъ, послѣ всякаго урока мы уходили въ садъ съ Карпомъ; уроки наши шли своимъ чередомъ, прогулки своимъ; я не былъ ни въ чемъ стѣсненъ, и потому нисколько не тяготился, потому болѣе, что и самое-то ученіе мнѣ послѣ другаго—третьяго урока вовсе не казалось труднымъ. Карпъ былъ постояннымъ моимъ учителемъ; иногда только самъ смотритель приходилъ посмотрѣть, какъ мы учимся, и, проэкзаменовавши *зады*, сказалъ: „хорошо“, а обратившись къ Карпу, прибавилъ: „Вотъ Степаша скоро тебя перегонитъ и изъ ученика твоего сдѣлается твоимъ учителемъ“. О самолюбіе! Тогда же въ душѣ моей явилось тайное желаніе перегнать Карпа и, не въ шутку только, сдѣлаться его учителемъ. Прилежаніе мое утроилось, способности развернулись, и я черезъ мѣсяцъ или полтора уже читалъ молитвы, затрудняясь только тѣми словами, надъ которыми стояли титлы. „Баста“! сказалъ смотритель „полно быть Карпу учителемъ“! Въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія, я поступилъ въ вѣдѣніе сестры смотрителя Анны Ивановны, которая уже преподавала высшій курсъ, т. е. начиная отъ молитвъ до конца букваря. Я старался учиться хорошо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со мною учились еще двѣ барышни, почти однихъ лѣтъ со мною, Пащенкова и Рыжова. Такъ какъ я былъ довольно скроменъ и послушенъ, и часто съ успѣхомъ выполнялъ требованія и порученія Анны Ивановны, по предметамъ—разматыванія нитокъ и шелку, и нанизыванія бисеру,

то естественно она меня хвалила—и жизнь моя текла пріятно и безмятежно!

Окончивши мой урокъ и разматываніе нитокъ или нанизываніе бисеру, я могъ уходить къ прочимъ пансіонерамъ; но такъ-какъ они весьма гордо со мной обращались, какъ потому, что уже учились въ училищѣ, такъ и потому, что были гораздо богаче (нѣкоторые носили бѣлые воротнички—признакъ аристократизма; одинъ имѣлъ свою лошадь верховую),—то я предпочиталъ отправляться съ Карпомъ, куда намъ вздумается. Чаще всего мы гуляли въ саду: строили погреба, обивали яблоки, ѣли всякую зелень, растущую въ саду, если она хоть немного была сладка. Когда настала осень, а потомъ зима, то я и другіе пансіонеры, выучивши свои уроки, должны были приходить *къ бабушкѣ* (такъ мы называли мать смотрителя, старуху лѣтъ 60) и играть съ нею въ дурачки. Здѣсь собиралась компанія довольно значительная: бабушка, двѣ ея дочери, иногда самъ смотритель, два лакея, Карпъ и Михайло, я и еще два или три пансіонера. На этихъ карточныхъ вечерахъ бывало иногда очень весело: главное всеобщее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дурачить Карпа. Всѣ по взаимному соглашенію, однажды навсегда утвержденному, должны были собирать и приберегать тузовъ, которыми подъ конецъ и надѣляли Карпа—онъ, разумѣется, оставался *дурнемъ*, и всѣ смѣялись. Иногда случалось ему получать вмѣсто четырехъ восемь тузовъ—тогда всеобщая радость еще болѣе увеличивалась!

Но не всегда-жъ коту масляница—говоритъ пословица. Я подъ руководствомъ Анны Ивановны выучилъ букварь и умѣлъ довольно бойко разбирать другія книги и даже, кажется, уже началъ писать на деревянной доскѣ.

Иванъ Ивановичъ, увидѣвши мои успѣхи, сказалъ: „*теперь пора и въ училище!*“—Этотъ лаконизмъ мнѣ вовсе не понравился, какъ потому, что угрожалъ разными наказаніями, такъ и тѣмъ, что отрывалъ меня отъ жизни, довольно мнѣ понравившейся. Но дѣлать нечего. Дрожки довольно порядочныя, но впрочемъ не рессорныя, на которыхъ ѣздилъ только самъ Иванъ Ивановичъ, да иногда барышни, его сестры, были

запряжены—и мы поѣхали въ *Зѣньковское Повѣтовое училище.* Кто бывалъ въ Зѣньковѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ при самомъ въѣздѣ со стороны Полтавы, тотчасъ за греблею (плотиной), два низенькихъ домика, выходящихъ фасадомъ на улицу. Въ одномъ изъ нихъ, какъ и теперь [1]), находилось училище, въ другомъ жили учителя. Чтобы не уличили меня во лжи въ послѣднемъ обстоятельствѣ, т. е. что учителя жили въ казенномъ училищномъ домѣ, я намѣренъ присовокупить маленькое объясненіе, состоящее въ слѣдующемъ: кромѣ тогдашняго *духа времени*, (извините за философское выраженіе), этому способствовало еще и доброе сердце штатнаго смотрителя Кричевскаго, который, видя горестное положеніе голодной ученой братіи и имѣя собственный домъ, *дозволилъ* ей жить въ казенномъ, гдѣ имъ было и тепло, и покойно, и близко.

Мы пріѣхали такъ рано, что классы еще не начинались; но при первомъ раздавшемся стукѣ экипажа смотрительскаго, всѣ учителя тотчасъ же явились въ училище—и я былъ представленъ имъ еще на крыльцѣ; потомъ мы пошли въ *нижнее отдѣленіе.* (Тогда такъ назывался первый классъ училища).

Обратясь къ Игнату Григорьевичу Луценку, смотритель сказалъ: „Смотрите, Игнатъ Григорьевичъ, не балуйте его! чтобъ онъ учился у васъ хорошо,—въ особенности обратите вниманіе, чтобы онъ писалъ правильно и хорошо, и уроки изъ св. исторіи пусть учитъ, а уже съ ариѳметикой повременимъ до того года". (Ибо это было среди акад. года). А ты, Степаша, слушайся учителя и веди себя хорошо; чего не знаешь—спроси, испортишь перо—отдай починить Игнату Григорьевичу. Сказавши эти слова, онъ отправился въ другой классъ, потомъ въ третій, а черезъ четверть часа дрожки опять застучали... Я остался въ нижнемъ отдѣленіи. Признаюсь, не безъ особеннаго чувства страха смотрѣлъ я на новаго для меня начальника въ лицѣ Игната Григорьевича, и только новость положенія моего нѣсколько отвлекала отъ этого чувства. Шумъ и крикъ нынѣшнихъ Ланкастерскихъ школъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ

[1]) Здѣсь помѣщается теперь Двухклассное городское Училище.

гамомъ, который оглушилъ меня на первомъ шагу публичнаго воспитанія. Представьте себѣ около 40 или 45 учениковъ разнообразнаго происхожденья, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка, которымъ щеголяли сынъ городничаго и одинъ изъ пансіонеровъ Кричевскаго—Ситенскій, до нестрядеваго халата, подпоясаннаго кромкой изъ сукна, въ которомъ *просвѣщалась* почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжитъ на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ склады, третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче деруться за чубы и т. д. Представьте Игната Григорьевича, расхаживающаго среди всей этой кутерьми по классу и безпрерывно покрикивающаго въ разныя стороны, „что ты тамъ шалишь, дуракъ!—Пять помноженное на шесть равняется тридцати, а не тридцати двумъ, оселъ! Гамалѣя! читай! Пентефрія, а не Пентерфія!—Стань на колѣни, Глоба! и проч. и проч.“ Представьте себѣ, говорю, все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года, и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище!

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ-же.

Первый шагъ на поприщѣ публичнаго воспитанія мною сдѣланъ; первое впечатлѣніе страха прошло—я освоился съ учителемъ и учениками, и мнѣ стало какъ-то веселѣе и лучше. Признаюсь, что пребываніе мое въ училищѣ тогда уже казалось мнѣ довольно поэтическимъ, хотя о поэзіи я тогда имѣлъ менѣе понятія, нежели теперь о китайской литературѣ Будучи дитятею, я какъ-то легко привыкалъ ко всему, мнѣ все нравилось: я не могъ снесть только, когда меня оставляли безъ обѣда, что впрочемъ случалось очень рѣдко. Такъ точно теперь, когда 34 года пронеслось надо мною, когда много несчастій суждено было испытать мнѣ—я покоряюсь судьбѣ моей, въ самомъ несчастіи

нахожу источникъ наслажденій, потому что и терпѣть и страдать—есть также что-то поэтическое, особенно, когда терпѣть и страдать приходится невинно и притомъ отъ глупцовъ и мерзавцевъ. Мнѣ кажется, я не перенесъ бы только двухъ несчастій: физическаго страданія и недостатка въ необходимомъ для своего содержанія,—это уже дѣло природы, а не моего размышленія. У смотрителя было, кажется, шесть или семь пансіонеровъ, которые всѣ учились въ училищѣ. Такъ какъ домъ его, т. е. наша квартира, находился на одномъ концѣ, а училище на другомъ, и разстояніе между тѣмъ и другимъ было около—двухъ съ половиною верстъ, то, безъ сомнѣнія намъ нельзя было ходить пѣшкомъ, а потому насъ обыкновенно препровождали на особеннаго рода дрожкахъ, особеннаго рода лошадью,—а кучеромъ былъ прежній *мой наставникъ* Карпъ. Дрожки эти состояли изъ широкой доски, укрѣпленной на четырехъ колесахъ: мы садились обыкновенно по три съ одной и по три съ другой, разумѣется спинами другъ къ другу, Карпъ же лицомъ къ лошади, о которой также надобно сказать нѣсколько словъ. Она была бѣлой шерсти, довольно рослая, но такихъ *преклонныхъ лѣтъ*, что едва передвигала ноги подъ тяжестью семи особъ, которыхъ она обязана была препроводить два раза въ училище и обратно. Встрѣчавшіе насъ мальчишки, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка, бѣжали за нами толпой, кричали, что уже *всзутъ горшки*, бросали иногда щепки и куски земли, но мы мало обращали на это вниманія—ѣхали себѣ торжественно и важно, и развѣ уже вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ—тогда мгновенно всѣ схватывались съ дрожекъ, брали въ плѣнъ двухъ-трехъ негодяевъ и тутъ-то уже тѣшились: у иного отрывали чубъ, били по рукамъ линейками, которыя всегда были съ нами, обрывали уши и т. п. Подымался крикъ, гамъ, плачъ—выбѣгали матери плѣнниковъ, бранились, называли насъ чортовыми горшками, а мы вновь садились на безсмертныя дрожки и тѣмъ-же торжественнымъ важнымъ шагомъ *держали путь свой*. Но весна, лѣто были для насъ истиннымъ наслажденіемъ, потому что насъ отпускали иногда *въ классы* пѣшкомъ: въ такомъ случаѣ мы избирали кратчайшій путь чрезъ рѣчку, не смотря ни на

какую погоду; мы обыкновенно купались сначала, потомъ, сложивши на головахъ всю свою одежду, переходили въ бродъ на другой берегъ, одѣвались и шли дальше. Но какъ намъ этого дѣлать не позволялось, то мы всячески старались не смочить волосъ на головѣ, чтобы иногда учители не догадались, тѣмъ болѣе, что намъ иногда, не имѣя часовъ, случалось опаздывать... Карпъ же, получая отъ насъ куски бубликовъ, булокъ, пирожковъ и т. п. лакомыя вещи, благоразумно умалчивалъ о нашихъ рѣзвостяхъ (я не называю этого шалостями) и когда учитель даже спрашивалъ его, почему дѣти поздно пришли, онъ отвѣчалъ, что *нерано обидалы—булы гости у Ивана Ивановича*; тѣмъ все и кончалось. Въ приготовительномъ классѣ я научился бойко читать, мастерски писать, лазить по деревьямъ и сбивать яблоки и груши, что, какъ извѣстно, зналъ я еще весьма хорошо и дома. Послѣ экзамена, на которомъ я прегромко и преотчетливо разсказалъ о царяхъ Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, рѣшилъ безошибочно какую-то задачу на правило дѣленія и показалъ свои прописи—меня перевели во второй классъ. Это исполнило меня радостью неописанною, тѣмъ болѣе, что на публичномъ экзаменѣ, я имѣлъ счастіе получить изъ рукъ городничаго въ награду *Книгу съ картинками* (Это была естественная исторія съ изображеніемъ звѣрей). Отецъ мой, который былъ тутъ-же на экзаменѣ, заѣхалъ со мною къ смотрителю, благодарилъ его и учителей за успѣхи мои—и мы поѣхали домой. Я провелъ весь день съ своей книгой, разсказывалъ всѣмъ ея содержаніе, объяснялъ картинки, читалъ даже босымъ дѣвкамъ и мальчишкамъ и, набѣгавшись по сѣнокосу, уже вечеромъ—я заснулъ крѣпкимъ сномъ съ книгою-же подъ подушкой. На другой день отправлено было Игнату Григорьевичу: двѣ индѣйки, мѣшокъ пшеничной муки и горшокъ масла. Лѣтній мѣсяцъ каникулъ я провелъ въ полномъ восторгѣ: самое большее наслажденіе было для меня отправляться на сѣнокосъ и быть тамъ цѣлый день. Меня чрезвычайно занималъ этотъ стройный рядъ косарей, ихъ разгульныя, молодецкія пѣсни, ихъ шутки и насмѣшки—и съ какимъ удовольствіемъ я бѣжалъ вмѣстѣ съ косарями къ *старому* дубу, гдѣ *старая* же баба

готовила вкусный борщъ по средамъ и пятницамъ съ соленой рыбой, таранью, а въ прочіе дни съ свининой. Я садился тутъ же обѣдать, поодаль отъ косарей—ѣлъ борщъ и кашу, былъ доволенъ этими блюдами, какъ нельзя больше, и когда косари ложились отдыхать, я находилъ для себя занятіе: бродилъ по лугу, рвалъ цвѣты, ловилъ бабочекъ и т. п. Когда случалось, что приходилъ мой отецъ и также тутъ обѣдалъ, то здѣсь уже была перемѣна декорацій: послѣ обѣда мы обыкновенно ложились отдыхать, разсуждали о наукахъ, рѣшали умственныя задачи и т. п. Когда скошенное и высушенное сѣно принимались сгребать и складывать, то это было для меня еще занимательнѣе: здѣсь работа производилась и женщинами. Пѣсни, шалости, крикъ, смѣхъ—все это очень интересовало меня.

Но каникулы прошли. Нужно было думать объ училищѣ. Я грустно смотрѣлъ на копны хлѣба, которыя только-что начинали являться на поляхъ, со слезами на глазахъ прощался съ садомъ, гдѣ уже покрывались стыдливымъ румянцемъ сливы и груши; нѣсколько разъ бѣгалъ къ подмѣченному въ густотѣ орѣшника гнѣздышку птички, гдѣ уже были птенцы, едва оперившіеся—все, все нужно было оставить: и садъ, и жатву, и птичекъ, и лѣса, и луга, и горы! Но грустное расположеніе духа продолжалось часъ-два не болѣе. Когда я садился въ повозку или на дрожки и выѣзжалъ на гору, на зѣньковскую дорогу, мечты мои переносились въ другой міръ: мнѣ представлялись уже новые наставники: Иванъ Ѳедоровичъ Романовскій и Василій Осиповичъ Бубліевъ—первый въ своемъ франтовскомъ сюртучкѣ или синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, второй съ вѣчно-соннымъ и краснымъ лицомъ; передо мною мелькали мои новые товарищи въ разнообразныхъ одеждахъ и каждый съ запасомъ какихъ нибудь съѣстныхъ снадобій во всѣхъ карманахъ; авдиторство, новыя похожденія на безсмертныхъ дрожкахъ; чудесный садъ Кричевскаго, разматываніе нитокъ и нанизываніе бисеру, бублики, спеченные на постномъ маслѣ, подаваемые намъ обыкновенно къ чаю—превкусные, старый шкафъ съ какими-то иностранными книгами, въ которомъ я любилъ иногда порыться,—все это, вмѣстѣ взятое, изгоняло изъ памяти моей деревенскія

впечатлѣнія—я уже жилъ новою жизнью: былъ доволенъ и счастливъ. Я поступилъ во второй классъ—учился, разумѣется, хорошо, и августъ и сентябрь прошли для меня благополучно. Но въ октябрѣ вдругъ случилось происшествіе—маленькій переворотъ въ моей жизни. Это былъ *танцкласс*ъ. Такъ какъ у Кричевскаго было насъ довольно и при томъ двѣ барышни, которыя учились у сестеръ Кричевскаго, то, не знаю, кому изъ нихъ пришла въ голову мысль учить насъ танцовать. Назначено было два раза въ недѣлю—не помню въ какіе дни. Я уже предчувствовалъ, что этотъ танцклассъ мнѣ не понравится, хотя не зналъ почему. Въ назначенный день мы собрались вечеромъ въ залъ, каждый, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ сапогахъ, въ какихъ ходилъ обыкновенно, и въ той же самой одеждѣ. Музыки никакой не было, но старшая сестра Анна Ивановна держала въ рукахъ гитару. Насъ построили въ правильную шеренгу и заставили пройтись раза три по комнатѣ подъ однообразный тактъ: *разъ, два, три*. Это показалось мнѣ нѣсколько занимательнымъ или по крайней мѣрѣ не скучнымъ, не тягостнымъ. Но когда маршъ кончили и насъ начали учить выдѣлывать разныя *па*, то на меня напала такая тоска, что я не могъ рѣшительно дѣйствовать сознательно, безпрестанно ошибался, вслѣдствіе этого подвергнулся осмѣянію, какъ неспособный къ танцамъ: это очень сильно затронуло мое самолюбіе, и я тогда-же рѣшился во что бы ни стало болѣе не танцовать, т. е. или вовсе не являться на танцклассы, или показать совершенную неспособность къ этому искусству.—Въ слѣдующій же разъ, я сказалъ, что у меня болитъ голова, и по тому остался въ своей комнатѣ. Каждый разъ я находилъ какое нибудь обстоятельство, чтобы только не танцовать: то болѣла голова, то уроковъ не выучилъ, то надобно сдѣлать задачу и т. п. Спустя однако-жъ два мѣсяца, по истеченіи всѣхъ отговорокъ, я явился на танцклассъ—въ это время танцовали экосезъ; но такъ какъ я не зналъ первоначальныхъ правилъ, то и остался только *хладнокровнымъ зрителемъ* этого танца. Всего замѣчательнѣе, что всѣ эти балеты совершались подъ звуки единственной гитары, на которой преплохо игралъ самъ смотритель и кое какъ бренчала Анна Ивановна. Папенька мой былъ увѣ-

домленъ, что я не имѣю способностей къ танцамъ—мнѣ былъ сдѣланъ *выговоръ за то, что я не имѣю способностей*, и въ дальнѣйшемъ ходѣ моего образованія я на счетъ танцевъ былъ оставленъ въ покоѣ. Что же касается пріобрѣтенія другихъ познаній, болѣе солидныхъ, то я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ училища, и когда былъ экзаменъ для перевода въ третій классъ, то я на доставшійся по жребію вопросъ изъ катехизиса о двѣнадцатомъ членѣ Символа Вѣры отвѣчалъ такъ громко, такъ безошибочно, такъ внятно, что смотритель и учитель не находили словъ выразить свое удовольствіе, представляли всѣмъ прочимъ ученикамъ въ примѣръ, какъ надобно *держать экзаменъ*, и въ вѣдомости отмѣтили мнѣ изъ катехизиса: excellentissime (тогда еще не знали шаровъ для отмѣтокъ успѣховъ). Изъ грамматики отвѣчалъ я также бойко, склонялъ и спрягалъ что ни давали мнѣ. Учители остались мною довольны и по этому предмету и въ вѣдомости отмѣчено мнѣ было: optime. Изъ другихъ предметовъ я также получилъ хорошія отмѣтки. Вслѣдствіе этого переведенъ былъ въ третій классъ съ наградою. Награда эта состояла въ книгѣ: *Способъ молиться*, твореніе госпожи Гюнонъ. Каникулы прошли для меня также поэтически, какъ и всѣ вообще прочіе. Въ третьемъ классѣ я учился довольно хорошо; преподаваемыя тамъ науки были почти тѣ же, какъ и теперь въ послѣднемъ классѣ училища, за исключеніемъ только особенной науки, о которой я впослѣдствіи ни въ какихъ уставахъ не начитывалъ и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы она предподавалась въ какихъ либо другихъ училищахъ—это наука была: *Правила слога*. Въ чемъ состояла эта наука, для чего учили ее—ни я, и ни кто другой изъ товарищей моихъ не постигалъ. Книги не было—она состояла изъ рукописной тетрадки листа въ четыре обыкновеннаго письма. По заглавію видно, что дѣло шло о слогѣ, т. е. способѣ выражать мысли; но сколько помню, насъ *сочинять не учили*—такая сумасбродная мысль не могла родиться и въ головѣ уѣзднаго учителя (а теперь во второмъ классѣ гимназій десятилѣтнихъ мальчиковъ заставляютъ сочинять). Время не сохранило для меня этой драгоцѣнной тетрадки, память не удержала ни одной мысли, вѣроятно потому,

что эти мысли были выше тогдашняго моего ума, и о правилахъ слога я помню только по названію. Геометрію мы изучали и теоретически и практически: мѣряли сараи, рѣку, дороги, голубятню, столбъ, на которомъ висѣлъ училищный колокольчикъ, и церковь, сосѣднюю съ училищемъ. Географія какъ-то пришлась у насъ послѣ обѣда въ два часа, а потому учитель рѣдко бывалъ цѣлый классъ, а по большей части только въ началѣ, послѣ же ложился спать—мы оставались въ училищѣ сами, раскладывали и развѣшивали географическія карты, какъ намъ вздумается; одинъ обыкновенно говорилъ громогласно урокъ, разумѣется, какъ попало, а прочіе садились, а иногда и ложились на скамьяхъ, ѣли бублики, сухія груши, пряники; если проходилъ сластенникъ мимо окна, то мы покупали сластены и также ѣли. Но всего болѣе доставлялъ намъ удовольствія ученикъ Слѣсаренко (или по уличному—Кузьмичъ), сынъ зѣньковскаго купца; онъ обыкновенно каждый день приносилъ что нибудь лакомое: рожки, пряники, изюмъ, винныя ягоды, и мы всѣ пировали на славу. Къ концу класса приходилъ учитель и наскоро задавалъ урокъ на слѣдующій разъ. Я еще забылъ сказать объ одномъ довольно важномъ обстоятельствѣ. Такъ какъ Зѣньковъ разбросанъ довольно на большомъ пространствѣ, а училище находится на самомъ краю города, то нѣкоторые бѣдные ученики, живущіе далеко, приносили съ собою и обѣдать, очень часто даже и въ горшкахъ. Это дѣлалось съ вѣдома начальства; чтобы не было злоупотребленій, то оставленныхъ безъ обѣда запирали въ сарай. Впрочемъ иногда и туда проникало милосердіе.

Въ занятіяхъ подобнаго рода и такимъ образомъ, какъ описано мною, прошелъ весь академическій годъ. Приблизился окончательный экзаменъ, т. е. когда я долженъ былъ получить аттестатъ, оставить Зѣньковъ и переѣхать въ Полтаву—въ тамошнюю губернскую гимназію. Сколько подвиговъ, надеждъ, предположеній! Боже мой—съ перваго іюня, когда начались экзамены, до 28 или 29 іюля, когда я, мой отецъ и братъ мой Андрей, сѣли въ бричку и поѣхали въ Полтаву—все это пространство двухъ мѣсяцевъ времени такъ живо врѣзалось въ моей памяти, что я никогда не забуду: голова моя кружилась,

мнѣ непремѣнно хотѣлось получить со всѣхъ предметовъ *eminentissime* или *excelentissime*, хотѣлось щегольнуть своимъ аттестатомъ предъ дядей Ильею Ивановичемъ Геевскимъ, къ которому мы должны были заѣхать по дорогѣ въ Полтаву; мнѣ хотѣлось превзойти своихъ товарищей и въ особенности Хмару, которому отдавали преимущество предо мною, и пр. и пр. И представьте мою радость, мой восторгъ: почти всѣ мои надежды сбылись за исключеніемъ того, что я получилъ изъ ариѳметики и геометріи *optime*, вмѣсто ожидаемаго *eminenter*—да и *optime* то, какъ я теперь соображаю, записано мнѣ чуть-ли не вмѣсто sufficienter; вѣроятно, было сдѣлано маленькое снисхожденіе—я былъ плохой математикъ.

Въ Зѣньковѣ обыкновенно бываетъ ярмарка двадцать четвертаго іюня въ день Рождества Іоанна Предтечи и продолжается три дня 23, 24 и 25. Такъ какъ на эту ярмарку съѣзжаются многіе сосѣдніе помѣщики, то училищное начальство всегда распоряжалось такъ, чтобы публичный экзаменъ былъ 23, 24 или 25 іюня. Въ 1825 году, т. е. когда я кончилъ курсъ, онъ былъ двадцать-пятаго числа. Съ самаго утра все предвѣщало необыкновенное торжество или, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, что все торжествуетъ по случаю окончанія моего курса въ училищѣ. За четыре или пять дней училище было вымыто и вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи; дворъ чисто выметенъ; парадный ходъ обсыпанъ травою; торжественная зала (она же и обыкновенная зала, гдѣ обѣдали учители и ихъ пансіонеры) убрана была блестящею мебелью, свезенной со всѣхъ концовъ уѣзда; разставлены глобусы, развѣшены ландкарты, столъ накрыть сукномъ; на столѣ похвальныя книги и.... аттестаты! Часу въ шестомъ послѣ обѣда, т. е. послѣ разныхъ окончательныхъ продажъ и покупокъ, начали съѣзжаться *почтеннѣйшіе посѣтители*; сначала, разумѣется, не совсѣмъ почтенные, потомъ почтеннѣе, далѣе болѣе почтенные и, наконецъ, уже около половины седьмаго часа почтеннѣйшіе, т. е. аристократы края: Маршалъ дворянства [1]), Городничій, Судья и Под-

[1]) Такъ въ то время назывался Предводитель дворянства.

судки, стряпчій и нѣкоторые помѣщики *большой руки*. Такъ какъ музыки тогда не было, то *представленіе* началось пѣніемъ какой-то молитвы, аранжированной изъ лучшихъ голосовъ (безъ нотъ) законоучителемъ. Потомъ всѣ сѣли, кромѣ учениковъ, которые стояли въ нѣсколько рядовъ въ глубинѣ залы. Началось испытаніе въ законѣ Божіемъ, россійскомъ языкѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и во всѣхъ прочихъ предметахъ: говорили басни, разсказывали по картѣ, рѣшали задачи, вертѣли глобусы и многіе другіе фокусъ-покусы. Но болѣе всего понравилось публикѣ два фокуса: первый—два ученика пересказали разговорно басню Крылова *Любопытный*, и второй—я проговорилъ *съ приличными тѣлодвиженіями* отрывокъ: *Эдипъ и Антигона* (изъ трагедіи Озерова). Толстый городничій Гуровъ поцѣловалъ меня; что же до учениковъ, произнесшихъ *Любопытнаго*, то и описать не умѣю, какъ всѣ были довольны: по желанію Маршала дворянства *велѣно было повторить*.... Когда переэкзаменовали всѣхъ, то учитель историческихъ наукъ И. Ф. Романовскій началъ говорить *благодарственную рѣчь*, а чтобы публикѣ не было скучно, лакеи разносили почтеннѣйшей публикѣ чай и пуншъ, а намъ конфекты, пряники и орѣхи (и въ тѣ времена, какъ и теперь, ораторство нуждалось во вспомогательныхъ средствахъ—иначе всѣ бы уснули). По окончаніи рѣчи, намъ роздали награды и аттестаты: самъ Маршалъ совершилъ этотъ подвигъ. Публика поднялась: смотрѣли еще нѣсколько минутъ прописи и рисунки. Наконецъ начали разъѣзжаться. Отецъ подошелъ ко мнѣ, горячо поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Благодарю тебя, Степаша! ты порадовалъ меня!“ Съ тѣмъ мы поѣхали. Выѣхавши за городъ, отецъ спросилъ у меня аттестатъ, прочиталъ его раза три, сложилъ, положилъ въ свой боковой карманъ и сказалъ: „съ этимъ добромъ не стыдно и въ Полтаву ѣхать!“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Я уже упоминалъ, что за исключеніемъ гимназій и прогимназій, всѣ училища состояли въ вѣдѣніи секціи губернскаго правленія. Они утверждали смѣты училищъ, представляемыя уѣздными начальниками, выписывали книги въ училищныя библіотеки, ассигновали деньги изъ разныхъ источниковъ на содержаніе училищъ и наконецъ назначали и увольняли попечителей, законоучителей и учителей училищъ. До образованія канцеляріи учебной дирекціи и перехода въ нее училищныхъ дѣлъ изъ губернскаго правленія, я въ качествѣ члена его долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ. Жерве съ своими совѣтниками распорядился такъ, что за столомъ засѣданія мнѣ отвели послѣднее мѣсто, и училищныя дѣла стали разсматривать въ концѣ засѣданія. Мнѣ вслѣдствіе этого приходилось сидѣть и скучать за столомъ по нѣсколько часовъ. Въ числѣ совѣтниковъ губернскаго правленія былъ одинъ русскій—Синепуповъ, его держали для того, чтобы въ случаѣ нужды, можно было указать, что не всѣ члены поляки. Синепуповъ служилъ въ царствѣ съ незапамятныхъ временъ, такъ что съ трудомъ даже могъ бесѣдовать по русски. Онъ, разумѣется, дѣлалъ все, что угодно было полякамъ. Онъ выгналъ изъ дому жену, которая не съумѣла сойтись съ польками, а сына мальчика отдалъ въ ремесло. Сынъ кочевалъ съ точильнымъ станкомъ по улицамъ городовъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. № 7.

сувалкской губерніи и занимался точеніемъ ножей. Во время же возстанія точилъ косы, кинжалы, палаши, пики и штыки. При выпискѣ книгъ совѣтники требовали, чтобы по примѣру прежнихъ лѣтъ во всѣ училища, въ числѣ ихъ въ нѣмецкіе канторатъ, непремѣнно былъ выписанъ періодическій журналъ „Kmiotek“, и чтобы учителямъ и канторамъ предписано было собирать въ праздничные дни въ школы учащихся и поселянъ и читать имъ „Kmiotek“. Это высоконравственный журналъ, говорили совѣтники; отличается популярнымъ изложеніемъ и доступенъ пониманію самаго необразованнаго человѣка. Даже тѣ канторатъ, въ которыхъ на учебныя пособія по смѣтѣ назначался въ годъ одинъ рубль серебромъ, должны были этотъ рубль употребить на пріобрѣтеніе „Kmiotka“. Жерве подтвердилъ, что это такой народный журналъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна школа. Я просилъ повременить съ выпискою до тѣхъ поръ, пока я не ознакомлюсь съ этимъ журналомъ. Жерве обидѣлся и рѣзко замѣтилъ, что къ дѣйствіямъ правительственнаго органа, каково губернское правленіе, можно бы относиться съ большимъ довѣріемъ. Мы, кажется, всѣ русскіе подданные, и одинаково приносили присягу государству и государю! Я не подписалъ журнала, раскланялся и вышелъ изъ засѣданія. Жерве, не смотря на настоянія совѣтниковъ, тоже не рѣшился подписать журналъ, и выписка Kmiotka (мужичка) была пріостановлена. Помню, это засѣданіе происходило въ среду на страстной недѣлѣ. Пообѣдавъ у Райскаго въ кондитерской и возвратившись на квартиру въ домѣ Ковальскаго, я сейчасъ же потребовалъ, чтобы канторъ, помѣщавшійся съ канторатомъ въ нижнемъ этажѣ противоположнаго дома, доставилъ мнѣ Kmiotek за всѣ годы. Канторъ притащилъ мнѣ увѣсистыхъ шесть томовъ in 4^0 и доложилъ, что, согласно предписаніямъ губернскаго правленія, онъ аккуратно по праздничнымъ днямъ перечиталъ дѣтямъ всего Kmiotka. Перелистывая Kmiotek, я сейчасъ замѣтилъ въ немъ изложеніе польской исторіи для польскаго народа, украшенное рисунками крылатыхъ гусаръ и пр. Kmiotek вообще не скупился на иллюстраціи. Изданіе было весьма опрятное, шрифтъ крупный,

четкій. Меня прежде всего удивила дешевизна изданія: за рубль въ годъ еженедѣльное иллюстрированное чтеніе. Я принялся читать польскую исторію: прекрасный, простой языкъ, легкость и картинность изложенія, умѣніе группировать факты показывали, что авторъ недюжинный талантъ. Передо мною развертывалась великолѣпная картина—эпопея жизни польскаго народа. Мѣстами авторъ вдавался въ горячій лиризмъ и умѣло шевелилъ чувство. Я читалъ до вечера, читалъ всю ночь напролетъ, читалъ въ теченіе всего слѣдующаго дня до церковнаго колокола, призывавшаго на страсти. У меня отекли ноги, заболѣла голова, я едва держался на ногахъ, а оторваться отъ увлекательной картины не было возможности. Впечатлѣніе было таково, что, не знай я польской исторіи, по прочтеніи эпопеи я пожалѣлъ бы, что не родился полякомъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе эта исторія-эпопея должна была произвести на умъ и чувство учащихся и неразвитой толпы и сколько тысячъ молодежи она наэлектризовала и послала въ лѣсъ, въ банды. Все темное въ польской исторіи и жизни было искусно обойдено; все благородное, возвышенное, рыцарское было ярко нарисовано и освѣщено. Всѣ окружающіе Польшу народы являлись чѣмъ-то ничтожнымъ, пошлымъ, темнымъ, неразвитымъ въ сравненіи съ этимъ рыцаремъ-народомъ, который, не щадя себя, стремился къ однимъ самымъ возвышеннымъ цѣлямъ и могъ облагодѣтельствовать весь міръ. Но судьба рѣшила иначе. Зло восторжествовало. Но зло не можетъ вѣчно торжествовать на землѣ. Къ Kmiotk'y (мужичку) писались со всѣхъ сторонъ письма: изъ Силезіи, Познани, Помераніи, Галиціи, подольской, волынской, кіевской, херсонской, екатеринославской, черниговской, минской, полоцкой, витебской, смоленской, виленской, ковенской, гродненской губерній. Въ письмахъ всѣ эти мѣстности представлялись сплошь и рядомъ населенными добрыми поляками поселянами, добродѣтельными плебанами, друзьями и учителями этихъ поселянъ, равно заботящимися о спасеніи ихъ душъ и благоденствіи ихъ тѣлесъ. Плебаны, паничи и паненки вездѣ основываютъ для поселянъ школки, учатъ въ нихъ безплатно ребятишекъ всему доброму, наставляютъ въ прароди-

тельской религіи; танцуютъ паничи и паненки съ поселянами и поселянками то на панскомъ дворѣ, то около корчмы, а въ большіе праздники ведутъ приличныя игры по выслушаніи святой мши около костела. Паны бѣднымъ даромъ отпускаютъ лѣсъ и строятъ для нихъ хаты и сараи; при неурожаѣ раздаютъ имъ безвозвратно хлѣбъ и овощи, во всѣхъ затрудненіяхъ даютъ имъ добрые совѣты. Словомъ, начитавшійся этихъ писемъ представлялъ себѣ мѣстность, занимаемую поляками-католиками, страшно обширною. Въ предѣлахъ этой мѣстности царила идиллія; окраины были zabrany kraj, ждавшій своего освобожденія и слитія на вѣки съ koroną, съ конгрессувкой. Я представилъ свое мнѣніе о Kmiotk'ѣ въ Прав. Коммиссію и просилъ разрѣшенія не только не выписывать впредь этотъ журналъ, но изъять его изъ библіотекъ за прежніе годы. Коммиссія народнаго просвѣщенія запретила выписку Kmiotka и приказала его изъять изъ библіотекъ училищъ. Въ первомъ послѣ праздниковъ засѣданіи губернскаго правленія, когда я заявилъ о рѣшеніи коммиссіи, Жерве, обратившись ко мнѣ, преспокойно объявилъ: „я всегда былъ того мнѣнія, что это вредный журналъ, что его не слѣдуетъ выписывать. Помните я не подписалъ журнала!“ Когда должность коменданта упразднили и управленіе его тоже, а назначены были уже воинскіе начальники, то бывшій комендантъ обратился ко мнѣ съ просьбою принять въ дѣлопроизводители поляка, который занимался въ его управленіи дѣлопроизводствомъ. Я предложилъ прислать его документы и аттестацію. По предписанному порядку объ этомъ господинѣ я запросилъ Бѣлановскаго и начальника военнаго отдѣла. Бѣлановскій сейчасъ отвѣтилъ, что дѣлопроизводитель комендантскаго управленія самый неблагонадежный господинъ: онъ участвовалъ во всѣхъ манифестаціяхъ, въ пѣніи запрещенныхъ гимновъ и, пользуясь расположеніемъ и слабостью коменданта, служилъ посредникомъ въ перепискѣ между политическими арестантами, содержавшимися при комендантскомъ управленіи въ тюрьмѣ, и ихъ родственниками, и даже способствовалъ побѣгу за границу нѣсколькихъ человѣкъ. Послѣ такого отзыва я возвратилъ документы и при-

нялъ въ свое управленіе дѣлопроизводителемъ другого. Однажды я зашелъ угромъ къ военному начальнику отдѣла Ганецкому. У него былъ съ докладомъ комендантъ. Я расположился подождать въ столовой. Вдругъ Ганецкій отворилъ въ столовую дверь, желая подозвать ординарца. Увидѣвъ меня, онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ, говоря, что я имъ не помѣшаю, что отъ меня не можетъ быть секретовъ. Когда окончился докладъ, комендантъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ, что я не уважилъ его ходатайства. Что-жъ дѣлать! Пожалѣете! Вы потеряли настоящаго дѣльца! Я сказалъ ему, что получилъ о немъ нехорошій отзывъ. „Вѣрно отъ этого стараго ворчуна Бѣлановскаго". Не имѣя права объяснить, откуда отзывъ, и боясь произвести ссору и возбудить противъ себя Бѣлановскаго, я брякнулъ: отзывъ отъ генералъ-полиціймейстера Трепова. Упавшая среди комнаты бомба не произвела бы такого впечатлѣнія на Ганецкаго и коменданта, какое произвели мои слова. Оба поблѣднѣли и откинулись въ спинкахъ креселъ, а потомъ побагровѣли. Толстяку коменданту грозилъ рѣшительный ударъ. Настало молчаніе. Наконецъ заговорилъ Ганецкій. Онъ упрекалъ коменданта въ неслыханной халатности и въ шашняхъ съ поляками. „Вотъ такъ сюрпризъ! Дѣлопроизводитель комендантскаго управленія пособляетъ политическимъ преступникамъ бѣжать за границу; устраиваетъ противъ правительства манифестаціи и первый въ костелѣ затягиваетъ революціонную пѣсню! Вамъ угодно погубить себя; но зачѣмъ же вы подводите подъ отвѣтственность меня! Я поневолѣ долженъ былъ и на Васъ полагаться, какъ на русскаго, на стараго генерала, и вотъ вы какъ устроили дѣло; да еще и начальника дирекціи желательно было завлечь въ петлю. Исполать Вамъ, комендантъ!" Побагровѣвшій комендантъ поднялся, раскланялся и шатающимися шагами вышелъ изъ кабинета. Тутъ только я понялъ обширность власти и значеніе въ Царствѣ Польскомъ генералъ-полиціймейстера Трепова. По удаленіи коменданта я чистосердечно разсказалъ Ганецкому, въ чемъ дѣло, и извинился передъ нимъ за то, что, не зная еще значенія власти Трепова, причинилъ Ганецкому безпокойство. Ганецкій вдругъ повеселѣлъ и сталъ благодарить меня за то,

что я, хотя и случайно, но съумѣлъ надлежаще напугать это рыхлое чучело, которое во всемъ мѣшало Ганецкому. Ганецкій ради старости и семейства щадилъ его. И слава Богу, что его переводятъ изъ Сувалокъ: онъ давно ни къ чему уже не пригоденъ!

Къ чести Жерве я долженъ сказать, что, не смотря на то, что они вѣчно нуждались въ деньгахъ, онъ не позволялъ себѣ пользоваться денежными взятками. M-me Жерве часто ѣздила въ Петербургъ и каждое лѣто за границу. Она всегда занимала деньги на проценты посредствомъ работавшей у нея швеи. Жили Жерве весьма скромно. Гостей принимали чаемъ. Карточной игры у нихъ никогда не было; вечеровъ не давали. Только въ высокоторжественные дни иногда Жерве устраивалъ у себя оффиціальный обѣдъ. Конечно, имъ недешево обходились пріемы Заболоцкаго, Барона Фридерикса и Министра, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

Сувалки прежде входили въ составъ Августовской губерніи вмѣстѣ съ городомъ Ломжей. Богатый магнатъ Пацъ, которому нѣкогда принадлежало пограничное имѣніе Довспуда и изящный, на подобіе игрушки, палацъ въ Довспудѣ, употребилъ все стараніе, чтобы резиденція губернатора и властей пребывала въ Сувалкахъ, расположенныхъ въ 12 верстахъ отъ Довспуды. Сувалки лежали на государственномъ шоссе изъ Петербурга въ Варшаву и за границу и обѣщали сдѣлаться богатымъ торговымъ городомъ. Пацъ успѣлъ; но Сувалки едва поднялись, какъ стали хирѣть. Желѣзная дорога пошла по правой сторонѣ Нѣмана и отъ Ковно пустила вѣтвь къ Эйдкунену, пограничному прусскому городу. Сувалки очутились въ треугольникѣ и въ сторонѣ отъ новыхъ торговыхъ путей. Неоконченныя зданія, напр. театръ, такъ и остались неоконченными. Двухъ-этажные каменные дома упали въ цѣнѣ до невѣроятности; ихъ можно было пріобрѣсти за три, четыре тысячи съ разсрочкой. Между тѣмъ Пацъ участвовалъ въ мятежѣ, бѣжалъ за границу, а имѣнія его были конфискованы. Палацъ и Довспуда достались, какъ маіоратъ, генералу Сулемѣ. Никто никогда изъ маіоратистовъ не жилъ въ Довспудѣ. Это имѣніе арендовали изъ года

въ годъ то поляки, то нѣмцы. Въ палацѣ никто не жилъ и не поддерживалъ его, и рука времени мало по малу стала его разрушать. Перержавѣла и стала проламываться крыша; рухнули потолки, лѣстницы, галлереи. Фрески вылиняли и потускнѣли, и теперь нельзя ни за что подняться во второй этажъ. Лучше всего сохранились подвалы. Они представляютъ рядъ большихъ комнатъ и залъ, украшенныхъ живописью и фресками, еще хорошо сохранившимися. Говорятъ, подвальный этажъ имѣлъ секретные ходы за границу. Этими ходами доставлялась военная контрабанда во время повстанія и происходили сношенія между политическими лицами. Въ этомъ подвальномъ этажѣ, по преданію, былъ съѣздъ помѣщиковъ изъ всѣхъ окрестностей и изъ Познани, и на немъ рѣшенъ планъ военныхъ дѣйствій на пространствѣ между Ломжей, Гродно, Ковно и Прусской границей. На сѣверѣ около Нѣмана назначенъ былъ въ предводители богачъ Гелгудъ, а на югѣ—Пацъ. Имѣнія Гелгуда—Гелгудышки со множествомъ фольварковъ принадлежатъ родному брату прусскаго государственнаго человѣка Барона Кейделя. Изъ Гелгудышекъ по другую сторону Нѣмана въ сосновомъ лѣсу высятся мрачныя башни огромнаго стариннаго замка Гелгудъ. Баронъ Кейдель въ Гелгудышкахъ устроилъ пріютъ для бѣдныхъ дѣтей.

Но на самомъ дѣлѣ это—пропагандная школа, гдѣ католиковъ поляковъ превращаютъ въ лютеранъ и нѣмцевъ. Учениковъ и ученицъ и одѣваютъ, и кормятъ на счетъ барона. Учатъ ихъ нѣмецкой исторіи и ариѳметикѣ, а также ремесламъ. По достиженіи возраста, ихъ конфирмуетъ пасторъ, и они, сдѣлавшись нѣмцами и лютеранами, поступаютъ въ услуженіе къ барону на его фольварки. Сверхъ такихъ рабочихъ, у барона Кейделя всѣ рабочіе и служащіе—пруссаки—нѣмцы, лютеране. Многіе изъ нихъ числятся въ прусской арміи. Въ случаѣ войны съ Россіей они окажутъ прусскимъ войскамъ большую услугу. Такъ, какъ баронъ Кейдель, поступаютъ всѣ нѣмецко-прусскіе землевладѣльцы въ губерніяхъ Царства Польскаго, пограничныхъ съ Пруссіей. Говорятъ, что въ Пруссіи существуетъ особый фондъ, отпускаемый правительствомъ помѣщикамъ и крестьянамъ прусскимъ на выгодныхъ условіяхъ

для покупки имѣній и земли въ полосѣ Царства Польскаго, пограничной съ Пруссіей. Западная граница сувалкской губерніи уже густо заселена пруссаками, имѣющими множество канторальныхъ училищъ, и явныхъ и скрытыхъ, семь пасторовъ, семь церквей и суперъ-интенданта, проживающаго въ городѣ уѣздн. Кальваріи. Но нѣмецко-прусская колонизація двигается постепенно далѣе до рѣки Нѣмана. Пасторы, никѣмъ не стѣсняемые, пропагандируютъ между католиками крестьянами сперва протестантизмъ, а затѣмъ и нѣмецкій языкъ. Пасторы по воскреснымъ днямъ въ киркахъ сперва проповѣдуютъ на нѣмецкомъ языкѣ для нѣмецкой паствы, и поются псалмы на нѣмецкомъ языкѣ; потомъ нѣмцы расходятся по домамъ, а собирается новообращенная польская паства. Псалмы поются на польскомъ языкѣ, и для этой паствы пасторъ говоритъ проповѣдь на польскомъ языкѣ. Но отъ дѣтей этой польской паствы требуется обязательное посѣщеніе нѣмецкихъ канторатовъ, и если они не усвоятъ вполнѣ нѣмецкаго языка, ихъ не допускаютъ къ конфирмаціи. Такимъ образомъ вся польская молодежь послѣ конфирмаціи причисляется къ нѣмецкой паствѣ, вмѣстѣ съ нею поетъ псалмы, слушаетъ нѣмецкую проповѣдь, употребляетъ въ обиходѣ нѣмецкій языкъ и даже усваиваетъ себѣ всѣ привычки заправскаго пруссака и его домашній костюмъ, такъ что нельзя отличить природнаго нѣмца отъ онѣмечившагося поляка. Они даже перестаютъ сознавать себя поляками и русскими подданными и императоромъ считаютъ Вильгельма. Нѣмецкіе бароны Остзейскаго края строго слѣдуютъ той же системѣ онѣмечиванія края въ своихъ владѣніяхъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ и авторитетомъ содѣйствуютъ Пруссіи прочно утвердиться на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Во время страшнаго голода зимою въ 1868 году между голодающими семьями, толпами бродившими по большимъ дорогамъ, селеньямъ, мѣстечкамъ и городамъ за подаяніемъ, не было ни одного нѣмца. Нѣмцы получали пособіе изъ Пруссіи. Слѣдствіемъ голода былъ повсемѣстный голодный тифъ, унесшій множество жертвъ. Много умерло голодной смертью на дорогахъ, въ лѣсахъ и подъ заборами. Всѣ предвидѣли голодъ: хлѣбъ не уродилъ; картофель,

главное пропитаніе населенія, тоже не уродилъ. Объѣзжая дирекцію, все это я видѣлъ своими глазами, слышалъ сужденія объ этомъ крестьянъ. Во время проѣзда графа Толстого я просилъ Витте доложить объ этомъ министру и указать мнѣ, изъ какихъ источниковъ помочь бѣднымъ сельскимъ учителямъ, получавшимъ нищенское содержаніе. Жерве, въ присутствіи Витте и директора департамента Н. Пр. Фонъ-Брадке, иронически улыбаясь, обратился ко мнѣ: „я вѣрю, что вы все знаете, что дѣлается въ губерніи; но въ настоящемъ случаѣ, прямо относящемся только къ моему вѣдѣнію, позвольте васъ увѣрить, что не только не предвидится голода, но губернія снабжена продовольствіемъ съ излишкомъ на годъ. Мои свѣдѣнія основательнѣе вашихъ, и, пожалуйста, не безпокойте изъ пустяковъ министра и не поднимайте тревоги!“ Когда настало бѣдствіе, Жерве рѣшился скрыть его отъ правительства. Но толпа голодающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разсѣявшихся за подаяніемъ далеко за предѣлы губерніи, достигла наконецъ Петербурга и явилась передъ Зимнимъ Дворцомъ. Это было уже весною 1869 г. Поднялась тревога. Ассигновано было пособіе. На Волгѣ закупили партію хлѣба. Открыли работы на шоссе во владиславскомъ уѣздѣ, чтобы не даромъ выдавать пособіе, и платили хлѣбомъ. Тутъ тоже явилась масса злоупотребленій, вызвавшихъ слѣдствіе изъ Петербурга. Помощь оказалась поздней. Не знаю ужъ, чѣмъ и какъ оправдывался Жерве.

Послѣ этого отступленія опять возвращаюсь къ палацу Паца въ Довспудѣ. Объ этомъ палацѣ сложили въ свое время пословицу: Palac wart Paca, a Pac palaca. Вблизи онъ—развалина, но изъ дали, которая скрываетъ разрушеніе, это—архитектурная игрушка; это—изящество. Мнѣ не случалось нигдѣ видѣть башенъ такой тонкой воздушной работы, такихъ изящныхъ, такъ художественно размѣщенныхъ. Сувалки очень небольшой городъ. Съ какой стороны ни въѣзжаешь въ него, по дорогѣ нигдѣ нѣтъ ни загородныхъ дачъ, ни ресторановъ, ничего, кромѣ хлѣбныхъ полей. Въ городѣ собственно одна порядочная улица, тянущаяся по петербургскому шоссе отъ Кальварійской аставы до Августовской на протяженіи 3-хъ верстъ. По дорогѣ въ

Сейны—торговая площадь. Между костеломъ и православной церковью старый публичный садъ, разведенный еще пруссаками. Между костеломъ и садомъ—небольшая площадь со статуей, поставленной въ началѣ революціи. По однимъ—это статуя Матери Божьей (Krolowej Polski), по другимъ—статуя, изображающая Польшу, движеніемъ руки впередъ направляющая сыновъ своихъ на Москалей. Кажется, послѣднее вѣрнѣе. По крайней мѣрѣ, долго послѣ усмиренія мятежа по ночамъ статуя эта продолжала украшаться свѣжими и искусственными вѣнками. Между церковью и мужескою гимназіею тоже небольшая площадь. Около статуи обыковненно помѣщались городскіе извощики, которыхъ въ Сувалкахъ очень много. Они зарабатываютъ, развозя жителей въ послѣобѣденное время на прогулки въ такъ называемую Швейцарію, гористую мѣстность, покрытую лѣсомъ, или въ Августовскій лѣсъ. Швейцарія въ 6 верстахъ отъ Сувалокъ по шоссе въ уѣздный городъ Кальварію, а Августовскій лѣсъ на 3-й верстѣ отъ города. За проѣздъ туда и обратно цѣна ничтожная. Въ экипажѣ коп. 50, въ одноконной дрожкѣ коп. 20. Если извощикъ долженъ ждать сѣдока въ лѣсу—платится 1 р. с.

Самое красивое въ городѣ зданіе—это мужская гимназія, имѣющая внутри чугунныя легкія лѣстницы. Она построена квадратомъ, внутри котораго небольшой цвѣтникъ. Въ нижнемъ этажѣ—классы; въ верхнемъ—квартира инспектора, его помощника, физическій кабинетъ и зала, гдѣ помѣщается библіотека. Торжественный залъ въ первомъ этажѣ. Этотъ залъ имѣетъ ходъ, и верхняя его часть отдѣлена каменною стѣною съ широкими дверьми-воротами. Въ этой части помѣщается гимназическая каплица, въ которой ежедневно передъ началомъ уроковъ капелланъ служилъ тихую мшу для учителей и учениковъ, помѣщавшихся въ залѣ. Ксендзъ каноникъ Двораковскій сразу возъимѣлъ намѣреніе внушить мнѣ, что онъ первое лицо въ заведеніи; что ему всѣ должны покоряться и оказывать ему особые знаки уваженія, что онъ покоряется только требованіямъ папы и Kościoła. Онъ старался внушить ученикамъ, что для него начальникъ дирекціи такъ мало значитъ, какъ и бывшій

директоръ, а теперь инспекторъ гимназіи. Въ инспекторской и на корридорахъ Двораковскій едва удостаивалъ меня легкимъ наклоненіемъ головы. Заложивъ руки за спину и гордо закинувъ назадъ голову, съ высокомѣрно-иронической улыбкой, шагалъ взадъ и впередъ, показывая всѣмъ, что ему нечего стѣсняться моимъ присутствіемъ, что я не его начальникъ. Я старался не замѣчать его выходокъ. Но когда я зашелъ къ нему въ классъ на урокъ З. Божія, и онъ позволилъ себѣ въ присутствіи класса оказать мнѣ неуваженіе, тогда терпѣнію моему положенъ былъ конецъ. При входѣ моемъ ученики встали; но каноникъ Двораковскій не только не поднялся съ мѣста; но даже не отвѣтилъ мнѣ на поклонъ и только посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто спрашивалъ: что этому господину здѣсь нужно? Я просидѣлъ на ученической скамьѣ цѣлый урокъ, пристально слѣдя за Двораковскимъ. Это его мало по малу начало стѣснять: голосъ у него дрогнулъ и движенія сдѣлались неровны. Особенно, когда я обращался съ вопросами къ ученикамъ и на него и его вмѣшательство въ отвѣты учениковъ не обращалъ вниманія. По окончаніи класса, я раскланялся съ учениками, но въ сторону каноника даже не посмотрѣлъ. Онъ выскочилъ изъ класса, взволнованный и красный, и видимо хотѣлъ со мною говорить; но я показалъ видъ, что этого не замѣчаю, и въ его присутствіи отдалъ приказъ инспектору: прислать ко мнѣ въ 2 часа въ Дирекцію каноника Двораковскаго. Встрѣтивъ Двораковскаго при входѣ въ кабинетъ, я не пригласилъ его сѣсть и прямо потребовалъ отъ него объясненія въ его образѣ дѣйствій противъ меня. Онъ понесъ всякую чепуху и, оставаясь со мною безъ свидѣтелей, сталъ мнѣ кланяться до колѣнъ и просить извиненія. Я прямо ему объявилъ, что не потерплю его въ заведеніи, если замѣчу хоть малѣйшую выходку въ этомъ родѣ. Онъ, духовникъ и законоучитель, долженъ всѣмъ въ гимназіи собою подавать примѣръ покорности и уваженія къ властямъ. На него, какъ на духовника и руководителя учениковъ, я возлагаю съ нынѣшняго дня отвѣтственность за нравственное и политическое поведеніе всѣхъ учащихся. Онъ страшно струсилъ и клялся, что употребитъ всѣ

усилія, чтобы я былъ имъ вполнѣ доволенъ. Тогда только я подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть. И тогда спокойнымъ тономъ заявилъ ему, что съ будущей недѣли онъ прекратитъ утреннія тихія мши въ гимназическомъ залѣ, такъ какъ гимназія заведеніе свѣтское, а не духовное, и для учащихся достаточно посѣщенія костела въ воскресные и праздничные дни. Двораковскій возразилъ, что для этого ему нужно испросить разрѣшеніе епископа. Предупреждаю васъ, сказалъ я, что впредь я не позволю епископу вмѣшиваться въ дѣло подчиненнаго мнѣ заведенія, и требую отъ васъ точнаго исполненія однихъ моихъ приказаній. О прекращеніи такихъ ежедневныхъ мшей я отдалъ письменное приказаніе инспектору. Въ это время я успѣлъ уже собрать достаточно свѣдѣній, какую роль играли эти мши въ періодъ приготовленія къ возстанію и во время возстанія. Въ большомъ костелѣ не всегда было безопасно, въ присутствіи полиціи и жандармовъ, говорить зажигательныя проповѣди, публиковать прокламаціи, пѣть самые ярые политическіе гимны. Все это имѣло мѣсто въ гимназическомъ залѣ на тихой мшѣ, на разсвѣтѣ, куда не проникала полиція и жандармы и куда задолго до разсвѣта по одиночкѣ, заднимъ ходомъ, прошмыгивали пани и паненки со всего города и тѣмъ же порядкомъ, по одиночкѣ, по окончаніи мши исчезали. На тихой мшѣ, такимъ образомъ, присутствовали только ученики, учителя, пани и паненки. Вслѣдствіе этихъ мшей множество учащейся молодежи оказалось въ бандахъ. Зная, что послѣ отданнаго мной приказанія, всполошится вся женская интеллигенція города и что на слѣдующій день громы и молніи посыплются съ каѳедры изъ устъ Двораковскаго на меня и на правительство, я до разсвѣта былъ уже въ публичномъ саду и наблюдалъ, какъ пани и паненки слетались въ гимназію. Сообразивъ, что мша уже должна оканчиваться и начнется проповѣдь, я и себѣ шмыгнулъ заднимъ ходомъ въ гимназическій залъ и помѣстился въ уголку, при входѣ подъ хорами. Мша дѣйствительно уже окончилась, и Двораковскій взбирался на каѳедру. Пытливыми глазами онъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ и остановился на мнѣ. Онъ, кажется, сразу не узналъ меня. Сталъ всматриваться и мгно-

венно побагровѣлъ. Затѣмъ, окинулъ еще разъ присутствующихъ глазами, перекрестилъ всѣхъ, и сошелъ съ каѳедры. Тутъ только обезпокоенная публика стала оглядываться, замѣтила мое присутствіе, и поняла причину смущенія каноника Дворакoвскаго, и почему онъ не сталъ говорить проповѣдь. Я сдѣлалъ сильный выговоръ съ угрозой инспектору за допущеніе въ гимназію женщинъ и прямо объявилъ ему, что теперь конецъ всякимъ манифестаціямъ въ учебномъ заведеніи; что здѣсь нужно учить, воспитывать и учиться, а не заниматься политикой; что на немъ и на каноникѣ первыхъ взыщется. И вотъ мши прекратились въ гимназіи. Совѣтники передали Жерве всю эту исторію, и онъ страшно на меня бѣсился, что я позволилъ себѣ рѣшить самъ, не посовѣтовавшись съ нимъ, дѣло столь важное, могущее опять возбудить безпорядки. Ганецкій и Бѣлановскій были въ восторгѣ отъ принятой мною мѣры.

Потребовавши отъ инспектора росписанія уроковъ и разсматривая его, я замѣтилъ, что въ немъ послѣднее мѣсто отведено русскому языку и русской словесности. Ничтожное значеніе русскаго языка болѣе всего подтверждалось тѣмъ, что по росписанію уровень успѣховъ 3-го класса равнялся уровню 7-го класса; 2-го класса—6-му классу; 1-го класса—V классу и 4-го класса V классу, такъ какъ 3-й классъ сводился съ 7-мъ, 2-й съ 6-мъ, 1-й и 4-й съ V-мъ на уроки Русскаго языка. Русскій языкъ и словесность читалъ старикъ полякъ Лопаревичъ, нѣкогда кончившій московскій университетъ, совсѣмъ забывшій уже говорить и объясняться по-русски. И что это было за чтеніе! Читались на русскомъ языкѣ одни примѣры и отрывки изъ писателей, а правила и объясненія происходили на языкѣ польскомъ. Ученики VII класса съ трудомъ читали русскую книгу, безъ пониманія текста. Русская исторія кратко излагалась въ связи съ обширно излагаемой польской исторіей, и, разумѣется, читалась на языкѣ польскомъ. Читалъ ее отчасти Лопаревичъ, а отчасти Гонсёровскій, молодой человѣкъ, кандидатъ кіевскаго университета, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ и очень способный. Читалъ ее и третій еще учитель коллежскій совѣтникъ, старичекъ Войновичъ, когда то кончившій русскій университетъ,

но уже забывшій русскій языкъ. Онъ же читалъ и польскій языкъ. Польскій языкъ читалъ еще и помощникъ инспектора Мисёнчевичъ, лѣтъ сорока, воспитывавшійся въ Царствѣ Польскомъ. Мисёнчевичъ обремененъ былъ многочисленнымъ семействомъ и, не смотря на ярый патріотизмъ и религіозный фанатизмъ, сдерживалъ себя, сколько могъ. Мисёнчевичъ еще читалъ и латинскій языкъ. Докторъ философіи и филологіи, прусскій подданный, Робскій читалъ языки латинскій и греческій. Онъ по контракту приглашенъ былъ изъ Познани маркизомъ Велипольскимъ. Робскій ни слова не понималъ по-русски: математику читалъ старикъ Гурскій, Войновичъ и Мисёнчевичъ. Естественныя науки читалъ молодой человѣкъ, воспитанникъ Варшавской главной школы, лекарь Радкевичъ, человѣкъ способный, но не знавшій русскаго языка. Нѣмецкій языкъ читалъ старичекъ полякъ Герстъ. Рисованіе и чистописаніе преподавалъ Груницкій, совсѣмъ непонимавшій по-русски. Ученики преуспѣвали только въ трехъ предметахъ, которые были на первомъ планѣ: З. Божій, польскій языкъ и словесность и латинскій языкъ.

Впрочемъ, за политикой и повстаньемъ ни учителямъ, ни ученикамъ некогда было заниматься прямымъ своимъ дѣломъ, и потому успѣхи и въ этихъ предметахъ были посредственны. Математика кое-какъ хромала. Прочіе предметы шли слабо. Русскій же языкъ почти не преподавался, и имѣлъ мѣсто въ программѣ и свои часы для отвода глазъ, для *decorum*. Географія объяснялась при исторіи. Географія Польши объяснялась въ предѣлахъ 1792 года. Въ высшихъ классахъ засѣдали ученики съ разсѣченными ладонями, такъ что собственно ладони не имѣлось, а только до самой голени ручной длиннѣйшіе пальцы, въ видѣ когтей. Эти ученики закрывали въ сраженіи голову руками, и козаки шашками разщемили имъ ладони. Такихъ учениковъ было три. Были на костыляхъ, съ перевязанными руками, съ разсѣченными лбами и съ повязкой на глазу. Ихъ наказали и возвратили въ учебныя заведенія для продолженія курса. Это были страшно озлобленные люди, готовые вспыхнуть, какъ порохъ, и занимали въ классѣ привиллегированное положеніе и въ глазахъ учителей, и въ глазахъ товарищей. Они

даже на урокахъ проводили время въ разсказахъ товарищамъ о своихъ лѣсныхъ подвигахъ. Гимназическое начальство нѣкоторымъ изъ нихъ поспѣшило ввѣрить репетиторства и надзоръ (dozorca) въ ученическихъ квартирахъ. Содержали ученическія квартиры вдовы и жены повстанцевъ, погибшихъ въ стычкахъ, бѣжавшихъ за границу или сосланныхъ въ Сибирь и каторжныя работы. При томъ тѣмъ содержательницамъ давалось преимущество, которыя во время манифестацій лично заявили свой патріотизмъ и которыя были на особенно хорошемъ счету у католическаго духовенства. Тѣми же правилами руководилось гимназическое начальство при выдачѣ свидѣтельствъ на право быть боннами и гувернантками. Лышковскій съ учителями въ высокоторжественные дни поздравляли начальника отдѣла Ганецкаго, кланялись, увѣряли въ своемъ вѣрноподданничествѣ и благонадежности заведенія, которое содержится на средства правительства. Ганецкому некогда было вникать въ состояніе гимназіи, и приходилось, хотя и съ сомнѣніемъ, полагаться на увѣренія директора. Но Жерве вѣрилъ всему, въ чемъ его увѣряли, и постоянно стремился быть патрономъ изображеннаго мною состоянія гимназіи. До моего пріѣзда онъ въ добавокъ ко всему разрѣшилъ учителямъ чтеніе публичныхъ лекцій изъ польской исторіи и литературы въ гимназическомъ залѣ.

Въ гимназіи было два или три человѣка православнаго исповѣданія. Имъ преподавалъ мѣстный протоіерей Илья Ржепецкій изъ уніатовъ, человѣкъ старый и вѣчно пьяный. Онъ съ православными на урокѣ объяснялся по польски. Этимъ языкомъ онъ лучше владѣлъ, чѣмъ русскимъ. Онъ терпѣть не могъ русскихъ. Поляки въ городѣ, учителя и ученики поляки считали его вполнѣ своимъ природнымъ полякомъ и единомышленникомъ. Ученикамъ евангелическаго исповѣданія преподавалъ мѣстный пасторъ, и въ силу состоявшагося при Велипольскомъ распоряженія преподавалъ на польскомъ языкѣ.

Въ Сувалкахъ существовалъ четырехъ-классный частный женскій пансіонъ Ж—ой. До посѣщенія его, я успѣлъ разузнать, что, въ началѣ революціи и въ теченіе ея, пансіонъ этотъ составлялъ душу всѣхъ публичныхъ манифестацій. Въ немъ приго-

товляли корпію, знамена, конфедератки, бинты, и все это отправлялось въ лѣсъ, въ банды. Ж—ая писала и издавала книги дѣтскія и для народа. Въ послѣднихъ она старалась увѣрить польскихъ мужиковъ, что панъ и плебанъ (настоятель костела) ихъ единственные отцы и доброжелатели. Имъ однимъ мужикъ долженъ вѣрить и слѣдовать слѣпо ихъ совѣтамъ и указаніямъ. Паны и ксендзы пекутся не только о благосостояніи мужиковъ (kmiotków); но о благѣ и будущности всего отечества (Ojczyzny).

Ж—ая—дѣвица лѣтъ 35, брюнетка, съ черными усиками, низкаго роста. Пансіонерки оказались въ грязно-кроваваго цвѣта мундирахъ, имѣли пояса съ пряжками, на которыхъ изображены были якорь и сломанный крестъ. Въ ушахъ серьги изъ лавы тоже въ видѣ якорей и сломанныхъ крестовъ. У взрослыхъ дѣвицъ на пальцахъ по черному желѣзному кольцу. Происхожденіе сломаннаго креста относится къ варшавскимъ манифестаціямъ. Толпою женщинъ предводительствовалъ какой-то рослый дѣтина. Патрули не пропускали толпу, накинулись на крестоносца и будто вырвали у него изъ рукъ крестъ и сломали. Въ книгахъ и тетрадяхъ у дѣвицъ вмѣсто закладокъ употреблялись фотографическія карточки Костюшки, тонущаго генерала Понятовскаго, Пустовойтовой и множества другихъ польскихъ дѣятелей, стремившихся освободить Польшу. Были карточки и Канарскаго и девяти первыхъ убитыхъ поляковъ на улицахъ Варшавы, а также карточки, изображавшія ихъ въ гробу, торжественные ихъ похороны и т. д. На стѣнахъ пансіона висѣли карты Польши и Европы. На этихъ картахъ Польша раскидывала свои предѣлы отъ Пскова, Чернигова до Карпатовъ, и отъ Балтійскаго и Нѣмецкаго до Чернаго моря. Преподавали въ пансіонѣ Ж—ой: польскій языкъ, французскій языкъ, польскую исторію и географію, законъ Божій, немножко ариѳметики, польскую и французскую литературу; русскій языкъ не преподавался. Я предложилъ Ж—ой сдѣлать его главнымъ предметомъ преподаванія и представить мнѣ для разсмотрѣнія руководства или записки, по которымъ въ ея пансіонѣ происходило преподаваніе. Она извинилась, что этого

сдѣлать не въ состояніи, такъ какъ все преподаваніе производится изъ памяти, что некому у ней преподавать русскій языкъ; что родители этого не желаютъ, и что русскій языкъ дѣвицамъ вовсе не нуженъ. Въ заключеніе она просила позволить ей содержать пансіонъ только до Пасхи. Она возвратитъ родителямъ дѣвицъ; нѣкоторыя изъ нихъ издалека; затѣмъ закроетъ пансіонъ и уѣдетъ въ Варшаву. Ж--ая пользовалась большимъ уваженіемъ не только въ Сувалкахъ, но и у всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Епископъ графъ Лубенскій, пріѣзжая въ Сувалки, посѣщалъ Ж—ую и ея пансіонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Открытіе въ Кіевѣ Управы благочинія и первыя проявленія ея дѣятельности (1786).

Управа благочинія учреждена была въ Кіевѣ только черезъ четыре года послѣ открытія въ немъ Намѣстничества. Открытіе присутственныхъ мѣстъ, установленныхъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ“, повсюду сопровождалось довольно торжественными церемоніями; не обошлось безъ нихъ и въ Кіевѣ, куда открытіе Намѣстничества привлекло массу новыхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ лѣвобережныхъ малороссіянъ, пристроившихся къ государственной службѣ въ новыхъ присутственныхъ мѣстахъ частію по выборамъ, частію по назначенію.

Съ учрежденіемъ въ Кіевѣ Управы благочинія объединялась, такъ сказать, полицейская дѣятельность въ городѣ, до сихъ поръ представлявшемъ какъ бы три города съ особою полиціею въ каждомъ. Въ полицейскомъ отношеніи перестали существовать *мѣстечко* Печерское, Старо-Кіевская *крѣпость*, нижній *городъ* Подолъ: они стали *частями* одного города.

Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи разнаго рода *уставы* формулировали свои положенія довольно общими выраженіями и не безъ краснорѣчія. Полицейскій уставъ, которымъ должны были руководствоваться въ своей дѣятельности Управы благочинія, отличался тѣми же качествами.

Можно думать, что читавшіе въ свое время этотъ уставъ представляли себѣ въ Управѣ благочинія совсѣмъ не то, чѣмъ явилось это учрежденіе въ дѣйствительности. Немудрено, что и открытіе его обставлено было особенною торжественностію, какъ

свидѣтельствуетъ объ этомъ найденный мною нижеслѣдующій документъ:

„Обрядъ на открытіе Управы благочинія (данъ 16-го іюля 1786 г.)

1. Сего іюля 18 д. городничій кіевскій съ трубами и литаврами огласитъ во всѣхъ четырехъ частяхъ города Кіева объ открытіи Управы благочинія.

2. А 19-го числа въ 10 ч. по пол. всѣ гг. присутствующіе здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, а поранѣе того г. предводитель уѣздный съ наличнымъ дворянствомъ и городской голова съ почетнѣйшимъ купечествомъ, мѣщанствомъ и цеховыми, тамъ же съ г. кіев. оберъ-комендантомъ городничій и прочіе чины, опредѣленные къ служенію Управы благочинія, должны собраться въ залъ, при городовомъ магистратѣ имѣющійся, куда и правитель намѣстничества ген. пор. и кав. прибыть имѣетъ. Но что касается до цеховыхъ, сіи, какъ и само по себѣ разумѣется, должны разставлены быть на площади въ такомъ порядкѣ, какъ они употребляются обыкновено къ бываемой на Подолѣ въ извѣстное въ году время церемоніи, т. е. чтобъ были при каждомъ цехѣ знаки, также и городскія пушки, а разставить оныхъ цеховыхъ отъ магистрата до соборной тамъ же на Подолѣ Успенской церкви, а оттоль до каморъ, гдѣ Управа засѣданіе имѣть будетъ, по обѣимъ сторонамъ улицы въ шеренгу, а если всѣ они помѣститься тамъ не могутъ, то разставить ихъ и далѣе отъ каморъ Управы по улицѣ, пушкамъ же быть на площади близъ оной церкви.

3. По прибытіи правителя въ означенное мѣсто и по объявленіи причины собранія шествуютъ въ оную соборную Успенскую церковь такимъ порядкомъ, какъ высоч. учрежденій въ 432 и Устава благочинія въ 75 статьяхъ сказано, какъ то: 1-е) намѣстническое правленіе, 2-е) казенная палата, 3) палата уголовнаго суда, 4) палата гражданскаго суда, 5) г. губернскій прокуроръ съ губернскими-жъ стряпчими, 6) совѣстный судъ. 7) уѣздный стряпчій 8) нижній земскій судъ, 9) верхняя расправа, 10) оной же расправы прокуроръ съ стряпчими, 11) городовый магистратъ, всѣ ратманы впереди, а за ними бургоми-

стры, 12) опредѣленные въ Управу къ разнымъ должностямъ чины и члены оной, т. е. впереди градскіе сержанты по два въ рядъ, за ними квартальные поручики, послѣ ихъ квартальные надзиратели, за сими частные приставы тоже по два врядъ, за послѣдними же члены Управы благочинія, какъ то впереди жъ два пристава уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ рядомъ, за ними городничій, а потомъ г. оберъ-комендантъ, 13) губернскій магистратъ, 14) оного магистрата прокуроръ съ стряпчими, 15) уѣздный казначей и землемѣръ, 16) уѣздный судъ, 17) верхній земскій судъ, 18) верх. зем. суда г. прокуроръ съ стряпчими, 19) уѣздный дворянства предводитель съ наличнымъ дворянствомъ, 20) градской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ.

4-е. По совершеніи божественной литургіи будетъ чтено губернскимъ стряпчимъ объ открытіи управы благочинія всевысоч. Е. И. В. повелѣніе, потомъ принесено будетъ Подателю всѣхъ благъ за высочайшее здравіе молебствіе, а засимъ всѣ опредѣленные къ служенію управы чины приведутся къ присягѣ; по окончаніи же всего оного духовенство шествуетъ изъ церкви для освященія каморъ, гдѣ управа засѣданіе имѣть будетъ,

5-е. по прибытіи куда и по отправленіи обряда освященія, Правитель намѣстничества прикажетъ уѣздному стряпчему читать приличныя на сей случай статьи изъ Устава благочинія, а потомъ присутствующихъ Управы благочинія вводитъ въ засѣданіе и въ тожъ самое подпишутъ протоколъ объ открытіи оной Управы.

6-е. При возглашеніи многолѣтія и при совершеніи освященія при открытіи Управы изъ городскихъ пушекъ произвесть пальбу въ первой разъ, т. е. при церкви учинить тридцать одинъ, а при совершеніи въ каморахъ Управы освященія и другого обряда двадцать одинъ выстрѣлъ.

7-е. А дабы въ одно время и частные приставы вступили въ ихъ должности, то правитель намѣстничества, отрядивъ гг. совѣтниковъ по его разсмотрѣнію, повелитъ имъ сихъ приставовъ ввести въ ихъ часть, а квартальныхъ надзирателей въ кварталы, но въ сіе [illegible] одновремя откроются и словесные въ частяхъ суды.

8. При каморахъ Управы благочинія и въ частяхъ учредить караулы изъ опредѣленныхъ въ Управу воинскихъ служителей".

Открытая по приведенному обряду Управа ретиво принялась за свою дѣятельность: уже въ началѣ пятаго мѣсяца своего существованія она выпустила *болѣе трехъ тысячъ* исходящихъ бумагъ... Мнѣ встрѣтилась одна бумага отъ 2-го декабря за № 3073-мъ... Къ сожалѣнію, имѣвшіеся у меня журналы Управы благочинія относятся къ очень небольшому періоду времени, но и за это время въ дѣятельности ея можно было отмѣтить нѣсколько любопытныхъ курьезовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ *широко* понимали свою задачу первые дѣятели этого учрежденія. Къ сожалѣнію, и полнаго личнаго состава его мнѣ не удалось узнать. Во главѣ его стоялъ городничій Дмитрій *Кругловъ*, затѣмъ членами были: приставъ гражданскихъ дѣлъ Степанъ *Лушаевъ*, приставъ уголовныхъ дѣлъ Прохоръ *Рудневъ* [1]), ратманы Михаилъ *Григоренко* и Павелъ *Лобко*. Должность столоначальника исполнялъ квартальный надзиратель артиллеріи подпоручикъ Василій *Андреевъ*, экспедитора—прапорщикъ Лукьянъ *Савицкій*. Приставомъ 3-й части состоялъ Степ. Петровичъ *Звѣревъ* [2]).

Встрѣчая въ практическомъ примѣненіи полицейскаго устава множества недоразумѣній, вопросовъ, Управа постоянно

---

[1]) Объ этомъ Рудневѣ встрѣтились мнѣ немногія свѣдѣнія изъ формулярнаго списка. Состоя въ военной службѣ, въ 1763 г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, въ 1780 г. въ чинѣ поручика опредѣленъ въ Васильковскую пограничную таможню екеромъ, въ 1784 г. смотрителемъ кіевскаго государева дворца и сада, а въ іюлѣ 1786 г.—гр. Румянцевымъ назначенъ въ Управу благочинія приставомъ уголовныхъ дѣлъ. Въ 1788 году онъ былъ назначенъ губернскимъ казначеемъ и въ этой должности въ 1792 г. произведенъ въ надворные совѣтники.

[2]) Звѣревъ началъ службу въ 1746 г. въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго истопника и продолжалъ эту придворную службу болѣе 20 лѣтъ, проходя должности лакея, камеръ-лакея, мунтшенка, нока, наконецъ, не былъ опредѣленъ смотрителемъ въ Торецкую таможенную заставу, откуда переходилъ въ заставы Переяславскую, Стойновскую, Германовскую, а въ 1786 г. въ чинѣ коллежскаго ассесора назначенъ былъ въ Кіевъ приставомъ 3-й части. Въ 1790 году онъ былъ назначенъ „больничнаго и оспеннаго домовъ главнымъ надзирателемъ, а затѣмъ въ томъ же году приставомъ гражданскихъ дѣлъ въ Управу благочинія.

обращалась за ихъ разрѣшеніемъ въ Намѣстническое Правленіе, а это послѣднее, будучи дѣйствительно обременено массою дѣлъ, съ неудовольствіемъ давало свои отвѣты, далеко не удовлетворявшіе ретивую Управу. Оказалось, что для исполненія прямыхъ своихъ обязанностей управа обладаетъ крайне ничтожными средствами, и всю свою энергію ей приходилось затрачивать на чисто канцелярскую работу.

Обязанная „прилагать неусыпное стараніе и попеченіе“ объ исправномъ состояніи дорогъ, улицъ, мостовъ, Управа обращалась и въ Намѣстническое Правленіе и къ губернатору Ширкову съ вопросами: гдѣ же ей взять матеріаловъ и рабочихъ людей для необходимыхъ исправленій, но въ отвѣтъ получала лишъ предписаніе привести дороги въ порядокъ непремѣнно къ 1-му числу декабря“. Начались пререканія Управы съ нижнимъ земскимъ судомъ [1]), который на требованіе отъ него матеріаловъ и рабочихъ отвѣчалъ, что онъ до исправленія городскихъ дорогъ не касается, да и безъ приказа казенной палаты, въ вѣдомство которой поступили люди, до сихъ поръ исправлявшіе дороги, ничего сдѣлать не можетъ. Только лишь ожидаемый пріѣздъ Государыни Императрицы сократилъ дальнѣйшія пререканія, и Намѣстническое Правленіе строжайше предписало земскому суду, чтобы онъ по сдѣланному совмѣстно съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства росписанію высылалъ и лѣсной матеріалъ, и рабочихъ людей, какъ помѣщичьихъ, такъ и бывшихъ монастырскихъ для исправленія дорогъ, „по требованію Управы благочинія“.

За какую бы сторону своей дѣятельности ни взялась Управа, вездѣ требовалось сношеніе съ другими учрежденіями, а сношенія эти въ большинствѣ случаевъ могли производиться только при посредствѣ и съ разрѣшенія Намѣстническаго Правленія, которому, такимъ образомъ, Управа доставляла массу хлопотъ, усложняя канцелярскую переписку. Какъ видно,

[1]) Пререканія между этими двумя учрежденіями представляли, надо думать, явленіе хроническое, такъ какъ дѣятельность ихъ была однородна. Любопытное столкновеніе ихъ представлено въ VIII л. 1-го выпуска моихъ „Ист. мат. изъ архива Кіев.Губ. Пр.“ о скотскомъ падежѣ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ 1890 году.

само Намѣстническое Правленіе нерѣдко затруднялось разрѣшить по существу возбуждаемый Управою вопросъ, а потому давало отвѣты уклончивые, изъ которыхъ можно лишь видѣть недовольство самымъ возбужденіемъ вопросовъ. Такъ, въ Августѣ мѣсяцѣ Управа просила дать ей разъясненіе по весьма существенному вопросу о взысканіи пеней, денежныхъ штрафовъ за нарушеніе требованій полиціи; но Намѣстническое Правленіе ограничилось замѣчаніемъ, что де изъ доношенія Управы не видно, обращалась ли она по этому вопросу къ стряпчему, заключеніе котораго требуется „въ случаѣ сомнѣнія“. А между тѣмъ дѣло шло не о какихъ либо отдѣльныхъ случаяхъ, требовалось установить руководящія начала, которыхъ въ уставѣ не находили ни члены Управы, ни стряпчій?

Поручила было Управа частнымъ приставамъ „измѣрить чрезъ квартальныхъ надзирателей квадратныя сажени каждаго строенія, дома, двора, сада и пустого мѣста для внесенія въ маклерскія книги“; но пристава донесли, что де квартальные надзиратели, „не знавъ геометрической науки, имѣютъ въ томъ затрудненіе“. Управа проситъ, чтобы Намѣстническое Правленіе предписало уѣздному землемѣру „учинить по своей наукѣ обмѣръ“. Предписывать было легко, но приводитъ въ исполненіе многія предписанія было невозможно за неимѣніемъ необходимыхъ къ тому средствъ.

Нельзя не удивляться тому разнообразію вопросовъ, какое встрѣчается въ перепискѣ Управы: очевидно, что она сама не знала предѣловъ своего вѣдомства, и потому первые шаги ея дѣятельности не могли обойтись безъ курьезовъ.

Слѣдя за строгимъ исполненіемъ „Высочайшаго о городахъ положенія“, установившаго, между прочимъ, для каждаго „званія“ людей и особую упряжку лошадей при ѣздѣ по городу, Управа особыми объявленіями подтвердила кіевлянамъ, чтобы „купцы и мѣщане по городу въ коляскахъ и парами не ѣздили“. Между тѣмъ уѣздный стряпчій Бѣлякъ въ присутствіи Управы 26-го августа заявилъ, что де купцы 3-й гильдіи и мѣщане, не смотря на запрещеніе, ѣздятъ по городу парою.

Донося объ этомъ заявленіи стряпчаго, Управа писала, что де стряпчій „главную по сей матеріи цѣль ведетъ на находящихся изъ купцовъ и мѣщанъ засѣдателями въ Совѣстномъ Судѣ и Губернскомъ Магистратѣ, равно на городовыхъ бургомистровъ, ратмановъ и словесныхъ судей“, но всѣ эти лица, какъ считающіяся въ классныхъ должностяхъ, по мнѣнію Управы, „въ разсужденіи употребленія экипажей, покуль въ должности пребываютъ, должны пользоваться преимуществомъ, присвоеннымъ оберъ-офицерамъ“.

Намѣстническое Правленіе согласилось съ мнѣніемъ Управы, подтвердивъ ей о строгомъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы всѣ другіе купцы и мѣщане, не состоящіе въ должностяхъ, наблюдали въ точности городовое положеніе „въ разсужденіи экипажей“.

Курьезнѣе всего въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ Управы оказался слѣдующій фактъ, указывающій на то, какъ „распространительно“ она понимала свои обязанности и какъ искренно вѣрила въ возможность своими канцелярскими мѣропріятіями повсюду установлять благочиніе.

Руководствуясь ст. 59 и 196—198 полицейскаго устава, Управа учинила опредѣленіе, „дабы всякъ, будучи въ церкви Божіей, стоялъ съ благоговѣніемъ, не чиня противнаго предписаннымъ въ Уставѣ правиламъ“, и распубликовала это объявленіе во всѣхъ частяхъ города, а затѣмъ препроводила такое же объявленіе и митрополиту Самуилу съ требованіемъ, чтобы „оную копію въ церквахъ и монастыряхъ, въ городѣ и предмѣстіяхъ состоящихъ, въ воскресные и праздничные дни по нѣсколько разъ прочитать со внушеніемъ, дабы всякъ, вѣдая о семъ, стоялъ въ церкви Божіей со благоговѣніемъ“.

Духовная Дикастерія, увѣдомляя Намѣстническое правленіе о такомъ вторженіи Управы въ неподлежащую ей область, писала, что де „къ прочтенію присланнаго отъ оной Управы объявленія въ церквахъ приходскихъ и монастыряхъ безъ вѣдома и особливаго указа изъ Св. Синода приступить не можно, о чемъ Св. Синоду и представлено на благоразсмотрѣніе“.

При этомъ Дикастерія, находя, что Управа не имѣла права обращаться непосредственно къ высшему духовному начальству,

просила предписать ей, чтобы впредь она въ случаѣ надобности представляла бы о томъ Намѣстническому правленію.

Намѣстническое правленіе, „не инако какъ съ удивленіемъ“ усмотрѣвъ въ поступкѣ Управы прямое нарушеніе 52-й статьи устава, указывающей порядокъ обнародованія всякаго рода объявленій, опредѣлило: „сверхъ прежнихъ о томъ сего правленія предписаній, и еще во оную Управу благочинія послать указъ, чтобы она изъ предѣловъ своей должности отнюдь не выходила и тѣмъ бы не наносила излишнихъ переписокъ и затрудненій, а исполняла бы оную по словамъ статей, въ уставѣ благочинія напечатанныхъ“.

Но Управа не успокоилась на этомъ и, очевидно, не соглашаясь съ мнѣніемъ Намѣстническаго правленія, что обращеніе ея къ митрополиту было „учинено неподлежаще“, писала въ репортѣ своемъ отъ 7-го октября такъ: „по долгу, на Управѣ благочинія лежащему, въ силу того жъ устава 57-й статьи, *которою препоручено ей охранять миръ и тишину православныя святыя церкви*, считая она за пристойность, такъ какъ о предметѣ, касательномъ до св. церкви, обнародовать то объявленіе и во всѣхъ церквахъ, рѣшилась просить его преосвященство письменно о прочитаніи въ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ посланнаго къ нему по сему обстоятельству въ копіи объявленія для лучшаго внушенія народу, дабы всякъ въ церкви Божіей почтителенъ былъ,—не воображая, чтобъ его преосвященство могъ покорнѣйшимъ ея прошеніемъ оскорбиться и чтобъ изъ сего вышли слѣдствія противныя намѣренію“. И все таки, находя желательнымъ исполненіе такого своего намѣренія, Управа проситъ: „не соизволитъ ли Намѣстническое правленіе о приведеніи того въ исполненіе Духовной Дикастеріи сообщить“. Въ отвѣтъ на это былъ посланъ Управѣ новый указъ, въ которомъ сказано, что де, распубликовавши свое объявленіе узаконеннымъ порядкомъ, Управѣ „остается только смотрѣть чрезъ подчиненныхъ ея, чтобъ никто въ церквахъ не поступалъ въ противность запрещенію; а чтобъ публикаціи читать въ оныхъ, того правленіе не почитаетъ нужнымъ“.

А. А.

Остатки древняго Лукомльскаго городища въ м. Лукомьѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губ.

Область рѣки Сулы или, лучше сказать, правый нагорный берегъ этой рѣки, въ древнее, отдаленное отъ насъ вѣками время игралъ роль стратегической боевой линіи, защищавшей съ востока плодородныя и населенныя мѣстности Переяславльскаго княжества. Не смотря на то, что у насъ есть прямыя, правда немногочисленныя, указанія, удержанныя лѣтописью, что русское населеніе Переяславльскаго княжества существовало спорадическими группами далеко на востокъ отъ р. Сулы,—по рр. Хоролу, Ворсклѣ и другимъ, но сплошное, постоянное, коренное русское населеніе могло прочно утвердиться только къ западу отъ р. Сулы, да и то не вездѣ густо, какъ въ другихъ мѣстахъ. Не всегда спокойно жило это населеніе, такъ какъ многочисленныя азіатскія кочевыя племена опустошительными потоками врывались въ предѣлы южно-русскихъ земель и не давали тамъ возможности русскому населенію прочно осѣсться и завести здѣсь правильное хозяйство. Жители Посулія были въ вѣчномъ ожиданіи набѣговъ какихъ либо кочевыхъ народовъ съ востока, въ вѣчномъ страхѣ подвергнуться опустошительному грабежу, пожарамъ, неволѣ. Надо было постоянно заботиться о томъ, чтобы какъ можно лучше, какъ можно сильнѣе укрѣпить посульскую боевую линію, которая своими болотами, своею рѣкою, наконецъ, своими лѣсами въ бассейнѣ р. Сулы, была и безъ того уже весьма значительной преградой стремительнымъ, быстрымъ набѣгамъ степняковъ. Но предпріимчивые, хищные кочевники, благодаря часто совершаемымъ набѣгамъ на землю

Переяславльскаго княжества, знакомились все болѣе и болѣе съ мѣстностью многострадальной юго-восточной окраины Руси и, узнавъ слабые пункты ея, врывались опустошительнымъ потокомъ въ Переяславльскія земли, предавая страшному грабежу и опустошенію все попадавшееся имъ на пути [1]). Въ 1185 г. половцы взяли всѣ города по р. Сулѣ: „Половци по Рси и по Сули грады подѣлиша“ [2]). Переданное лѣтописью событіе не было, конечно, единичнымъ фактомъ. Безъ сомнѣнія набѣги были весьма частымъ, заурядным явленіемъ въ то время.

Не всегда являлась возможность удержать натискъ враговъ, которые часто прорывались черезъ защищаемую границу и шли дальше, въ глубь страны. Съ теченіемъ времени, для задержанія прорывавшихся черезъ боевую линію враговъ, необходимо было устроить другую оборонительную линію, и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ предѣлахъ Переяславльскаго княжества, къ западу отъ р. Сулы, по теченію р. Супоя, является рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, способныхъ, хотя на время, задержать потокъ враговъ: это вторая боевая линія. Понятное дѣло, что второй рядъ укрѣпленій былъ значительно слабѣе перваго и не могъ служить такой прочной защитой, какъ посульская линія. Первая стратегическая линія, расположенная по правому берегу р. Сулы, дѣйствительно, по своему естественному положенію, была какъ нельзя лучше, годна для оборонительной цѣли: почти весь правый берегъ р. Сулы, начиная отъ верховья этой рѣки и кончая ея устьемъ, впадающимъ въ

---

[1]) „Томъ же лѣтѣ (1107) приде Бонякъ и Шарукань старый и инии князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну и въ 6 часъ дне бродишася черезъ Сулу и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша хватающи кони; а друзии пѣши побѣгоша, наши же почаша, женущи я, а другыѣ руками имати, и гнаша поли до Хорола. Убиша же Тааза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ, едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всвояси съ побѣдою великою“. *Сводная Лѣтопись*, выпускъ I, стр 212. *Ипат. лѣт.*, стр. 114, 115, 118, 122, 143, 150, 157, 160, 161, 188, 408, 437. *Никонов. лѣт.*, стр. 74, 80, *Воскрес. лѣт.*, ч. I, стр. 99.

[2]) Аристовъ, стр. 1267.

Днѣпръ, поднимается на значительную высоту (отъ 30 до 40 саж.), сравнительно съ лѣвымъ берегомъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ круто обрывается къ берегу р. Сулы, образуя изъ себя естественные, весьма пригодные пункты для укрѣпленій. Кромѣ того, на этомъ возвышенномъ берегу и по склонамъ его еще и до настоящаго времени уцѣлѣли значительные лѣса, бывшіе въ сравнительно недавнее время густыми и обширными, что служило немаловажнымъ препятствіемъ для кочевниковъ, избѣгавшихъ лѣсовъ, боявшихся ихъ, т. к. изъ лѣсу можно удобно и неожиданно сдѣлать нападеніе. На этихъ то возвышенныхъ берегахъ р. Сулы и расположенъ рядъ укрѣпленій, извѣстныхъ уже намъ со временъ глубокой древности; таковы: Ромны, Снятинъ (Кснятинъ), Лубны (Лубьно), Лукомье (Лукомль), Горошинъ, Буромка (Буромль), Жовнинъ (Желни) и проч. Всѣ они встрѣчаются въ XI и XII стл. [1]), но нѣтъ никакого сомнѣнія, что время ихъ возникновенія относится къ болѣе раннему, періоду; можно думать, что они возникли, какъ постоянные укрѣпленные пункты, еще со временъ Владиміра св., который, какъ извѣстно, ставъ единодержавнымъ княземъ Руси, позаботился прежде всего о построеніи городовъ, то есть, укрѣпленій, по теченію рѣкъ, чтобы обезопасить свой край отъ набѣговъ враговъ [2]). Всѣ эти городки или укрѣпленные пункты, по характеру выбираемой для укрѣпленій мѣстности, замѣчательно схожи между собою. Обыкновенно они помѣщаются на возвышенныхъ пунк-

---

[1]) Такъ, въ 1179 году страшный Кончакъ опустошалъ окрестности г. Переяславля. Въ это время возлѣ Триполья стоялъ князь Святославъ Всеволодовичъ. Узнавъ о нападеніи половцевъ и о томъ, что послѣдніе грабятъ уже вокругъ Переяславля, Святославъ быстро двинулся за Сулу и расположился *напротивъ Лукомльскаго городища*. Узнавъ объ этомъ. Половцы поспѣшно бѣжали. *Ипат. Лѣт.*, стр. 379, 387, 414 и 415. Ясно отсюда, что близъ Лукомья находилась обычная дорога половцевъ при нападеніи на Русь и при отступленіи изъ ея предѣловъ.

[2]) „Въ 988 г. приходиша множество Печенѣгъ и много зла сотвориша христіанамъ; Володимеръ же со множествомъ вой изыде противу ихъ, и многихъ изби, и мало отъ нихъ избѣжаша. И рече Володимеръ: „се не добро, еже мало городовъ около Киева“ и нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача нарубати мужѣ лучшіе отъ Словень, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ отъ сихъ насели грады: бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя ихъ (Сводн. Лѣт., вып. I, стр. 89).

тахъ, часто на выступахъ, мысахъ, такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, двѣ или три стороны крѣпости представляли собою крутые спуски, считавшіеся тѣмъ болѣе удобными, чѣмъ они были отвѣснѣе, круче и выше. Такой именно характеръ болѣе всего соотвѣтствовалъ системѣ древнихъ укрѣпленій: при незнакомствѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, взять такой укрѣпленный городокъ дѣйствительно было очень трудно, даже не смотря на малочисленность содержащагося въ крѣпости гарнизона. Единственный слабый пунктъ такого укрѣпленія—былъ входъ съ суши со стороны равнины; этотъ входъ обыкновенно защищался или двойнымъ рядомъ укрѣпленій, или же, охранялся болѣе обширной крѣпостью, только послѣ захвата которой можно было и думать о взятіи главнаго упрѣпленія, такъ сказать, кремля крѣпости. Соловьевъ въ 3 т. Исторіи Россіи о внѣшнемъ видѣ русскихъ городовъ говоритъ слѣдующее: что касается до внѣшняго вида Русскаго города, въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую главную существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; впослѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами,—отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (днѣпшній) и городъ наружный (окольный, кромный); внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній—острога; поселенія, расположенныя около главнаго города, или дѣтинца, назывались предгородіемъ (Соловьевъ, т. 3 ст, 33). (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 86; II, стр. 70). Таковъ характеръ почти всѣхъ извѣстныхъ изъ исторіи древнихъ укрѣпленій, расположенныхъ на правомъ возвышенномъ берегу р. Сулы; таковы остатки древнихъ укрѣпленій г. Роменъ, Лубенъ, Лукомья и проч.

Находясь лѣтомъ 1892 г. вблизи м. Лукомья, упоминаемаго, какъ извѣстно, лѣтописью въ XII ст., я рѣшилъ побывать въ немъ и осмотрѣть уцѣлѣвшія тамъ достопримѣчательности. Нечего и говорить о важности этого пункта въ стратегическомъ отношеніи; это удобство положенія бросается само собою въ глаза при бѣгломъ взглядѣ на карту. Лукомльское укрѣпленіе или городокъ расположено почти на одинако-

вомъ разстояніи отъ устьевъ двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ р. Сулу,—Слѣпорода и Оржицы. Такое положеніе городка было чрезвычайно удобно, т. к. оно давало возможность населенію, въ случаѣ опасности, бѣжать подъ защиту городка и тамъ спасаться отъ враговъ, которые обыкновенно любили двигаться между двухъ населенныхъ линій, тянущихся по рѣкамъ, гдѣ можно было набрать вдоволь и людей, и всякой другой добычи. Лукомльское городище служило немалымъ тормазомъ для враговъ: изъ этого пункта, или опираясь на него, можно было высылать вглубь степей, наперерѣзъ врагамъ, вооруженные отряды, или же—посылать погоню, если степняки прорывались гдѣ либо черезъ Сулу и опустошали правую сторону этой рѣки. Чтобы унять враговъ или же помѣшать имъ дальше грабить край, русскіе высылаютъ далеко впередъ въ степи, свои войска, и варвары бѣгутъ, оставляя даже награбленную добычу [1]). Такое удобное положеніе и обиліе естественныхъ условій защиты городка сдѣлало то, что на это мѣсто обращено было особенное вниманіе какъ со стороны князей, позаботившихся обставить его, какъ нельзя лучше, такъ и со стороны враговъ, старавшихся „снести Сулу“, серьезно мѣшавшую степнякамъ въ ихъ набѣгахъ на южную Русь. Плоды усилій, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, видны и понынѣ и даютъ возможность прослѣдить ихъ весьма ясно. Съ одной стороны, значительность укрѣпленій и ихъ замѣчательная прочность указываютъ на усилія защитниковъ Руси отстоять этотъ пунктъ за собою; обширность же ихъ и особенное устройство говорятъ о частыхъ нападеніяхъ враговъ и о характерѣ защиты отъ нихъ населенія. Съ запада Лукомльское укрѣпленіе примыкаетъ къ степи, открытой со всѣхъ сторонъ и изрѣдка перерѣзываемой степными балками. Одна изъ такихъ балокъ, довольно глубокихъ и значительныхъ по своему объему, пролегаетъ къ западу отъ Лукомля и, вѣроятно, въ древности служила немалой защитой отъ враговъ. Кромѣ того, подъѣзжая къ Лукомью, невольно приходится обратить вниманіе на рядъ кургановъ, довольно высокихъ и рас-

[1]) Ипат. Лѣтоп. стр. 379—415.

положенныхъ на недалекомъ разстояніи другъ возлѣ друга, и на значительный по длинѣ валъ и ровъ. Курганы эти, начинаясь отъ крутого берега р. Сулы, возлѣ самаго Лукомля, тянутся цѣпью въ степь, теряясь въ отдаленіи. На сколько можно было прослѣдить, они имѣютъ направленіе къ населеннымъ мѣстностямъ по р. Слѣпороду, и, вѣроятно, служили маяками, съ которыхъ давали знать окрестнымъ жителямъ о набѣгахъ непріятелей. По своей формѣ, курганы эти отличаются отъ обыкновенныхъ, встрѣчающихся въ степи кургановъ, тѣмъ, что внутри каждаго изъ нихъ находится выемка, котловина; они, однако, вовсе не походятъ на, такъ называемые, курганы-майданы, характерные своими крыльями, своимъ углубленіемъ, лежащимъ значительно ниже уровня окружающей поверхности и, наконецъ, своимъ объемомъ, далеко превосходящимъ выше названные курганы. Подобный по своему характеру рядъ укрѣпленій тянется и вдоль берега, идущаго на югъ отъ Лукомья, по направленію къ сс. Онушкамъ и Оржицѣ. Я поинтересовался разспросить старожиловъ объ этихъ курганахъ. Старый, сѣдовласый дѣдъ, на котораго указали мнѣ, какъ на знатока старины, разсказалъ намъ слѣдующее: „Про ти могылы, що у поли стоять, и одна з ныхъ Кайдашева звецця, батько и маты багато розсказувалы, а я самъ не знаю, не бачывъ. Казалы, що колысь на тихъ могилахъ, на кожній, козакъ ходывъ, биля бочки съ дегтемъ, и якъ тилько бачывъ, що ворогъ пидступа, то заразъ дававъ знать людямъ, запалювавъ бочку, а люде тикалы, хто якъ могъ; бросалы такъ у поли и печене, и варене, и ховалысь у городокъ“.

Что касается вала и рва, находящагося за версту отъ Лукомья, то они тянутся отъ обрыва берега р. Сулы до самаго провалья, огибающаго Лукомль съ юго-восточной стороны. Довольно характерна постройка самаго вала: по мѣрѣ приближенія къ провалью, онъ становится все выше и выше, но поддерживается весьма плохо и потому во многихъ мѣстахъ валъ осыпался, осѣлъ [1]). Я поинтересовался узнать отъ крестьянъ, ка-

[1]) По своему виду и характеру валъ этотъ нѣсколько походитъ (хоть значительно ниже и уже) на валъ, находящійся возлѣ г. Переяславля, гдѣ онъ тя-

кое назначеніе имѣлъ этотъ валъ и давно-ли онъ насыпанъ? „Не знаю, правду сказать,—отвѣтилъ мнѣ дѣдъ,—колы винъ построенъ: кажуть люды, що дуже давно зробленъ: и наши батьки не знають, колы его насыпалы. Литъ съ пьятьдесятъ тому назадъ я помню, що заставлялы починять цей валъ и ривъ, и винъ, сдается, лучшымъ бувъ, нижъ теперь, а теперь уже обсыпается дуже, а все скотына не пійде черезъ те у поле: пастыметься на толоци". Такимъ образомъ старый валъ, нѣсколько поновленный, служитъ теперь оградой лукомльской толокѣ. Вѣроятно, въ древности онъ имѣлъ оборонительное значеніе.

Когда мы миновали валъ, передъ нами открылась широкая площадь, на концѣ которой виднѣлись постройки мѣстечка и среди нихъ—деревенская церковь. Остатки вала, весьма значительнаго еще и теперь, оцѣпляютъ мѣстечко съ правой и лѣвой стороны отъ дороги, охватывая его, какъ бы крыльями. Изъ-за вала выглядываютъ сельскія постройки, вплотную придвинувшіяся къ валу. Юго-восточная часть вала, сохранившаяся еще довольно хорошо, проходитъ надъ самымъ провальемъ, которое полагаетъ собою какъ бы границу городка. Площадь передъ валомъ весьма интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою особенности, какія трудно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что на значительномъ пространствѣ отъ вала вся площадь, по правую и по лѣвую сторону отъ дороги, ведущей въ Лукомье, усѣяна рядомъ невысокихъ холмиковъ, курганчиковъ, среди которыхъ только изрѣдка попадаются курганы, высотою сажня въ полтора или же два; большинство же ихъ значительно ниже. Многочисленный лабиринтъ этихъ курганчиковъ отдѣлялся отъ склона долины, ведущей къ провалью, валомъ и рвомъ, которые отъ давности времени сохранили только тѣнь своего прежняго величія: ровъ засыпался, а валъ осунулся, и теперь онъ высотою только нѣсколько аршинъ въ иныхъ мѣстахъ, въ другихъ же—едва замѣтенъ.

нется на нѣсколько верстъ, и болѣе—на валъ, протянувшійся къ югу отъ г. Лубенъ, отъ обрыва р. Сулы—до лѣсного провалья.

Случайно встрѣтившійся здѣсь крестьянинъ, на вопросъ, что такое представляютъ собою эти курганчики, объяснилъ намъ, что „старые люди разсказываютъ, будто тутъ когда-то была старая крѣпость: воевали когда-то—оттого и курганы остались". Страннымъ показалось мнѣ такое объясненіе, но оно было все таки интересно въ томъ отношеніи, что построеніе этихъ курганчиковъ относилось къ военному дѣлу.

Я долго думалъ надъ тѣмъ, какое назначеніе могли имѣть эти курганчики, спрашивалъ, не было ли здѣсь когда либо обширныхъ селитряныхъ заводовъ, но получалъ на это всегда отрицательные отвѣты. Селитряные майданы дѣйствительно были въ Лукомьѣ, и старожилы указали мнѣ и самыя насыпи (бурты) ихъ, изъ обзора которыхъ я убѣдился, что селитр. бурты имѣютъ совершенно отличный характеръ отъ вышеназванныхъ курганчиковъ. Мнѣ кажется, не знаю только, насколько это вѣрно, что лабиринтъ этихъ холмиковъ игралъ роль передовой защиты укрѣпленій: очутившись среди нихъ, врагъ не могъ дѣйствовать единодушно и плотной массой, да еще при томъ и конной, которой всегда отличались кочевники, а между тѣмъ защитники имѣли полную возможность, маскируя холмиками свои силы, внезапно нападать на осаждающихъ и незамѣтно скрыться подъ защитой этихъ возвышеній. Впрочемъ, я не настаиваю на безусловной вѣрности моей догадки: быть можетъ, кто либо болѣе свѣдущій въ этомъ дѣлѣ и болѣе знакомый съ мѣстной стариной дастъ болѣе удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса. Что касается стариковъ, на которыхъ мнѣ указывали, какъ на знатоковъ прежней жизни, то всѣ они повторяли одно: что они не знаютъ, что такое тамъ было, какое назначеніе имѣли эти холмы; одно развѣ слыхали они, что тамъ „когда то была война",—и только.

Выходящій къ площади поля валъ сохранилъ также и слѣды рва, нѣкогда окружавшаго крѣпость. Юго-западная часть укрѣпленій тянется на краю провалья, куда уже сползла нѣкоторая часть стараго вала. Протянувшись около 100 саженъ въ юго-з. направленіи, валъ круто поворачиваетъ къ сѣверовостоку и доходитъ до начала глубокой долины, постепенно

переходящей въ страшную пропасть, обрывъ, провалье, ограждавшее самую главную, старинную лукомльскую крѣпость съ ю.-востока. Лукомльскій кремль, самая главная или же самая крѣпкая часть городка, занимаетъ треугольный выступъ крутого, возвышеннаго берега р. Сулы.

Еще и до сихъ поръ сохранились весьма ясно слѣды этого укрѣпленія. Проѣхавъ по прямой дорогѣ, перерѣзывающей внѣшнюю, первую крѣпость пополамъ, передъ вами открывается довольно значительной высоты валъ, прорѣзанный посрединѣ дорогой, которая какъ бы пробивается черезъ валъ, какъ черезъ крѣпостныя ворота. По всей вѣроятности, здѣсь и были крѣпостныя ворота. Вправо и влѣво отъ воротъ идетъ валъ, замыкающій, какъ кольцомъ, находящееся между его стѣнками, пространство. Старая крѣпость не велика: она состоитъ какъ бы изъ двухъ круглыхъ окруженныхъ валомъ укрѣпленій, тѣсно примыкающихъ одно къ другому, съ едва замѣтнымъ углубленіемъ на границѣ соприкосновенія этихъ двухъ круговъ. Каждое изъ укрѣпленій имѣетъ въ діаметрѣ не болѣе 150—200 шаговъ. Оба укрѣпленія одной стороной, именно восточной, примыкаютъ къ крутому, почти отвѣсно идущему правому берегу рѣки Сулы. Страшная крутизна и высота этого мѣста производитъ сильное впечатлѣніе. Трудно выбрать болѣе удобное мѣсто для защиты отъ враговъ: съ этой стороны крѣпость положительно неприступна. Протянувшись въ юго-восточномъ направленіи, крѣпость съ юга защищена глубокой долиной, на склонѣ которой видны, однако, слѣды какъ бы вала и рва, опоясывающихъ главное укрѣпленіе посрединѣ горы. Этотъ нижній поясъ вала былъ весьма необходимъ, потому что треугольный шпиль, на которомъ расположена крѣпость, спускается къ юго-востоку пологой, постепенно понижающейся террассой, откуда можно было сравнительно болѣе удобно подойти къ крѣпости. Для защиты крѣпости съ этой стороны, полагаю, былъ и устроенъ вышеназванный ровъ и валъ. Съ сѣверной стороны старая крѣпость отдѣлялась отъ материка ущельемъ, по которому теперь пролегаетъ дорога, ведущая къ рѣкѣ Сулѣ. Въ серединѣ крѣпости, на краю об-

рыва стоитъ старая деревянная церковь, построенная въ старинномъ стилѣ малорусскихъ церквей. Вѣроятно, церковь эта стоитъ на томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занималось крѣпостною церковью. Внутренность крѣпости составляетъ теперь участки частныхъ владѣльцевъ, которые вырыли по вѣнцу вала ровъ, служащій границей ихъ владѣній [1]).

На сколько можно судить изъ разлома вала и изъ выкопаннаго въ немъ рва, стѣны крѣпости были въ немъ насыпныя, состоящія изъ нѣсколькихъ слоевъ различной по своему составу земли, въ которой зачастую попадаются черепки битой посуды, камни, кости въ весьма значительномъ количествѣ уголь и, наконецъ, изрѣдка—обломки кафель съ особеннаго рода орнаментомъ. Сходный по своему рисунку орнаментъ кафель встрѣчается и на Лубенскомъ Валу (прежде старая крѣпость). Образцы такого рода кафель находятся въ Кругликскомъ музеѣ г. Скаржинской.

Особенно грозный видъ представляетъ Лукомльское городище, если смотрѣть на него со стороны р. Сулы. Не малыхъ усилій стоило кочевникамъ не только взять это укрѣпленіе, но даже—прорваться мимо него. Понятна отсюда та упорная, ожесточенная, настойчивая борьба, съ какою степные варвары стараются взять и „снести", по выраженію лѣтописи, Сулу, т. е. посульныя укрѣпленныя позиціи. Осмотрѣвъ городокъ, мы въѣхали на площадь за валами, гдѣ стоятъ Лукомльскія мельницы. На ветхихъ ступенькахъ одной изъ нихъ сидѣлъ старый дѣдъ. „Не знаете ли, дѣдушка,—обратился я къ нему,—чего-нибудь вонъ про тѣ валы, что лежатъ предъ нами? Когда они насыпаны?"—„И давно, дуже давно,—отвѣтилъ дѣдъ: и батьки наши не помнятъ, колы воны насыпаны. Кажуть стари люды, що це колысь крипость була тамъ, де ото церква стоить: ото и валъ остався отъ тіеи крипости; за ци валы я не знаю, а сама главна крипость буля биля церкви. Тамъ колысь городокъ бувъ, и въ тимъ городци жывъ турецькій (sic) королекъ,

[1]) Внутри старой крѣпости уже выстроено нѣсколько домовъ и сельская школа; большая же часть пространства внутрен. крѣпости занята грунтами и огородами частныхъ владѣльцевъ.

по прозванію Ляхъ. Тамъ винъ на гори и жывъ, а нашы тамъ жылы (старикъ указалъ рукой на низъ, по направленію къ рѣкѣ). То, було якъ наши выидуть у поле, то изъ крипости выбигаютъ туркы (sic) и ловлять, хапаютъ нашихъ. А воду въ крипость бралы на гору фонталомъ (?!)...

Преданіе, извращенное и затемненное, прошедшее черезъ рядъ слоевъ народной жизни, видоизмѣнялось и затемнялось послѣдующими событіями, но самая основа преданія осталась одна и та же, хотя и въ нѣсколько извращенномъ видѣ. Польская эпоха жизни заслонила и затемнила собой болѣе раннюю легенду, или же сказаніе, когда кочевники дѣйствительно ловили и уводили въ плѣнъ, въ неволю массу русскаго народа. Но прошли тѣ времена, прошли безвозвратно; широкой волной разлился русскій народъ далеко въ степи, въ тѣ степи, которыми нѣкогда владѣли хищныя орды степняковъ, тѣ степи, откуда безпокойное море кочевыхъ народовъ, вѣчно волновавшееся и приливавшее, грознымъ ураганомъ проносилось по русской землѣ. Одни только сильныя укрѣпленія выдерживали на себѣ натискъ такой бури, но и они часто падали подъ ударами разъяренныхъ кочевниковъ. Я невольно съ благоговѣніемъ остановился передъ этими благородными развалинами, свидѣтелями многихъ вѣковъ южно-русской исторической жизни. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и отъ древней крѣпости и слѣдовъ не останется, какъ не остается ихъ и отъ кургановъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрываемыхъ плугомъ. Понятно, всесокрушающая рука времени, съ одной стороны, а еще болѣе невѣжество и корысть, съ другой, не щадятъ этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей сѣдой старины. Еще до недавняго времени можно было во многихъ мѣстахъ весьма отчетливо и ясно видѣть всю систему древнихъ укрѣпленій, хотя и пострадавшихъ отъ времени, но еще не тронутыхъ рукой человѣка. Теперь уже не то: древніе валы и городки заселяются, распланировываются на участки, идутъ подъ дворища, и съ теченіемъ времени совершенно почти уничтожаются, такъ что не далеко то время, когда будущій историкъ, пытаясь увидѣть этихъ нѣмыхъ свидѣтелей нашей сѣдой старины, не найдетъ даже и слѣда

ихъ. Грустно стало мнѣ, что такъ исчезаютъ безслѣдно послѣдніе остатки нашихъ историческихъ памятниковъ. Но они еще не исчезли вполнѣ; они еще могутъ дать намъ яркую, интересную картину далекаго прошлаго. Надо только позаботиться, чтобы по уцѣлѣвшимъ остаткамъ возстановить хотя бы тѣнь прошлаго, скрывающагося отъ насъ въ туманной дали прошедшихъ вѣковъ.

Василій Ляскоронскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи Кіевской Академіи: *Кононъ Зотовъ въ Кіевской Академіи.* Къ Гетману. Въ нынѣшнемъ 1700 году августа 17 дня билъ челомъ намъ великому Государю нашему царскому величеству думной нашъ дьякъ Никита Мойсѣевичъ Зотовъ, что мы великій государь наше царское величество пожаловали ево думного нашего дьяка Никиту Мойсѣевича, повелѣли для наукъ свободныхъ отпустить въ Кіевъ въ академію сына ево столника нашего Конона Зотова. И мы великій государь наше царское величество пожаловали думного нашего дьяка Никиту Мойсѣевича, сына ево столника нашего Конона Зотова для наукъ свободныхъ во академію въ Кіевъ отпустить повелѣли, и тебѣ нашего царского величества подданному войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетману и славного чина святаго апостола Андрѣя ковалѣру Ивану Степановичу о вышеписанномъ нашъ царского величества указъ вѣдать; и о пропускѣ ево Конона какъ съ Москвы ѣдучаго, такъ и изъ Кіева къ Москвѣ по воспріятіи наукъ возвращающагося, и о дачѣ ему подводъ по московской подорожной учинить по нашему великого государя нашего царскаго величества указу и по своему разсмотрѣнію. Писанъ августа въ 18 день [1]).

Тутъ же помѣщены копіи съ подорожной и съ указа кіевскому воеводѣ Юрію Ѳамендину; послѣднему предписывается оказывать содѣйствіе Конону Зотову. Приводимъ и указъ этотъ въ полномъ объемѣ.

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣло Кіевскаго повытья, книга 34, листъ 237.

Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ нашу отчину въ Кіевъ генералу нашему маеору Юрью Андрѣевичу Өамендину. По нашему великаго государя указу посланъ въ Кіевъ во академію для наукъ свободныхъ думного нашего дьяка Никиты Мойсѣевича Зотова сынъ ево столникъ нашъ Кононъ Никитинъ сынъ Зотовъ. И какъ къ тебѣ сія наша великого государя грамота придетъ и ты бъ о томъ нашъ великого государя указъ вѣдавъ, и о пропускѣ ево столника нашего какъ въ Кіевъ, такъ и изъ Кіева къ Москвѣ по воспріятіи наукъ возвращающагося, и о дачѣ ему подводъ по московской подорожной учинить по нашему великаго государя указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 1700 августа во 18 день. Подписалъ дьякъ Борисъ Михайловъ.

II. Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ Соборъ.

Лѣта 1702-го августа въ 10 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца боярину Өедору Алексѣевичу Головину съ товарищи. Въ нынѣшнемъ 1702 году августа въ 5 день писалъ къ великому государю изъ Сибири изъ Тобольска преосвященный Өилоѳей, митрополитъ сибирскій и тобольскій, и прислалъ съ отписки и для покупки церковныхъ требъ и граматическихъ книгъ и для взятя исъ Кіева черныхъ монаховъ и спеваковъ и студентовъ софѣйского дому дѣтей боярскихъ Еремѣя Иванова, Михаила Рагозинскова, Ивава Тлевлѣева; и великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ..... указалъ изъ Малороссійскаго приказу вышеписаннымъ дѣтямъ боярскимъ Еремѣю Иванову съ товарищи отъ Москвы для проѣзду русскими и малороссійскими городами до Кіева и назадъ до Москвы дать проѣзжую грамоту, и по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича..... боярину Өедору Алексѣевичу Головину съ товарищи учинить по указу великаго государя. Дьякъ Иванъ Чепелевъ. Справилъ Яковъ Черницовъ [1]).

Сообщ. Н. Бѣляшевскій.

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Юст. Дѣла Кіевск. Повытья, кн. 34, л. 238. Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго повытья, кн. 37, л. 203.

Покупка греками на Украинѣ „дѣвокъ чухонокъ“. Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Михалъ Собакинъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ государь 1701 году ноября въ 18 день, по твоему великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу и по грамотѣ съ приказа Малыя Россіи за приписью дьяка Бориса Михайлова, велено мнѣ, холопу твоему, будучи въ Переяславлѣ, смотрѣть, чтобъ взятыхъ при Лифлянской границы полоненниковъ, которыхъ привели съ собою и продаютъ черкасы грекомъ, и которые греки возятъ тѣхъ полоненниковъ за рубежъ, отбирать и не пропускать и объ нихъ писать къ тебѣ великому государю къ Москвѣ. И въ нынѣшнемъ государь 1702 году, іюня въ 10 день, ѣхали черезъ Переяславль караванъ грековъ до Царя-Града съ товарами своими, въ которомъ караванѣ будучи везъ тайно заклавъ въ телѣги товарами своими грекъ Юрей Кириловъ дѣвку чухонку Евьгу; у котораго государь грека по извѣту солдата Обрама Микифорова и по посылкѣ моей холопа твоего у перевозу Терехтемировскаго изъ той телеги та дѣвка вынута и до твоего великаго государя указу задержана она въ Переяславлѣ, а тотъ государь грекъ поѣхалъ до Царя-Города, а по скаскѣ государь того грека вышепомянутая дѣвка куплена у него въ Миргородѣ у сотника за сорокъ тарелей (sic), а съ той ея покупки отъ сотника письма не взято. Да въ нынѣшнемъ же государь 1702 году, іюня въ 11 день, пріѣхалъ изъ за рубежа, изъ Корсуна, мѣщанинъ Василей Ждановъ для торговаго своего на ярманокъ промыску и подалъ мнѣ холопу твоему извѣтъ за своею рукою, что де государь греки везли за Днѣпромъ въ Царь-Городъ того жъ вышеписаннаго полону семь человѣкъ, а изъ тѣхъ полоненниковъ, по скаскѣ ему тѣхъ же грековъ, четырехъ человѣкъ они греки купили, а трехъ подговорили съ собою на Украинѣ. Да того жъ государь числа извѣщали мнѣ холопу твоему грекеникъ Николай Аркудахести да болгаренинъ Марко Ивановъ, что де государь провезъ за Днѣпръ ночнымъ временемъ волоской земли армянинъ дѣвку-жъ чухонку чрезъ Днѣпръ мимо перевоза липою по запровожденію переяславскаго замѣского сотника. Да въ нынѣшнемъ же государь 1702-мъ году, іюня въ 12 день, сысканъ по посылкѣ моей, холопа твоего малой русской породы, котораго государь привезъ съ собою изъ подо Пскова конпанѣйской сотникъ Иванъ Черноусъ, а тотъ государь малой въ распросѣ своемъ сказался крестьянскимъ сыномъ Псковского печер-

скаго монастыря и взятъ онъ отъ него сотника отъ матери ево изъ деревни Лысой Горы и привезенъ въ Переяславль, и тотъ государь малой, до твоего великого государь указу, отданъ изъ приказу тому вышепомянутому сотнику съ росписко̀ю. Да и многіе государь нынѣ Греки и Армяне и Волохи и Жиды проѣжаютъ караванами какъ изъ Царя-Города на Украину, такъ, государь, и въ Царь-Городъ на Переяславль, мимо Кіева, и тайно все провозятъ, а я холопъ твой, безъ твоего великаго государя указу, на Терехтемировскомъ и на другихъ ближнихъ перевозехъ для смотру такихъ ихъ тайныхъ провозовъ заставы ставить не смѣю, и о томъ, что ты, великій государь укажешь. А сю государь отписку послалъ я, холопъ твой, къ тебѣ великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ нынѣшняго 1702 году іюня въ 14 день чрезъ почту, и велѣлъ подать въ приказѣ Малыя Россіи боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину съ товарищи.

На этой воеводской отпискѣ помѣта: Выписать тотъ Терехтемировской перевозъ съ вѣдомостью у переяславскихъ воеводъ или у гетманскихъ дозорцевъ [1]).

Н. Б.

Кобзарь Петро Гараська и Лирникъ Максымъ Прыщенко.

Въ «Этнограф. Обозрѣніи» (1892 г. № 1) помѣщена наша замѣтка («Прокопъ Чубъ») о существующемъ теперь различіи между кобзарями и лирниками. Отличіе это касается, главнымъ образомъ, инструмента подъ аккомпаниментъ котораго поютъ они, и самой манеры пѣнія; репертуаръ же пѣсенъ у тѣхъ и другихъ теперь почти одинъ и тотъ же.

Послѣ встрѣчи съ Прокопомъ, намъ пришлось познакомиться еще съ нѣсколькими кобзарями и лирниками.

На этотъ разъ привожу коротенькую біографію и пѣсни, какія удалось записать отъ кобзаря Петра Гараська и лирника Максыма Прыщенка.

Петро Гараська родился въ 1855 г. въ с. Козарахъ козелецкаго у.; ослѣпъ во время холеры; пробовалъ лѣчиться, но его отецъ, истратившись на лѣченіе и видя безполезность его, отправилъ сына

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Кіевскаго повытья кн. 36, л. 63 и 64.

въ с. Мокіевку къ кобзарю Прокопу Чубу учиться играть на кобзѣ. Учился Петро полтора года, деньгами своему учителю не платилъ ничего. Репертуаръ пѣсенъ, исполняемыхъ теперь имъ, очень ограниченный. Гарасько знаетъ разнаго рода прыказкы, про дворянку, Тещу, Чечотку; псальмы—про Петра и Павла (два варіанта, довольно сходные), про Васылія, Мыколая (по словамъ кобзаря, существуетъ 3 варіанта этого псальма, но ему извѣстенъ только одинъ и то меньшій), Пресвятая Дѣво..., про Лазаря и Сонъ Богородыци.

№ 1. Про Петра и Павла.

Праведне сонце у райи просвитыло,
Создавъ Богъ Адама, а древо прызвистыло;
Возрече самъ Сусъ Хрыстосъ
Святому Петру и Павлу:
Святый Петре и Павле,
А верховный апостолъ!
Возьмы златныйи ключи,
Одымкны рай прысвитлый,
Выпущай Одама на Сіянську землю;
Нехай Одамъ ходыть.
Да душу свою кормыть".
Росплачетця Одамъ, изъ раю йдучи:
— Уже мыни не выдить превосвитлого раю,
Уже мыни не слышыть Господнёго гласу!—
Очы нашы ясны, а руци нашы родныйи;
Шо-й очыма заздрышъ, а руцямы заробышъ.
Тѣло наше пуйде у сырую землю,
А душа пуйде у царство небесне.
На многыйи лита,
Всиму мыру на здоровъе!

№ 2. Лазарь.

Хочъ едыной человѣкъ богатой бувавъ,
Который же въ роскошахъ пывавъ и гулявъ,
У дорогому одіянію всегда прожывавъ,
Богу видмало не дававъ,
Вонъ на святы церквы вонъ не'дкладавъ,
Чудовныхъ же образовъ вонъ не сокрашавъ,
Ныщыхъ й убогыхъ вонъ не надилявъ,
Свого брата й Лазара за брата не мавъ.—
Лежавъ Лазаръ во гноіи предъ богатыревымы ворытымы.
Со скорости сыльной богачъ вышовъ самъ за ворота;
Отакъ до ёго убогый Лазаръ гласомъ спросывъ:
„Охъ, и брате муй, сыльной богачу!

Создай мыни во гной хлиба й соли и холодной воды:
Не я тоби сее, брате, сее заплачу,—
Господь сее тоби награждавъ".
Да й плюнувши на Лазара той пречь одыйшовъ;
Звеливъ богачъ за собою ворота замкнуть,
Щобъ убогого Лазара й гласа не чуть.
Заказавъ сыльной богачъ своему двору:
— Штобъ не було въ моему двóри набожной душы
Надъ убогымъ Лазаромъ возмыловаться,
Убогому Лазару хлиба-соли дать,
И могла-бъ та душа царствіе уготовàть.—
Було у богатыра два лютыйи псы,
Которы по пустылю завждé ходылы,
Дробнесеньки крошечки созбыровалы
И убогому Лазару во гной носылы
И тымы его душу-тило воспытувалы,
Душы-тилу создавувалы
И раны ёго безсмертныйи залызувалы.
У вербну суботу проты недили
Ставъ убогой Лазаръ Богу молыця:
„Охъ, и Боже муй, Спасъ мылостывый,
Выслушай молытвы мойи:
Прымы мою душу до хвалы своейи;
А вжежъ моя душа въ тили намутылась
И голодомъ и холодомъ натерпилася,
Раны мойи безсмертныйи наболилыся;
А вжежъ мене й родный братъ одрекнувся"...
Якъ выслухавъ самъ Сусъ Хрыстосъ молытвы ёго,
Изсылае зъ небесъ святыхъ ангеловъ.
Возгленулы ангелы зъ неба на землю,
Прыступылы къ Лазару барзé зъ близенька,
Воспилы херовымы возвеселеньки,
Взялы душу Лазара у свѣтлому райи,
У Господа небесного въ чести да хвали
И у святого Оврамія на правомъ лонй.—
Въ другое времне, часъ погодывшы,
Скортило богатыра на прогуляне,
И вывювъ свою пышну челядь на разсмотряне.
Выйихавъ сылной богачъ у чыстое поле;
Перестрила богатыра сылна хвороба.
Да й кынула зъ коня додолу
Да й ударыла богатыра объ сыру-землю,
Объ сыру-землю, объ жовтой песокъ.
Лежавъ богатый ажъ трое сутокъ,
Не стямывъ сылной богачъ не жены, не дитей
Тульки стямывся сылной богачъ Бога прохаты.

Якъ выскочать зъ пекла тры пекельныйи злы,
Да воны по богатыревую душу пошлы;
Злы пекельныйи до двора не дошлы,
Сребро-злато ёго прахомъ рознеслы,
Стежки-дорўжечки пречъ роскыдалы
И пышную челядь ёго розыгналы,
Зъ богатыра душу съ тила вытрялы
Ливымъ бокомъ зализнымъ крукомъ;
Якъ стронулы богатыра строго-высоко,
Да вкынулы богатыра въ пекло глыбоко:
— Плавай, плавай, богатыру, въ пекли широко;
А въ рай далёко, а вгóры высоко;
Тамъ завыдишъ у райи святого Оврамія,
Поблыже Оврамія—брата Лазара,
Не брата Лазара—Исуса Христа.—
А вскорости сылной богачъ лышъ окомъ заздривъ,
Отакъ винъ до Лазара гласомъ спросывъ:
— Не можна, братъ Лазаръ, добра учыныты—
Свый мызынной съ перста палець у море умочыты,
Языкъ мўй у роти хоть прохолодыты
И огонь пекельной загасыты,
И за мене за гришного Бога попросыты,
Нехай мене Господь простывъ
И на той свитъ пустывъ,
Нехай я свое злато на церквы роздавъ
И ныщыхъ-убогихъ надилывъ,
И тебе, братъ Лазаре, повёкъ помынавъ,
Што-суботы, недили молебны наймавъ,
И таки бъ я своей души уготовáвъ.—
Такъ ёму самъ Сусъ Хрыстосъ отповидавъ:
„Почомъ же ты, сылной богачъ, такъ давно не дбавъ?
Не потреба зъ пекла, жывыхъ пророковъ
Мають воны, пророчества й пысмо святое
Нехай у церквахъ чытають,
Учытелы хрыстыянъ разно наущають,
Которы будуть спрямовать,
Наслидують царство да й Лазарове;
А которы будуть злое сочынять,
До й наслидують пекло да й богатырове".
Амынь, амынь, Господы,
Такъ намъ Богъ даровавъ!
Пройдёть вёра хрыстіяньская во пресвётлый рай.

Пропёвши какую-либо псальму или пёсню, Гараско обращается къ слушателямъ съ слёдующей просьбой:

«Не прошу я, мамочка, не во сребномъ злати дорогыйи, и прошу мамочко, нызькимы уклонáмы и покорнымы Божымы словами; не мирайся, моя мамочко, объ йидыной рубашци, не мирайся, моя мамочко, грѣшное тѣло перемынyты. Прыукрый, маты, ныщоту, якъ Господь прыукрывае диточекъ вашихъ у раю пресвитлою рызою нетлѣною. Не мирайся, моя мамочко, хустыночку темны очы протыраты, дрибны слёзы вытыраты»...

Если кобзари теперь уже забываютъ думки, то тѣмъ труднѣе встрѣтитъ лирника, которому бы онѣ были извѣстны. Намъ однако удалось въ прошломъ году записать въ Кіевѣ думку про осаду турками Почаевской Лавры отъ лирника Максима Прыщенка.

Максымъ Даныловычъ Прыщенко, старикъ лѣтъ за 50, родомъ изъ с. Бѣлогородки кіевскаго уѣзда. Съ лирой онъ ходитъ примѣрно лѣтъ двадцать.

Играть учился у майстра Герасыма Ныцкого. Кромѣ упомянутой думки (которую, впрочемъ, самъ Прыщенко называетъ «псальмой про Почаевську Божу Матыръ»), онъ поетъ псальмы про Мыколая, Спасытеля, пѣсни про Дворянку, Тещу, Биду.—Приводимъ нѣкоторыя пѣсни изъ репертуара этого лирника.

№ 1. Про Матыръ Божу Почаевську, якъ Турки Почаевъ розбывалы [1]).

Йизыйшла зора вечорявая,
Надъ Почаевымъ стала.
Ой выйшло, выйшло войско турецьке,
Якъ та тёмная хмара.
Турки зъ татармы въ городъ вступаютъ
Почаевъ воюваты;
Матыръ Божа Почаевська
Будыть насъ ратоваты.
Ивовъ Желизовъ съ келіи вышовъ,
Слизами умываe:
„Ой ратуй, ратуй, Божая Матыръ,
Почаевъ загыбае!“
А Матыръ Божа ёму отвичае:
— „Ой не плачъ, не плачъ, Ивовъ Желизовъ,
Почаевъ не загыне:
Мусымо статы, чудо показаты,
Почаевъ ратоваты“.—

[1]) Поется заунывно; къ сожалѣнію, намъ не удалось записать мотивъ этой думки; но онъ отличается отъ мотива, записаннаго г. Лисенкомъ.

Ой выйшла-выйшла Божа Матиръ,
На бани [1]) ся зъявылась,
Перуномъ ясна,
Всимъ туркамъ страшна,
Насъ хрыстыянъ боронила;
Пули вертала, турковъ збывала,
Почаевъ ратувала.
Турокъ—невѣра изъ лука мѣрыть,
На манастыръ циляе;
А тыйи стрѣлы назадъ лытѣлы,
Самыхъ йихъ побывалы.
Дознали Турки, злы недовѣрки,
Што то́ есть Божа Матеръ;
Предпысалыся до Почаева
Що-года дань даваты;
Предпысалысь-ще й прысягалысь:
Большъ воюваты не будемъ,
До трейтёго дня зъ турецкой земли
Всѣхъ хрыстыянъ повернемъ.
А тіи турки, злы недовирки,
Неславы наробылы:
Въ славному мѣсти, мѣсти Вышневомъ [2])
Крови зъ пискомъ намисилы.
А въ Почаеви въ монастыри
Тамъ лежавъ каминь;
Присяглы турки вже на вѣки вѣковъ, аминь.
Прысяглы турки, злы недовѣрки,
Бильшъ воюваты не будемъ,
До трейтёго дня изъ турецкой земли
Всѣхъ хрыстыянъ повернемъ.

Разсказываемое въ этой думѣ событіе относится ко времени Польско-Турецкой войны, возникшей по слѣдующему поводу. Войсковой эсаулъ Петръ Дорошенко, представитель турецкой партіи, поднялъ турокъ противъ поляковъ обѣщаніемъ передать первымъ Малороссію. Турки, недовольные поляками за Андрусовскій миръ, охотно приняли предложеніе Дорошенка, и султанъ Магометъ IV въ 1672 г. двинулся черезъ Малороссію на Польшу. Король польскій Михаилъ Вишневецкій не могъ остановить силою этого движенія и заключилъ въ Буджановѣ миръ, по которому турки, кромѣ дани, получили еще юж-

---

[1]) Т. е. на церковномъ куполѣ.

[2]) Мѣстечко Вишневецъ лежитъ на юго-вост. отъ Поч. Лавры.

ную часть западной Малороссіи. Гетманъ Янъ Собѣсскій, избранный послѣ смерти Вишневецкаго (1675 г.) королемъ, съ бо́льшимъ успѣхомъ боролся съ турками; тѣмъ не менѣе, и по условіямъ новаго мира (въ Журавинѣ, 1676 г.) Малороссія осталась за турками [1]).

Въ 1675 г. турки подступили къ Почаевскому монастырю. Трое сутокъ продолжалась осада; съ трехъ сторонъ дѣлались приступы, но безуспѣшно: «Преподобный Іовъ съ Божіею Матерью является молящимся на кровлѣ великія церкви Пресвятыя Троицы и его молитвами и благодатнымъ заступленіемъ Пресвятыя Богородицы безоружная обитель осталась неприкосновенною: турки отражены невидимою силою, обратились отъ страха въ бѣгство» [1]).

Въ память этого чуда выстроенъ въ 1875 г. придѣлъ теплой Свято-Троицкой церкви, а самое чудо изображено художникомъ Васильевымъ; образъ этотъ находится въ Успенской соборной церкви [3]).

Преп. Іовъ Желѣзо (въ думѣ—Ивовъ Желизовъ, въ мірѣ Іоаннъ) родился въ половинѣ XVI в. въ Галиціи; на 12 году онъ принялъ постриженіе въ Угорницкомъ монастырѣ; около 1581 г. былъ рукоположенъ во іеромонаха и вскорѣ принялъ схиму. По просьбѣ кн. Константина Острожскаго, Желѣзо былъ переведенъ въ Дубенскій монастырь; избранный игуменомъ, онъ 20 почти лѣтъ охранялъ здѣсь православіе отъ іезуитовъ и уніатовъ. Послѣ смерти К. Острожскаго, Іовъ удалился въ Почаевскій монастырь, гдѣ въ санѣ игумена подвизался до самой смерти, послѣдовавшей 20 окт. 1651 г. Мощи его были открыты въ 1659 г. кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабановымъ. Игуменомъ въ Почаевѣ во время осады 1675 г. былъ Ѳеодосій Левицкій [4]).

Эта пѣсня о явленіи Божіей Матери въ 1675 г., кромѣ сборника г. Лисенка, помѣщена еще въ книгѣ «Благодатная святыня горы Почаевской» (стр. 23) вмѣстѣ съ другой пѣсней—о появленіи цѣльбоносной стопы Богородицы.

№ 2. Дворянка.

Й-а дворянська жена
Вона зъ розумомъ жыла,
Изъ розумомъ прожывала,
Медомъ-выномъ шынкувала,
Всю купанію напувала.
Щей мылого научала:

---

[1]) Кояловичъ: Лекціи по исторіи Зап. Россіи.

[2]) См. „Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ“ арх. Амвросія.

[3]) „Путеводитель по горѣ Почаевской“ 1875 г.

[4]) См. ст. А. Ѳ. Хойнацкаго: „Преп. Іовъ, игуменъ Почаевскій“...

„Охъ ты й мылый-мылесенькій,
Голубычокъ сызесенькій!
Продай, мылый, сыви бычки,
Купы мыни черевычки:
Я дворянськаго роду,
Не ходыла боса зроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, дви кышечки,
Купы мыни панчышечки;
Я дворянського роду,
Не ходыла такъ изроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, два кабаны,
Купы мыни два жупаны;
Я дворянського роду,
Не ходыла гола зроду,
И ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай волы чуманыйи,
Купы буты червоныйи
Щей сахвъяны зеленыйи;
Я дворянського роду,
Не ходыла боса зроду,
А ій-богу не ходыла,
Прысь-ій-богу не ходыла!
Продай, мылый, кобылу,
Купы мыни и билыло и красыло,
Щобъ одъ сонця не згорила,
Щобъ одъ витру не чорнила;
Бо я буду дома седиты,
Господарства глядиты,
Хозяйиномъ называты
Симёнъ Васылёвычъ по батюшку".
А й ставъ мылый да й думае,
А й ставъ мылый да й гадае,
Якъ до пани прыстаты,
Якъ ій въ визъ запрягаты.
Вона ёму благодáрыть,—
Винъ за косы та й тахтàрыть:
— Охъ ты, мыла, не панися,
Въ оглобельки становыся,
Ты дворянського роду,
Не возыла дровъ изроду!—
Якъ изъ гóры,—то й вставае,
Якъ на гору, той сидае,
Дубыною потягае.
Прыйижжае мылый до лиса,
Прывъязавъ мылу, якъ биса:
— Гей, тпру, моя мыла!
Щобъ ты дуба не зломыла,
Сама себе не прыбыла,
Мыни шкоды не зробыла.—
Мылый дровця избырае,
Да й на сонце поглядае;
— А вже сонце нызенько,
Намъ додому неблызенько,
Щобъ у лиси не остаться,
Щобъ намъ вовка не злякаться.—
Якъ изъ горы, то й вставае,
Якъ на гору, то й сидае,
Дубыною потягае.
Прыйижжае мылый додому,
Дае мылій йисты солому,
А вона отвичае:
„Охъ не хочу, мылый, йисты,
Позволь мыни хотя систы,
Бо ты йихавъ, а я везла,
Трохы пàра не вылезла.
Охъ ты, мылый-мылесенькій,
Голубычокъ сызесенькій!
Продай, мылый, черевычки,
Купы мыни сыви бычки,
Щобъ я дровъ не возыла,
Щобъ я людей не смишыла.
Я дворянського роду,
Не возыла дровъ изроду,
И ій-богу, не возыла,
Прысь-ій-богу, не возыла!
Продай, мылый, дви сподныци,
Купы мыни дви телыци;
Продай, мылый, чорны бровы;
Купы мыни дви коровы;
Продай, мылый, два жупаны,
Купы мыни два кабаны,
Щобъ я сала не просыла,
Щобъ и людей не смишыла:
Я дворянського роду,
Не просыла сала зроду,
А ій-богу, не просыла,
Прысь-ій-богу, не просыла!

Продай, мылый, билыло и красыло,
Купы мыни кобылу,
Шобъ я дровъ не возыла;
Шобъ я людей не смишыла;
Я дворянского роду,
Не возыла дровъ изроду,
А ій-богу не возыла,
Прысь-ій-богу не возыла!
Бо и буду дома сыдиты
Господарства глядиты,
Хозяйномъ называты
Симёнъ Васылёвычъ".

№ 3. Бида.

По-надъ моремъ глыбокымъ
Стоявъ теренъ высокый;
А съ-пидъ того тѣрна
Выйшла бида молода,
Выйшла бида невелыка,
Вчепылась за чоловика.
Нема биди якъ симъ литъ,—
Славна бида на весь свитъ.
Одъ Крукова до Кракова—
Всюды бида йиднакова;
Одъ Крымъянца до Камъянца
Чортма биди ниде конця.
— Де ты, бида, родылась,
Шо за мене вчипылась?—
„Я въ Варшави родылась,
Я въ Полтави хрыстылась,
У Богослави изросла,
У Хмильныкъ замужъ пошла".
Сидай, бида, на козу,
Я дорогу покажу,
Къ чорту й тебе одвезу.
Въ Бердычеви на торзи
Йиздыть бида на кози
Йиздыть бида коляскою
До зъ киселемъ, до зъ квашею;
Кисиль-квашу розкупылы
Биди боки одлупылы.
Була бида у Клевани;
За клюшницю у пани;
Пошла бида до лёху
Набираты гороху,
Погубыла ключи,
Къ чорту утикла у ночи,
Пошла бида до Боброва,
Зробылася нездорова;
Зайшла вона до Ружына,
Симъ паръ хлиба зморужыла;
Пошла бида лавками,—
Былы биду палкамы;
Былы биду по выскахъ!
Не заглядай по мыскахъ!
Прывъязалы до стовба:
Не лизь, бида, до стола!
Пошла бида до Лукы,
Тамъ выпросыла мукы!
Пошла бида до Максыма,
А тамъ дали дижку сыра;
Пошла бида до Кырыла,
Да ще й своихъ наварыла [1]);
Пошла бида до Хведора,
Задралася да й пер...ла.
Десь узявся Тарасъ,
То той биду за лобъ трясъ;
Десь узявся Прокопъ,
Да й той биду въ высокъ хлопъ!
Десь узявся Веремый,
Крутывъ биду на раминь.
Тамъ бида умерла.
Покотылась изъ горы,—
Копыты задерла.
Десь узявся Яковъ,
Той по биди плакавъ;
Десь узялась Марына,
По биди „Оченашъ" зговорыла;
Катерына мымо йшла,
На смертъ рубашку принесла;
Несе дидько Марту,
Марта—водки кварту.
Таму биду помъянулы;
Тамъ бида пропала.

---

[1]) Варенукивъ, значитъ. (Прибавка пѣвца).

Іи дочка пидросла,
Кругомъ свита обійшла
Да й опъять до насъ прыйшла.

Чортъ биду перебуде:
Йидна здохне—десять буде!

А. Малинка.

Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. Въ 8-мъ вып. «Историч. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.» напечатанъ былъ мною одинъ протоколъ Кіев. Губ. Канц. 1769 г. о призрѣніи больныхъ и нищихъ, довольно ярко рисующій печальную картину того положенія, въ какомъ находилось тогда въ Кіевѣ дѣло общественнаго призрѣнія. Большое количество нищихъ въ Кіевѣ обращало на себя и раньше вниманіе Губ. Канцеляріи, какъ это видно изъ вновь найденнаго мною протокола ея 1764 года. Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года въ ней «имѣли разсужденіе» о мѣрахъ для уменьшенія числа нищихъ, такъ какъ «усмотрѣно, что какъ въ зимнее, такъ особливо въ лѣтнее время приходящихъ въ Кіевъ изъ разныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, а паче изъ заграничныхъ польскихъ мѣстъ, подъ видомъ богомолія, нищихъ находится многое число». Опредѣлено было предписать оберъ-комендантской канцеляріи, магистрату и полицмейстерской конторѣ всѣхъ по міру бродящихъ людей арестовывать и послѣ разспросовъ высылать изъ Кіева въ мѣста, откуда прибыли. Находящимся на днѣпровскомъ мосту и перевозѣ командирамъ накрѣпко подтверждено, чтобы «какъ нищіе, такъ и никакіе бродяги въ Кіевъ впускаемы не были». Вмѣстѣ съ этимъ написано было и въ Дух. Консисторію и къ архимандриту К.-Печ. Лавры, чтобы «въ состоящіе при Кіевѣ монастыри и Лавру приходящіе изъ великорос. и малорос. мѣстъ нищіе и бродяги (кромѣ кои дѣйствительно нищіе и увѣчные и въ здѣшнія богадѣльни опредѣлены) ни подъ какимъ видомъ принимаемы и передерживаемы не были».

А. А.

Нѣсколько словъ къ воспоминаніямъ объ А. В. Марковичѣ. Въ Апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, Г. Димитрій Марковичъ, племянникъ покойнаго А. В. Марковича, вступился, въ виду письма И. С. Тургенева изъ Парижа отъ 12 октября 1860 года (Вѣстникъ Европы за 1885 г. кн. 3, стр. 36, статья Анненкова «Переписка съ И. С. Тургеневымъ»), за доброе имя Афанасія

Васильевича и говоритъ, что онъ (Дмитрій Марковичъ) лично посылалъ нѣсколько разъ по порученію А. В. деньги Марьѣ Александровнѣ (женѣ послѣдняго, Марку Вовчку). Заключилъ это мѣсто своихъ Замѣтокъ (стр. 46) Дмитрій Марковичъ словами: «Мы ждали опроверженія со стороны тѣхъ, кто получалъ отъ него (т. е. отъ А. В.) деньги и кому должна быть дорога память А. В., но тѣ молчали и молчатъ. И пусть на ихъ совѣсть падетъ гнетъ такого позорнаго обвиненія».

И я получалъ отъ А. В. деньги для его жены и отсылалъ по принадлежности. Подробностей рѣшительно теперь не припоминаю; но твердо помню, что это было во время моихъ сношеній съ А. В. по изданію его сборника «Приказокъ», т. е. не позже 1864 г. и не раньше 1863 г.; что деньги А. В. нѣсколько разъ присылалъ мнѣ изъ черниговской губерніи въ Петербургъ для отсылки Марьѣ Александровнѣ въ Парижъ, и не десятками рублей, а сотнями; что я обыкновенно покупалъ у петербургскихъ банкировъ процентные купоны правительственныхъ бумагъ и отсылалъ ихъ туда, а въ полученіи получалъ отъ Маріи Александровны коротенькія увѣдомленія. Отсылалъ ли я эти увѣдомленія А. В въ подлинникѣ, или ограничивался лишь собственнымъ увѣдомленіемъ объ исполненіи порученія—рѣшительно не помню.

Что же касается до *грабежа*, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ (кстати «Вѣстника Европы» за 1885 г. я вовсе не читалъ), то *грабежъ* этотъ какое-то неслыханное недоразумѣніе.

Обращу еще вниманіе на имѣющіяся въ «Замѣткахъ» неточности. 1) На стр. 59 говорится: «Пріѣздъ дядьки былъ въ то время, когда онъ, кажется, только что былъ освобожденъ изъ ссылки изъ г. Орла». Такъ какъ въ началѣ «Замѣтокъ» пріѣздъ этотъ авторомъ относится къ 1858 или 1859 гг., то выходитъ, что А. В. будто бы освобожденъ былъ изъ Орла *только что* въ этотъ періодъ времени. Когда именно былъ освобожденъ оттуда А. В., точно я теперь не знаю; но что онъ былъ уже свободенъ отъ Орла въ 1851 году и жилъ въ Черниговѣ—это вѣрно: проѣздомъ въ этомъ послѣднемъ году изъ Чернигова въ Орелъ съ женою въ гости къ ея роднымъ, онъ заѣзжалъ въ Нѣжинъ ко мнѣ и обое у меня останавливались; 2) На стр. 76 упомянуто имя И. Н. Дорошенко. Такъ какъ это имя упомянуто рядомъ съ Рашевскими, Волками и проч., то это не И. Н., а И. П. (Илья Петровичъ).

М. Симоновъ (М. Номисъ).

Поправка къ отчету о пожертвованіяхъ на премію А. А. Потебни. Въ № 8 въ числѣ лицъ, внесшихъ пожертвованіе на премію имени А. А. Потебни, по недосмотру пропущено пожертвованіе протоіерея К. Мировича 1 рубль, безъ котораго не выйдетъ общая цифра, показанная въ отчетѣ—31 рубль.

Библіографія.

Къ Южнорусской діалектологіи. Проф. А. И. Соболевскій. «Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе». (Живая Старина. Вып. IV. 1892 г. Стр. 3—61).

Въ изученіи природы и исторіи русскаго языка давно ощущалась настоятельная необходимость стать на діалектическую почву. Внѣ этой почвы, съ одной стороны, невозможно точное опредѣленіе общаго характера русскаго языка, какъ сложной лингвистической особи; съ другой—нельзя разобраться въ разнородныхъ историческихъ данныхъ о немъ, представляемыхъ памятниками древнерусской письменности, и уразумѣть дѣйствительное отношеніе ихъ къ сложной діалектической организаціи русскаго языка въ разныя эпохи его послѣдовательнаго развитія. Затрудненія послѣдняго рода значительно осложняются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на характерѣ сказанныхъ данныхъ отражалось не только непосредственное вліяніе мѣстныхъ говоровъ, но и традиціонное вліяніе раньше возникавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ образцовъ письменной рѣчи на послѣдующіе образцы ея, появлявшіеся какъ въ тѣхъ же, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Отсутствіе путеводной нити въ оцѣнкѣ и группировкѣ данныхъ подобнаго рода, даваемой изученіемъ ихъ діалектической подкладки, невыгодно отразилось на трудахъ по исторіи русской рѣчи даже такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Срезневскій и Колосовъ, которые, повидимому, и сами это хорошо сознавали.

На этотъ существенный пробѣлъ въ наукѣ о русскомъ языкѣ впервые обратилъ вполнѣ серьезное вниманіе Потебня; но въ его грамматическихъ этюдахъ діалектическій принципъ примѣнялся лишь къ этимологическимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ явленій въ области русской рѣчи. Полную же рѣшимость стать на историческо-діалектическую почву въ изученіи всей совокупности звуковыхъ и морфологическихъ явленій, представляемыхъ цѣлымъ діалектическимъ со-

ставомъ русской рѣчи, мы встрѣчаемъ только у проф. А. И. Соболевскаго въ его «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Опыту систематическаго проведенія даннаго метода въ его «Лекціяхъ» предшествовалъ рядъ этюдовъ, посвященныхъ спеціальному изученію діалектическихъ элементовъ, проявляющихся въ нѣкоторыхъ областныхъ памятникахъ древне-русской письменности. Такое изученіе этихъ памятниковъ привело названнаго ученаго къ раскрытію и уясненію многихъ интересныхъ фактовъ въ исторіи развитія русскихъ нарѣчій и говоровъ, имѣющихъ преемственную органическую связь съ современными въ нихъ явленіями и освѣщающихъ послѣднія со стороны ихъ происхожденія и генетическихъ отношеній къ другимъ однороднымъ явленіямъ. Все это внесло новый научный коррективъ въ историческую грамматику русскаго языка и послужило къ болѣе правильной формулировкѣ нѣкоторыхъ ея общихъ положеній и выводовъ, равно какъ и къ болѣе солидному обоснованію послѣднихъ.

Тѣмъ не менѣе, и въ самомъ трудѣ проф. Соболевскаго по исторіи русскаго языка легко замѣтить еще недостаточную иногда обоснованность и проблематичность нѣкоторыхъ его положеній, преимущественно касающихся общаго хода развитія, распредѣленія и характера взаимныхъ отношеній русскихъ говоровъ и нарѣчій. Все это зависѣло, повидимому, главнымъ образомъ, отъ того, что, при установленіи этихъ положеній, авторъ не могъ руководствоваться соотвѣтственными указаніями, почерпнутыми изъ систематически разработанной діалектологіи современной русской рѣчи. Діалектологическіе этюды, которыми могъ пользоваться авторъ, не представляли требуемой полноты данныхъ; при томъ, данныя эти въ большинствѣ случаевъ лишены были необходимой точности, правильной группировки и историческаго освѣщенія. Можетъ быть, обстоятельство это и побудило главнымъ образомъ нашего ученаго заняться возможнымъ въ настоящее время восполненіемъ сказаннаго пробѣла.

Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ трудъ проф. Соболевскаго по русской діалектологіи, заглавіе коего мы выписали выше, является какъ нельзя болѣе кстати, въ значительной мѣрѣ удовлетворяя давно назрѣвшую въ немъ нужду.

Однако, въ виду чрезвычайной скудости и отрывочности свѣдѣній о существующихъ русскихъ говорахъ, а не рѣдко также—сомнительной точности и правильности данныхъ о нихъ въ источникахъ и матеріалахъ, которыми могъ располагать авторъ,—детальность и

полнота діалектологическихъ обобщеній въ области всей русской рѣчи представляются до крайности затруднительными. Поэтому-то, очевидно, у автора систематизація наличнаго діалектическаго матеріала русской рѣчи ограничивается лишь наиболѣе общими группировками сколько нибудь извѣстныхъ говоровъ въ главнѣйшія поднарѣчія и нарѣчія, при томъ такими лишь группировками, для которыхъ имѣлись достаточныя основанія въ общей суммѣ представляемыхъ данными говорами вполнѣ достовѣрныхъ признаковъ. По тѣмъ же, очевидно, причинамъ, и территорія каждой діалектической группы опредѣляется также лишь въ общихъ чертахъ. Затѣмъ, въ предѣлахъ каждой изъ установленныхъ такимъ образомъ общихъ группъ (нарѣчій, поднарѣчій), послѣдовательно разсматриваются и характеризуются, по губерніямъ и уѣздамъ, тѣ частныя подраздѣленія ихъ (подгруппы говоровъ и отдѣльные говоры), о которыхъ имѣются какія либо болѣе точныя свѣдѣнія. При чемъ тщательно отмѣчаются всѣ заслуживающія вниманія особенности ихъ, какъ общія—свойственныя всей данной группѣ, такъ и частныя видоизмѣненія этихъ особенностей, а также спорадическія отступленія въ тѣхъ или иныхъ говорахъ отъ общихъ особенностей данной группы,—представляющія сходство съ особенностями другихъ группъ, или чисто индивидуальныя черты извѣстныхъ говоровъ.

Такимъ образомъ діалектологическій очеркъ проф. Соболевскаго представляетъ скорѣе систематическій сводъ критически обработанныхъ имъ данныхъ о болѣе или менѣе извѣстныхъ уже русскихъ нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ и говорахъ, чѣмъ полный научно-діалектологическій синтезъ послѣднихъ, для котораго не наступило еще время. Но, для дальнѣйшей разработки этого предмета, трудъ проф. Соболевскаго полагаетъ уже твердое и надежное основаніе. Общее достоинство этого труда состоитъ въ томъ, что въ подборѣ, оцѣнкѣ и группировкѣ признаковъ, характеризующихъ русскіе говоры, поднарѣчія и нарѣчія, какъ и въ классификаціи послѣднихъ, соблюдаются крайняя осторожность и свойственный автору научный тактъ, а изложеніе предмета отличается обычными у него сжатостью, простотой и ясностію.

Однако, указанные выше недостатки источниковъ и матеріаловъ по русской діалектологіи, какъ и упомянутая научная осторожность автора въ пользованіи ими, вліяли вѣроятно на то, что проф. Соболевскій избѣгалъ въ разсматриваемомъ трудѣ широкаго примѣненія историко-этимологическаго анализа данныхъ, представляемыхъ

имѣвшимися въ его распоряженіи матеріалами по народному языку, и построенія на этомъ анализѣ соотвѣтственныхъ выводовъ. Историческо-этимологическое начало примѣняется въ «Очеркѣ» автора лишь слегка, для поясненія отдѣльныхъ, преимущественно звуковыхъ явленій въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, путемъ сопоставленія такихъ явленій съ древними (=орѳографическими) звуками. Такимъ образомъ фонетическія явленія, свойственныя разнымъ діалектическимъ единицамъ, характеризуются у автора почти исключительно со стороны ихъ современныхъ спеціально-физіологическихъ (антропофоническихъ) особенностей, безъ указанія генезиса и этимологическаго значенія послѣднихъ. Въ такомъ же родѣ констатируются и морфологическія особенности.

Нельзя однако не замѣтить, что такой пріемъ, хотя и оправдывается упомянутыми выше обстоятельствами, но, въ свою очередь, сопряженъ также съ значительными неудобствами при оцѣнкѣ степени органичности явленій и при распредѣленіи ихъ по подлежащимъ категоріямъ. При разсматриваніи діалектическихъ явленій со стороны лишь ихъ антропофоническихъ особенностей, возможны случаи какъ разъединенія явленій, органически связанныхъ другъ съ другомъ общимъ происхожденіемъ, такъ и наоборотъ—смѣшенія совсѣмъ разнородныхъ иногда явленій. Съ другой стороны, одними антропофоническими особенностями данныхъ явленій невозможно опредѣлить органическія черты индивидуальности такой преимущественно собирательной діалектической единицы, какой является, напр., естественное «нарѣчіе», и установить существенныя отличія его отъ другихъ родственныхъ съ нимъ нарѣчій. Только подведеніемъ отдѣльныхъ разрозненныхъ антропофоническихъ признаковъ одного происхожденія подъ общіе звуковые законы нарѣчія и сведеніемъ ихъ къ такимъ общимъ этимологическо-фонетическимъ единицамъ послѣдняго, какими представляются «этимологическо-діалектическія фонемы», а равно сведеніемъ однородныхъ морфологическихъ варіантовъ нарѣчія къ общимъ его «морфемамъ»,—возможно установить рядъ существенныхъ признаковъ, надлежащимъ образомъ характеризующихъ органическую индивидуальность нарѣчія, какъ таковаго. Только опредѣленный рядъ самостоятельныхъ *фонемъ* и *морфемъ* такого рода, образовавшихся на почвѣ даннаго нарѣчія [1]), обособляетъ его органически, какъ цѣльную діалектическую единицу, среди другихъ такихъ же единицъ одного съ

[1]) Лексикальнаго элемента, какъ не входящаго почти совсѣмъ въ діалектологическій очеркъ проф. Соболевскаго, мы не касаемся здѣсь.

нею происхожденія, хотя бы между ними существовалъ рядъ спорадическихъ сходствъ въ отдѣльныхъ звукахъ и формахъ, возможныхъ даже между нарѣчіями и цѣлыми языками, находящимися въ довольно отдаленныхъ степеняхъ родства. Съ другой стороны, только внутреннее единство системы означенныхъ фонемъ и морфемъ, лежащее въ основѣ всего внѣшняго разнообразія звуковъ и формъ данныхъ говоровъ, опредѣляетъ естественную, генетическую принадлежность ихъ къ одному общему организму даннаго нарѣчія.

Что касается употребленнаго авторомъ метода въ изложеніи своего предмета, то спеціальная особенность его состоитъ въ слѣдующемъ пріемѣ. Отправной точкой для классификаціи русской рѣчи и діалектологическихъ изслѣдованій ея послужилъ ему *московскій говоръ* южно-великорусскаго поднарѣчія и, главнымъ образомъ, основанный на немъ—*русскій литературный языкъ*. Эти конкретныя діалектическія единицы, съ ихъ индивидуальными фонетическими и морфологическими особенностями, являются у автора той спеціальной нормой, съ которой сравниваются всѣ прочія діалектическіе виды и разновидности русской рѣчи, и, по степенямъ ихъ сходства и отличія отъ первыхъ, опредѣляются какъ соотвѣтственныя отношенія къ нимъ этихъ видовъ и разновидностей, такъ и взаимныя отношенія ихъ другъ къ другу, а также—мѣсто занимаемое каждымъ въ ихъ естественной группировкѣ и общей классификаціи всей русской рѣчи.

Такимъ образомъ діалектическій очеркъ автора начинается съ характеристики «великорусскаго нарѣчія», въ которомъ различаются «южное» и «сѣверное» поднарѣчія; при чемъ на первый планъ выдвинуто первое изъ нихъ,—съ «умѣренно-акающимъ» или спеціально-московскимъ говоромъ и литературнымъ русскимъ языкомъ во главѣ.—Затѣмъ разсмотрѣно «нарѣчіе бѣлорусское», съ его подраздѣленіями тоже на два поднарѣчія: «цокающее» (сѣверное) и «не-цокающее» (южное); при чемъ, однако, все это нарѣчіе причисляется авторомъ собственно къ великорусской діалектической группѣ, «какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ» [1]). Наконецъ третье мѣсто въ діалек-

[1]) Извѣстно, что на счетъ мѣста, занимаемаго бѣлорусскимъ нарѣчіемъ въ общей семьѣ русскихъ нарѣчій, и отношеній его къ великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, мнѣнія филологовъ расходятся. Одни причисляютъ его къ первому, другіе—къ послѣднему. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ недоразумѣнія во взглядахъ на бѣлорусское нарѣчіе происходятъ главнымъ образомъ отъ несоблю-

тологической классификаціи русской рѣчи занимаетъ у автора «малорусское нарѣчіе», которое, по его словамъ, «сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ имѣетъ рядъ особенностей» (стр. 3).—Малорусское нарѣчіе, какъ и два первыя, подраздѣляется авторомъ на два поднарѣчія: «сѣверно-малорусское» и «южно-малорусское».

денія въ нихъ надлежащей исторической перспективы... Несомнѣннымъ можно признать одно, что б.-русское нарѣчіе искони отличалось уже отъ южнорусскаго тѣми основными особенностями своего звуковаго характера и строя, какими отличается отъ послѣдняго *вообще вся группа сѣверныхъ русскихъ* нарѣчій; но что при этомъ б.русское нарѣчіе, болѣе остальныхъ—великорусскихъ поднарѣчій этой группы, (кромѣ загадочной близости нѣкоторыхъ отличительныхъ чертъ сѣверно-великорусскаго вокализма съ соотвѣтственными чертами южно-русскаго, каковы напр. различеніе до извѣстной степени рефлексовъ *е* и *ѣ*; наклонность послѣдняго къ переходамъ въ *і*; случаи перехода *е* въ *ё*—независимо отъ ударенія; отсутствіе случаевъ непосредственнаго измѣненія неударяемаго *е* въ *я*; устойчивость въ качествѣ неударяемыхъ *ё* и *о* и проч.),—сохранило у себя общихъ съ южнорусскимъ нарѣчіемъ архаизмовъ; а затѣмъ, оно пріобрѣло также не мало и такихъ общихъ съ послѣднимъ особенностей, которыя объясняются, во-первыхъ, исконнымъ непосредственнымъ сосѣдствомъ и многовѣковымъ воздѣйствіемъ ихъ другъ на друга, и, во вторыхъ, пережитыми ими сообща внѣшними вліяніями однихъ и тѣхъ же культурныхъ и политическихъ факторовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи остается мало разъясненнымъ даже и послѣ весьма цѣнныхъ во многихъ отношеніяхъ изслѣдованій о немъ г. Карскаго. Причина въ томъ, что почтенный изслѣдователь черпаетъ данныя для спеціальной характеристики бѣлорусскаго нарѣчія, въ его прошедшемъ и настоящемъ, съ одной стороны—не только изъ говоровъ, составляющихъ ядро этого нарѣчія, но также и изъ говоровъ переходныхъ къ великорусскому и м.-русскому нарѣчіямъ,—особенно къ послѣднему, среди коихъ встрѣчается не мало говоровъ, изобилующихъ типическими малоруссизмами, принимаемыми повидимому иногда названнымъ изслѣдователемъ за характерныя особенности также и б.-русской рѣчи; съ другой—изъ общаго запаса памятниковъ, такъ называемаго „западнорусскаго“ письменнаго языка,—только по политической традиціи о немъ называемаго, также иногда и „бѣлорусскимъ“,—но, въ дѣйствительности, вырабатывавшагося изъ древней славяно-русской письменной рѣчи южнаго извода на почвѣ двухъ разныхъ нарѣчій—южно-русскаго и бѣлорусскаго, преимущественно же на почвѣ переходныхъ между ними,—„дряговицкихъ“, или, такъ называемыхъ въ послѣдствіи, „черноруссихъ“ говоровъ, и, вслѣдствіе сего,—представляющаго въ своемъ составѣ кромѣ церковно-славянизмовъ (а потомъ также и полонизмовъ), смѣсь основныхъ южнорусско-бѣлорусскихъ стихій рѣчи съ разнородными специфическими особенностями этихъ обоихъ, одинаково вліявшихъ на него живыхъ нарѣчій. Это обстоятельство и повело къ постепенному вырожденію этого, лишеннаго надлежащей органичности языка, и распаденію его на двѣ болѣе цѣльныя и живыя отрасли, выразившіяся въ двухъ особыхъ серіяхъ письменныхъ изводовъ,—одна изъ коихъ и послужила переходнымъ звеномъ между нимъ и возникшей потомъ группой отдѣльныхъ образцовъ письменности, уже на болѣе или менѣе чисто народномъ южнорусскомъ нарѣчіи.

Мы не имѣемъ въ виду и не можемъ касаться здѣсь всѣхъ частей названнаго труда проф. Соболевскаго и должны ограничиться лишь замѣчаніями, относящимися главнымъ образомъ къ отдѣлу его, трактующему о малорусскомъ нарѣчіи.

Описаніе послѣдняго, какъ и двухъ предыдущихъ, начинается у автора съ указанія занимаемой имъ территоріи и опредѣленія сперва общихъ особенностей, характеризующихъ все нарѣчіе, а затѣмъ—частныхъ, свойственныхъ его главнѣйшимъ діалектическимъ подраздѣленіямъ и отдѣльнымъ говорамъ въ каждомъ такомъ подраздѣленіи.

Какъ сказано уже, авторъ дѣлитъ малорусское нарѣчіе на *два поднарѣчія*, и надо согласиться, что въ пользу такого дѣленія его имѣются достаточныя основанія какъ въ характерѣ существенныхъ отличій, обнаруживаемыхъ говорами того и другого поднарѣчія, такъ и въ исторіи образованія этихъ отличій [1]). Зародыши послѣднихъ, повидимому, очень древніе и обусловливались, очевидно, первоначальнымъ дѣленіемъ южнорусскаго племени, въ этнографическомъ отношеніи, на двѣ главныя отрасли: *съверо-восточную* и *юго-западную*. Первую, по всей вѣроятности, составляли *Поляне*, (кіевской и переяславской земель) съ *Древлянами*. *Съверяне* и *Дрыговичи*, должно быть, принадлежали уже къ типу переходному между южноруссами и собственно-сѣверноруссами (т. е.: Радимичами, Вятичами, Кривичами и Словѣнами). Вторую отрасль составляли *Дулебы* (волынской земли) и *Хорваты* (—галицкой). *Уличи* и *Тиверцы* (Понизья,—позднѣйшаго

[1]) Предположенное нами 20 лѣтъ тому назадъ дѣленіе южнорусской рѣчи на 3 нарѣчія: *украинское, польское и червонорусское* основывалось главнымъ образомъ на морфологическихъ отличіяхъ „украинскихъ“ говоровъ отъ „червонорусскихъ“, соединяемыхъ авторомъ въ одно — „южно-малорусское“ поднарѣчіе. (См. нашу статью объ этомъ въ „Трудахъ“ экспедиціи Чубинскаго, упомянутую авторомъ въ спискѣ изслѣдованій по м.-русскому нарѣчію, стр. 11). Мы ничего впрочемъ не имѣемъ теперь противъ такой поправки автора и, кромѣ того, должны сознаться, что этотъ нашъ трудъ страдаетъ вообще многими недостатками, неизбѣжно связанными съ первыми шагами въ каждомъ новомъ дѣлѣ; тѣмъ болѣе, что и матеріалы по языку, которыми мы пользовались при составленіи нашей статьи, оставляли желать многаго лучшаго. Пользуясь случаемъ, позволимъ себѣ еще замѣтить, что наша статья вышла искаженной въ печати. Глава, въ которой опредѣлялись *общія особенности* малорусской рѣчи, совсѣмъ почему-то пропущена издателями, вслѣдствіе чего становятся мало понятными и неосмысленными приводимыя нами въ слѣдующей главѣ факты видоизмѣненій этихъ особенностей по нарѣчіямъ и говорамъ, а описаніе послѣднихъ испещрено ошибками и неправильностями, преимущественно въ употребленіи нѣкоторыхъ буквъ для обозначенія звуковъ (такъ напр., ц.-славян. ѧ почему-то замѣненъ иногда буквой ѣ).

Подолья) являлись, вѣроятно, переходнымъ звеномъ между этими двумя главными отраслями древняго южно-русскаго племени.

Есть основанія думать, что современная собственно «украинская» разновидность «галицко-украинскаго» («южно-малорусскаго») поднарѣчія,—позднѣйшаго происхожденія. Она несомнѣнно образовалась на почвѣ древней полянско-древлянской рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ на нее (начиная вѣроятно съ XIII—XIV ст.) рѣчи Волынянъ и Подолянъ, а, можетъ быть, отчасти также и Галичанъ. Такимъ образомъ, современное «полѣшское» или «сѣверно-малорусское» поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южноруской рѣчи *съверо-восточнаго* (полянско-древлянскаго) типа, успѣвшимъ уцѣлѣть отъ ассимилирующаго напора на нее *юго-западной* отрасли, благодаря, можетъ быть, своему изолированному положенію въ глуши лѣсовъ и болотъ. Но въ древности южно-русская рѣчь этого типа, безъ сомнѣнія, охватывала собою всю область южнаго теченія Днѣпра (отъ Припети и Подесенья) и его притоковъ,—сплошь занятую уже нынѣ (къ югу отъ долинъ Тетерева и Остра) украинскою разновидностію галицко-украинскаго поднарѣчія, у которой, однако, и до сихъ поръ еще осталась подкладка прежняго морфологическаго строя, сближающая ее въ этомъ отношеніи съ современнымъ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ и отличающая отъ галицкой разновидности.

Тѣмъ не менѣе, въ главныхъ чертахъ своего звуковаго строя, украинская разновидность на столько уже примыкаетъ къ галицкой, что, съ этой стороны, она, дѣйствительно, составляетъ съ нею одно общее діалектическое цѣлое.

Что касается отношеній южнорусскаго нарѣчія къ сосѣднимъ съ нимъ, родственнымъ нарѣчіямъ, то здѣсь, по нашему мнѣнію, правильно наблюдено и отмѣчено авторомъ одно весьма характерное явленіе, а именно, что, съ одной стороны, «малорусское нарѣчіе постепенно сливается съ словацкими говорами», такъ что здѣсь «точное опредѣленіе границы едва ли возможно» (стр. 3); съ другой,—что сѣверно-малорусскіе говоры «обыкновенно или составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-малорусскихъ» (стр. 12). Явленіе это дѣйствительно бросается въ глаза въ особенности въ виду того, что нѣтъ такого же незамѣтнаго перехода, образуемаго цѣпью столь же органическихъ переходныхъ гово-

ровъ, на границахъ между малорусскимъ нарѣчіемъ и польскимъ—съ одной стороны, и великорусскимъ—съ другой. Сосѣдящіе съ послѣдними нарѣчіями малорусскіе говоры заключаютъ въ себѣ лишь простую механическую примѣсь къ своей коренной основѣ нѣкоторыхъ особенностей этихъ нарѣчій, совсѣмъ почти не ассимиллированныхъ ими, и имѣютъ видъ, такъ называемыхъ, неорганическихъ *жаргоновъ*,—испорченныхъ лишь внѣшнимъ вліяніемъ чужой рѣчи [1]).

При всемъ томъ, категорическое, повидимому, пріурочиваніе у автора вышеприведенной характеристики переходныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ къ опредѣленію общаго характера всего *сѣверно-малорусскаго поднарѣчія*,—являющагося, по такому опредѣленію его, какъ бы простымъ конгломератомъ разнородныхъ говоровъ, несвязанныхъ единствомъ своихъ органическихъ особенностей,—невозможно признать соотвѣтствующимъ дѣйствительности [2]).—Нѣтъ спора, что окраины этого поднарѣчія подверглись болѣе или менѣе сильному вліянію сосѣднихъ говоровъ: съ юга—вліянію говоровъ южно-малорусскаго поднарѣчія, съ сѣвера—бѣлорусскаго нарѣчія. Но вліяніе сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ не могло быть особенно глубокимъ, во 1-хъ, уже потому, что сами эти говоры искони являлись переход-

---

[1]) Нѣкоторое, правда, исключеніе представляетъ *лемковскій* говоръ, прочно усвоившій себѣ польскую неподвижную акцентовку; но коренныя южно-русскія черты его звуковаго и морфологическаго строя остались все таки безъ особенно рѣзкихъ органическихъ измѣненій.

[2]) Впрочемъ, въ слѣдующихъ словахъ автора, гдѣ сказано, что „сѣверно-малорусскіе говоры, *за немногими исключеніями*, принадлежатъ къ числу переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ и смѣшанныхъ“ (стр. 12), можно видѣть какъ бы оговорку, нѣсколько ослабляющую такое опредѣленіе характера всего сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Подчеркнутыя нами слова, очевидно, заключаютъ въ себѣ намекъ на существованіе, хотя бы только въ видѣ исключеній, также и непереходныхъ, т. е. вполнѣ самобытныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ же признать послѣдніе говоры „исключеніемъ“ изъ общаго характера всей діалектической группы, когда они, составляя, очевидно, ядро этой группы, неизбѣжно должны сосредоточивать въ себѣ, въ наиболѣе полномъ и чистомъ видѣ, специфическія черты и всѣхъ остальныхъ ея говоровъ? Вообще, скудость, а, во многихъ случаяхъ, также сбивчивость, неточность и противорѣчивость показаній объ особенностяхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ,—какія легко замѣтить, просматривая обзоръ этихъ особенностей сгруппированныхъ въ трудѣ автора,—чрезвычайно вредятъ составленію правильнаго понятія о коренномъ характерѣ сѣверно малорусскаго поднарѣчія, такъ что для точной характеристики послѣдняго требовалась бы еще тщательная провѣрка имѣющихся о немъ данныхъ и непосредственное изученіе ихъ на мѣстѣ.

ными отъ южнорусской рѣчи къ сѣверноруссвой, а, во 2-хъ, что они не переставали и потомъ подвергаться еще дальнѣйшему воздѣйствію на нихъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ, которое выразилось, напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ Гродненской, Минской, Черниговской, и отчасти даже Могилевской губерній, присутствіемъ въ нихъ специфическихъ малорусскихъ чертъ, чуждыхъ центральнымъ и сѣвернымъ бѣлорусскимъ говорамъ, (каковы, напр., болѣе или менѣе частые случаи растяженія *о, е, ѣ*; тематическія *ува, юва* вм. *ыва, ива*—въ глаголахъ; многія спеціально-малорусскія *слова* и особенности ихъ образованія, и т. п.); наконецъ извѣстно, что и въ народной словесности южныхъ бѣлоруссовъ значительная доля принадлежитъ произведеніямъ южнорусскаго происхожденія.

Что же касается вліянія южно-малорусскихъ говоровъ, то дѣйствительно, глубокое воздѣйствіе ихъ на всю сѣверно-малорусскую рѣчь, какъ уже замѣчено было выше,—даже и по настоящее время,—не подлежитъ сомнѣнію. И это вполнѣ объясняется, какъ ближайшимъ родствомъ обоихъ южнорусскихъ поднарѣчій, такъ и тѣми культурно-историческими преимуществами, какія пріобрѣло южно-малорусское поднарѣчіе надъ своимъ сѣвернымъ собратомъ, въ особенности въ эпоху козаччины и связанныхъ съ нею національно-культурныхъ движеній; но какъ бы глубоко ни было это воздѣйствіе, вызванныя имъ измѣненія не могли касаться, конечно, самаго существа природы сѣверно-малорусскихъ говоровъ,—искони общей у нихъ въ своей основѣ съ природой говоровъ южно-малорусскихъ, и ограничиваются лишь своеобразной окраской первыхъ специфическими особенностями послѣднихъ, (въ родѣ, напр., стяженія дифтонговъ, а иногда и слоговъ, развитія элемента *і* въ ущербъ другимъ небнымъ элементамъ общемалорусскихъ гласныхъ *ѣ, е*, и проч.),—что, при томъ, отражается преимущественно лишь на ближайшихъ къ южно-малорусскому поднарѣчію сѣверныхъ говорахъ.

Но, за всѣмъ тѣмъ, средняя полоса сѣверно-малорусскаго поднарѣчія осталась все таки, повидимому, нетронутой никакими посторонними вліяніями, не только съ чужаго сѣвера, но даже и изъ своего юга, и ея говоры (особенно центральный—овручско-житомирскій говоръ) и по сіе время могутъ считаться прямыми эпигонами и характерными представителями древней южнорусской рѣчи сѣверо-восточнаго типа—въ современномъ ея состояніи.

Затѣмъ, при опредѣленіи территоріи *южно малорусскаго* поднарѣчія, авторъ обратилъ вниманіе на то дѣйствительно рѣдкое

явленіе въ области діалектическихъ явленій вообще, и въ діалектологіи славянскихъ нарѣчій—въ частности, какое представляетъ *украинскій говоръ* этого поднарѣчія, составляющій, «не смотря на всю обширность своей территоріи, одно діалектическое цѣлое, которое болѣе или менѣе своеобразно окрашивается лишь на окраинахъ, въ сосѣдствѣ съ поднарѣчіемъ южно-великорусскимъ или съ говорами сѣверно-малорусскими и подольскимъ (стр. 39.)» Этотъ говоръ,—говоритъ далѣе авторъ,—сдѣлавшійся литературнымъ языкомъ живущихъ въ Россіи Малороссовъ [1]) (благодари Котляревскому, Квиткѣ, Шевченку и др.), изъ всѣхъ малорусскихъ говоровъ считается самымъ пріятнымъ для слуха по мягкости своихъ звуковъ (особенно въ устахъ уроженцевъ Полтавы, Чигирина и ближайшихъ къ нимъ мѣстъ)». (Стр. 40).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ отмѣченныхъ у автора особенностей, характеризующихъ какъ все малорусское нарѣчіе, такъ и его поднарѣчія и говоры.—Скажемъ только, что главнѣйшія изъ этихъ особенностей, на сколько мы можемъ судить объ этомъ, исчерпаны у него въ достаточной мѣрѣ, а также обстоятельно сгруппированы и правильно освѣщены въ своемъ значеніи.

Но, не касаясь вовсе частныхъ особенностей, отличающихъ другъ отъ друга поднарѣчія и говоры, мы не можемъ, однако, не остановиться, съ посильными замѣчаніями съ своей стороны, на тѣхъ общихъ особенностяхъ малорусскаго нарѣчія, опредѣленіе коихъ у автора обращаетъ на себя, въ томъ или иномъ отношеніи, особенное вниманіе

Въ перечнѣ главнѣйшихъ звуковыхъ особенностей, свойственныхъ всему малорусскому нарѣчію, первое мѣсто занимаютъ у него характерныя измѣненія *древнихъ* гласныхъ *о* и *е* [2]), въ извѣстныхъ

[1]) Слѣдуетъ добавить, что онъ возобладалъ теперь и въ галицкой литературѣ, вмѣстѣ съ которой пріобрѣлъ даже оффиціальное положеніе въ краѣ.

[2]) По принятому авторомъ правилу, онъ уравниваетъ ихъ съ *орѳографическими о* и *е*.—Но въ данномъ случаѣ тѣ и другіе не совпадаютъ, такъ какъ *орѳографическіе о* и *е* соотвѣтствуютъ также *древнимъ* ъ и ь; а въ послѣднемъ случаѣ, они, какъ извѣстно, по общему правилу, не только не подвергаются въ малорусскомъ нарѣчіи указаннымъ переходамъ, но сохраняются въ чутьѣ языка какъ особая категорія, такъ называемыхъ, *бывшихъ* гласныхъ,—иногда исчезающихъ, иногда вставляемыхъ въ словахъ, и не мѣшающихъ,—находясь въ суффиксахъ вслѣдъ за слогами съ *основными о* и *е*,—видоизмѣняться послѣднимъ, какъ и въ закрытыхъ слогахъ, напр. въ случаяхъ: кôлок—кôл-ка, кôнець—кôн—дя.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ обозначеніи конкретныхъ звуковъ (или ихъ иповъ) мы будемъ придерживаться транскрипціи, принятой самимъ авторомъ (см.

случаяхъ, въ другіе звуки. Измѣненія эти, какъ извѣстно, развились изъ первоначальнаго растяженія или долготы этихъ звуковъ въ среднихъ (закрытыхъ) слогахъ, образовавшихся вслѣдствіе паденія глухихъ *ъ* и *ь* и переходовъ *и* въ *й*,—начавшихся на южнорусской почвѣ уже въ XI—XII ст.

Въ этой категоріи измѣненій данныхъ гласныхъ авторъ вполнѣ основательно различаетъ *два* вида измѣненій гласнаго *е*: а) измѣненія аналогичныя (почти тожественныя) съ измѣненіями *о*, и б) переходъ его въ звукъ, совпадающіе съ отраженіями по говорамъ древняго основнаго *ѣ*.

Извѣстно, что такая двойственность въ характерѣ измѣненій *е*, явилась въ зависимости отъ условій, при которыхъ оно или переходило или не переходило въ *о* (=*ê*, *ьо*); достовѣрные же случаи послѣдняго перехода его, по южнорусскимъ памятникамъ, восходятъ лишь (послѣ шипящихъ согласныхъ) до XII ст. Поэтому случаи перехода *е* въ рефлексы *ѣ* несомнѣнно древнѣе втораго вида измѣненій его; что не разъ констатировано было также и авторомъ въ прежнихъ его трудахъ, равно какъ и то отчасти, что этотъ первый видъ переходовъ *е* совершался непосредственно и обнималъ собою первоначально всѣ случаи такого рода измѣненій этого звука [1]). Случаи же перехода *е*, чрезъ посредство *о* (=*е*, *ьо*), въ *ьô* (*iô*) и его современные рефлексы по говорамъ, представляютъ, конечно, уже вторичное явленіе.

Эти двоякія измѣненія *е*, сохранившіяся въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ (а отчасти и въ закарпатскихъ), но слившіяся съ

объ этомъ въ выноскѣ у него на стр. 11). Для обозначенія же обще-малорусскихъ фонемъ, будемъ пользоваться иногда графикой галицкаго, такъ называемаго,—этимологическаго правописанія, въ которомъ *ѣ*, *ê*, *ьô*, *ô*=галицко-украинскому *і*, а въ сѣверномъ поднарѣчіи—чаще разнымъ другимъ звукамъ.

[1]) Надо замѣтить, что южно-русское *е* въ древности имѣло, безъ сомнѣнія-такой же небный характеръ, какъ и нынѣшнее сѣверно-русское (бѣлорусско-великорусское) и ляшское (польско-лужицкое) *е* (=ц. слав. Ꙗ и ѧ), и отличалось отъ древняго южно-русскаго *ѣ*, по всей вѣроятности, болѣе всего своею сравнительною краткостію; вслѣдствіе чего, становясь при извѣстныхъ условіяхъ долгимъ, оно, естественно, переходило въ звукъ тожественный съ звукомъ *ѣ*, или очень близкій къ нему. Извѣстно, что изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій этотъ родъ качественныхъ измѣненій гласныхъ,—вызванныхъ аналогическими условіями,—свойственъ, одинаково съ малорусскимъ нарѣчіемъ, только однимъ нарѣчіямъ западнаго отдѣла; но изъ нихъ, только въ ляшской группѣ нарѣчій, такимъ измѣненіямъ подвергается какъ *о* такъ и *е*; что же касается чешско-словацкой группы, (не знающей перехода *е* въ *о*), то въ ней такимъ образомъ измѣняется лишь одно *о*.

теченіемъ времени въ центральныхъ (галицко-украинскихъ) говорахъ опять въ одно общее измѣненіе, (въ нихъ, какъ извѣстно, *е* измѣняется теперь лишь въ *і*,—какъ въ случаяхъ прежняго перехода его въ *ѣ*: *пѣч* изъ *пѣч*, такъ и—въ *ьо* или *іо* *пік* изъ *піок*),—имѣли, по нашему мнѣнію, весьма важныя послѣдствія и въ иныхъ случаяхъ для звуковаго строя послѣднихъ. Въ этихъ говорахъ, мы думаемъ, сліяніе измѣненій *е*—въ *іо* (и его рефлексы) съ непосредственными измѣненіями его въ *ѣ* (и его рефлексы), втянуло въ кругъ послѣднихъ и первоначальныя измѣненія основнаго *о* въ *о* (и его рефлексы), о чемъ скажемъ сейчасъ нѣсколько словъ ниже.

Такъ какъ въ связи съ сказаннымъ явленіемъ находятся и другія звуковыя явленія, отмѣченныя у автора въ другихъ мѣстахъ, то мы и разсмотримъ ихъ здѣсь же. Такъ, въ перечнѣ менѣе важныхъ, по опредѣленію автора, звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, то или другое отношеніе къ вышеозначенному явленію, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Въ числѣ ихъ отмѣченъ, напр., случай, когда «на мѣстѣ *у* послѣ согласныхъ въ разныхъ говорахъ въ отдѣльныхъ очень немногихъ словахъ слышится *і*: укр. огірокъ, заміжъ, діброва; галицк. фірманъ, кліч» (стр. 6). Можно добавить еще сюда: гліб-окий, а также слышанное нами въ Переяславщинѣ: мабіть (вм. обычнаго мабуть). (Вездѣ *і*, а не *и*). Такихъ примѣровъ найдется вѣроятно и больше, но ихъ можно встрѣтить только въ галицко-украинскихъ говорахъ. Явленіе это, мы думаемъ, представляетъ не что иное, какъ любопытный слѣдъ—въ области смежныхъ звуковъ—совершившагося въ этихъ говорахъ перехода ихъ первоначальнаго *у* изъ *о*—въ *і*, захватившаго собой изрѣдка,—подъ вліяніемъ довольно сложной комбинаціи аналогій,—какъ *у* основное, такъ и *у* соотвѣтствующее ц.-славянскимъ *ѫ* и *ѫі* [1]).—Затѣмъ, указанное авторомъ придыханіе *в* въ началѣ словъ передъ рефлексами *о* (изъ *о*), тоже характерно преимущественно для галицко-украинскихъ говоровъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь оно является также, очевидно, пережиткомъ, унаслѣдованнымъ этими говорами отъ того времени, когда въ нихъ современное *і* (изъ *о*) звучало еще какъ *у* [2]). Другаго объясненія это явленіе, повидимому, не

[1]) Переходамъ послѣднихъ *у* въ *і* могло способствовать также въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣшательство „ложнаго словопроизводства", напр. въ огірокъ—сближеніе его съ гіркій, въ заміжъ—съ міжъ, межи (между), и т. п.

[2]) Или даже раньше того,—когда оно звучало еще какъ *о* долгое или *оо*, съ закрытымъ начальнымъ *о* (=*у*). Ср. въ Галицк. Ев. ок. 1266 г. *воовьца*; Поли-

допускаетъ, такъ какъ въ южнорусскомъ нарѣчіи вообще придыханіе *в* невозможно совсѣмъ передъ начальнымъ *і* или *и*—основными, или изъ другихъ древнихъ звуковъ (*е*, *ы*, *а* и пр.).—Постоянство же этого придыханія въ галицко-украинскихъ говорахъ передъ *і* изъ *о̂*,—незнающее, кажется, ни одного исключенія, (въ нѣкоторыхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ оно можетъ иногда отсутствовать, или даже замѣняться другимъ придыханіемъ: *у*вця, *уо*вця; *го*кно и *гуо*кно),—свидѣтельствуетъ, повидимому, еще и о томъ, что здѣсь изъ *о̂*,—до перехода его въ *і*—могло быть первоначально не простое *у*, а дифтонгъ *уо̂*, перешедшій потомъ (какъ упомянуто выше,—подъ вліяніемъ аналогіи съ переходами *ьо̂* изъ *ê*),—въ *уі*, а затѣмъ уже въ *і*; причемъ передъ послѣднимъ придыханіе *в*, вѣроятно, обязано такой устойчивостію своею ассимиляціи его съ прежнимъ *у* сказаннаго дифтонга, съ которымъ оно слилось въ общее *ў* (=*в*); отсюда: *в*і́кно́, *в*і́вця́ изъ *в*ўі́кно́, *в*ўі́вця́, а это—изъ *в*ўі́кно́, *в*ўі́вця́; или, пожалуй, оно даже прямо могло образоваться изъ *у*,—безъ придыханія *в*,—изъ *у*і́кно́, *у*і́вця́=*у*̆і́кно́, *у*̆і́вця́=*в*і́кно́, *в*і́вця́. Косвеннымъ подтвержденіемъ сказаннаго предположенія о дифтонгѣ *уі*, предшествовавшемъ современному *і*, можетъ служить и то, что въ большинствѣ галицко-украинскихъ говоровъ, особенно въ сѣверо-западныхъ говорахъ, согласные, стоящіе передъ такимъ *і* въ серединѣ словъ, не смягчаются: *ніс* (носъ), *тік* (токъ) звучатъ какъ *ныс*, *тык*, явившись здѣсь, очевидно, изъ *нўіс*, *тўік*, а эти изъ *нуіс*, *туік*,—въ противоположность созвучнымъ имъ: *нїс*=*ныс* (нѣсъ), *тїк*=*тык* (тѣкъ), которые, должно быть, возникли также изъ первоначальныхъ: *нюіс*, *тюік*.

Вообще, переходы общемалорусскихъ *о̂* (изъ *о*) и *ê* (изъ *е*) въ разные звуковые рефлексы по говорамъ, слившіеся затѣмъ въ галицко-украинскомъ поднарѣчіи въ одно *і*, представляютъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій малорусской фонетики. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ удѣлять много мѣста подробному изложенію нашихъ мыслей объ исторіи этихъ переходовъ. Но, для поясненія, сдѣланныхъ нами замѣчаній объ обстоятельствѣ, вызвавшемъ конечный результатъ ихъ въ галицко-украинскомъ поднарѣчіи, мы должны хоть вкратцѣ формулировать нашъ общій взглядъ на послѣдовательный ходъ развитія этого фонетическаго процесса и на причины, обусловившія данное его направленіе.

карп. Ев. 1307 г. *воотца*, *волтарь*; Луцк. Ев. XIV в. *въть*. (См. объ этомъ „Лекціи“ Соб. стр. 114.

По общимъ законамъ южнорусской фонетики, путемъ физіологическимъ могли переходить: *ѣ* и *е* неударяемые (а *ѣ* и ударяемое)—въ *ї*; *е* (а вѣроятно и вторичное *ѣ* изъ него) передъ твердыми согласными—въ *ё* (=*ьо*, *іо*); *ё* неударяемое въ *ю*; затѣмъ *е* (=*э*) неударяемое въ *и* (=*ы*),—и наоборотъ, и наконецъ *о* неударяемое въ *у*. Но этимъ путемъ ни прямо, ни косвенно (черезъ другіе звуки) не могли перейти,—при однихъ и тѣхъ же нормальныхъ условіяхъ,—*ё* и *ю* въ *е*, *ѣ* или *ї*, а *юо*—въ *юе* или *юї*; и, тѣмъ паче, *о* и *у*—въ *е* и *и*, а *уо* въ *уе* или *уи*, въ особенности—въ *уе*, *уі*, *ьі* и даже *ї* (=*ьі*). Послѣдняго рода непосредственныхъ переходовъ собственно *ô* и *ê* не знаютъ также и остальныя славянскія нарѣчія, раздѣляющія съ малорускимъ фонетическую категорію качественныхъ измѣненій растяженныхъ гласныхъ *о* и *е*[1]). Очевидно, что подобные переходы однихъ звуковъ въ другіе могли явиться въ малорусскомъ нарѣчіи какимъ нибудь инымъ путемъ, въ сущности нарушающимъ даже нормальные законы ихъ физіологическихъ измѣненій, а именно—путемъ аналогіи съ соотвѣтственными нормальными переходами другихъ звуковъ, связанныхъ съ первыми единствомъ происхожденія или физіологическимъ сходствомъ. — Поводъ къ такой аналогіи, какъ уже было замѣчено выше, поданъ былъ случаями физіологическаго измѣненія первоначальнаго *е* въ *ьо* (*ё*) и послѣдовавшимъ затѣмъ раздвоеніемъ переходовъ *ё* (=*ê*): въ *ѣ*[2] *и* въ *ьô* (=*iô*).

Благодаря этому раздвоенію, создались условія, благопріятствующія пріурочиванію, съ одной стороны, рефлексовъ *ьô* (*іô*) къ рефлексамъ однороднаго съ нимъ *ѣ*[2]; съ другой—рефлексовъ *ô* къ рефлексамъ созвучнаго съ нимъ *ьô* (*іô*). Пріурочиванія эти произвели по говорамъ ряды *смѣшанныхъ варіантовъ*—рефлексовъ ьô (*іô*) и ô съ рефлексами *ѣ*,—не представляющихъ правильной физіологической связи ни другъ съ другомъ, ни съ нормальными рефлексами этихъ фонемъ, и не дающихъ поэтому возможности установить—изъ всей совокупности существующихъ нынѣ по говорамъ варіантовъ измѣненій *ê* и ô,—формулы послѣдовательнаго и постепеннаго въ физіологическомъ смыслѣ перехода ихъ въ одно общее восточно-украинское *ї*, ибо такого перехода въ послѣднемъ смыслѣ и направленіи, какъ сказано выше, и не могло быть.—Но, тѣмъ не менѣе, существуетъ извѣстная правильная преемственность въ самомъ ходѣ возникновенія и

[1]) Исключенія не составляетъ и древнее полабское нарѣчіе, въ которомъ частое *ü* изъ обыкновеннаго *o* (ср. напр. raivü=pivo), ошибочно принимается нѣкоторыми за *i* изъ спеціальнаго *ô*. Тоже слѣдуетъ сказать и о кашубскомъ *e* изъ *u* (*у*).

развитія этихъ варіантовъ, и, съ этой точки зрѣнія, процессъ послѣдовательнаго образованія разныхъ, существующихъ нынѣ по говорамъ отдѣльныхъ физіологическихъ группъ рефлексовъ *ê* и *ô*, и постепеннаго перехода, путемъ аналогій, отъ однихъ группъ къ другимъ,— отъ нормальныхъ къ смѣшаннымъ, а отъ послѣднихъ къ общему *i*,— можетъ быть болѣе или менѣе точно формулированъ и выраженъ вкратцѣ въ видѣ слѣдующей схемы переходовъ [1]):

Группы нормальныхъ и смѣшанныхъ рефлексовъ *ê* и *ô* по говорамъ въ порядкѣ послѣдовательнаго ихъ образованія:

---

[1]) Въ приведенной схемѣ ударяемые звуки обозначены косой чертой-грависомъ (′); неударяемые-знакомъ краткости (˘); долгота безъ измѣненій качествъ звука—горизонтальной черточкой (—);—съ измѣненіями—кровелькой или циркумфлексомъ (˘); буквы ъ и ь передъ гласными обозначаютъ: первый—твердость предыдущаго согласнаго, послѣдній—мягкость его; *ю̈*—нѣмецкому *ü*; ⋖обозначаетъ развѣтвленіе⋗;—смѣшеніе рефлексовъ подъ вліяніемъ аналогіи;═знакъ нормальнаго развитія рефлексовъ въ физіологическомъ отношеніи;—и $\frac{\circ}{\circ}$ знаки физіологическихъ чередованій звуковъ;—|—указатель результатовъ смѣшенія рефлексовъ подъ вліяніемъ аналогіи;... ряды существующихъ нынѣ, вмѣстѣ съ другими, по говорамъ рефлексовъ *ô* и *ê*.

	Древніе обще-малорусск. и отчасти современные подляшскіе.	Позднѣйшіе обще-малорус. и соврем. въ коренныхъ сѣв.-малор. говорахъ.	Прежніе галицко-украинскіе и современные—въ переходныхъ въ галицко-украинскимъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ.			Современные галицко-украинскіе.
ê (изъ ē)=	ѣ (ïє)=	ïè=è (— ĭ) / ïe=ï =ï	→ юè – юï = è – i / → ю̀е – ю̀ï = ю – i =ï	⟶	⟶	ї(=ьі)
	ѣ (iə)=	iò=ьô (ёò)=юё / ю́ё =ю			→ уè – уï = ъè – ъi / ýе – ýi = ъю̈ – ъi =i	i(=ъi)...
ô (изъ ō)=	(о о)=	(оò—òо)=уò / ỳо =у	⟶	→ уé – ỳй = é – и / ỳе – ýи = è – ы =и		

Пояснимъ данную схему примѣрами, взявъ для этого слова́ тек-ток-, въ разныхъ морфологическо-семазіологическихъ измѣненіяхъ ихъ. *Е* въ теч-теч (теч-а, тек-ти́: тē̄ч-тē̄к=тê̄ч-тê̄к) видоизмѣнилось слѣдующимъ образомъ: *ê* изъ *ē* давало первоначально *одинъ* физіологическій рефлексъ *ѣ*, съ *двумя* лишь оттѣнками его: тѣч=тіеч; (теча) и тѣк=тіэк (тёкъ). Изъ *перваго* оттѣнка (*іє*) развились физіологическіе варіанты по говорамъ, оставшіеся въ нихъ доселѣ: тіє́ч—тє́ч, тіеч—тіч. Изъ *втораго* оттѣнка (*іэ*), давшаго *іō-ьō-ьô* (послѣ переходовъ є въ *ьо—ё*), образовались физіологическіе варіанты по говорамъ, бывшіе нѣкогда общемалорусскими, но уцѣлѣвшіе теперь только въ коренныхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ: тіо̀к,—тёо̀к—тюёк—тю́ёк—тюк; затѣмъ, подъ вліянемъ аналогіи съ варіантами перваго оттѣнка *ѣ*, возникла категорія рефлексовъ смѣшаннаго характера, со слѣдующими ихъ физіологическими варіантами, бывшими нѣкогда и въ галицко-украинскихъ говорахъ, но теперь оставшимися только въ *переходныхъ* къ нимъ—сѣверно-малорусскихъ говорахъ: тює́к—тє́к,—тю̀єк—тю̈к,—тю́їк—тюі̀к—тї̀к; наконецъ въ галицко-украинскихъ говорахъ изъ этихъ варіантовъ остался лишь послѣдній,—общій для *ѣ* и *іô* (изъ *ѣ=іє* и *ѣ=іэ*): тї̀к (=тьік).

О въ ток (точ-ити, ток-ова-ти: тō̄к=тô̄к) звучало первоначально какъ *о̀о—оо́*, слѣды чего остались въ нѣкоторыхъ подляшскихъ говорахъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Изъ *оо*, въ тôк, развились потомъ слѣдующіе основные, обще-малорусскіе физіологическіе рефлексы, сохраняющіеся понынѣ только въ коренныхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: туо́к—ту́ок—тук,— т. е. рефлексы параллельные и созвучные съ первоначальными рефлексами *іô*, *ьô*. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся изъ послѣднихъ смѣшанныхъ рефлексовъ: *ює* и проч., образовалась категорія аналогичныхъ съ ними рефлексовъ: *уе́* и проч; ср. туе́к—тѐк, ту́ек—тэ́к, туи́к—ты́к; эти рефлексы остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ,—ближайшихъ къ галицко-украинскимъ. Вслѣдъ за симъ, въ тѣхъ говорахъ, въ коихъ болѣе или менѣе возобладали смѣшанные рефлексы изъ *ьô* и *ѣ=ює* и пр., еще болѣе усилилось вліяніе послѣднихъ на аналогичные съ ними рефлексы *ô=уе* и проч., и, видоизмѣнивъ ихъ въ соотвѣтственномъ направленіи, образовало вторичную категорію этихъ смѣшанныхъ рефлексовъ, давъ: туе́к—тъе́к, ту́ек—тъю́к,—ту́ік туі̀к—тъік—тік.

Наконецъ, въ галицко-украинскихъ говорахъ *і*, сдѣлавшись общимъ какъ для *ѣ* и *іô* такъ и для *ô*, постепенно перешло въ вос-

точно-украинскихъ говорахъ въ одно мягкое *ї*: тї́ч (=тьіч), тї́к (=тьік)— общее для первоначальныхъ тѣч, тьôк и тôк.

Этотъ процессъ послѣдовательныхъ историческо-діалектическихъ превращеній *ê* и *ô*, благодаря традиціонной орѳографической дисциплинѣ и отсутствію готовыхъ графическихъ средствъ для обозначенія соотвѣтственныхъ звуковъ, лишь слегка отразился въ нѣкоторыхъ данныхъ южно-русскихъ письменныхъ памятниковъ [1]).

Ѣ, изъ *ê*=*іе*, встрѣчается уже въ половинѣ XII в. въ Добриловомъ Евангеліи: шѣсть и проч., а *и* вм. этаго *ѣ*-въ XIV в. въ галицкикъ грамотахъ: ш*и*сть ш*и*стдесять, ш*и*стьцятого (Жит. Оч. Зв. 353,—4,—6). Въ томъ же Добр. Ев. XII в. находимъ также *ѣ* изъ *ê*=*іэ*: въ нѣмь, въ нѣй, въ всѣмь, въ *всѣй*, въ твоѣмь, въ твоѣй. Затѣмъ *ю* (изъ *і ô*), вм. *ѣ*=*іэ*,— впервые появляется въ Типографс. Ев. XII—XIII в.: щ*ю*дръ. Потомъ оно становится чаще: въ галицк. грам. XIV ст. по н*ю*й... сво*ю*й; также Шюльжич*ю*въ,— рядомъ съ по *î*ной, Васил*î*овъ (Жит. Оч. Зв. 354,—5); въ гр. К. Кн. Сем. Ал. XV в: при вс*ю*й, при вс*ю*мъ; въ Пересопн. Ев. XVI в. (1561 г.): н*ю*сль, *ю*й, по с*ю*й, злодѣ*ю*вь; въ XVII в. еще чаще: въ сво*ю*мъ, о н*ю*мъ, въ вс*ю*мъ, непріятел*ю*въ, старц*у*въ, и проч. (Жит. Оч. Лит.). Оно употребляется затѣтъ и въ XVIII в., вплоть до конца его (очевидно лишь по орѳографической традиціи) даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ навѣрно давно уже въ живой рѣчи вм. его возобладало *і*. Что касается послѣдняго, то его вм. *ю* мы встрѣчаемъ впервые уже въ XIV в. въ Путенск. Ев.: о мо*и*мь, о... сво*и*мь, во... тво*и*мь; но здѣсь кажется *и* вслѣдствіе смѣшенія формъ мѣстн. пад. съ формами творительнаго; *и* вм. *ю* едва ли возможно было уже въ это время. Вполнѣ достовѣрные случаи *і* изъ *ь ô* являются лишь въ памятникахъ XVII в., то въ видѣ *ѣ*, которымъ обозначалось тогда уже лишь мягко *і*,

---

[1]) Приводимыя въ этой статьѣ данныя изъ древнихъ памятниковъ почерпнуты главнымъ образомъ изъ „Лекцій по исторіи рус. языка“ проф. Соболевскаго, изд. 2-ое, и изъ трудовъ П. И Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи“ и „Очеркъ литературной иторіи“ малорусскаго нарѣчія. Въ ссылкахъ на нихъ мы будемъ обозначать для краткости трудъ перваго: „Соб. Лек.“, а труды послѣдняго: „Жит. Оч. Зв.“ и „Жит. Оч. Лит.“—Что касается приводимыхъ здѣсь данныхъ изъ *грамоты кіевскаго князя Семена Александровича 1459 г.*, обозначаемой у насъ „Гр. К. Кн. Сем. Ал.“, то онѣ взяты нами непосредственно изъ копіи этого памятника на сквозной бумагѣ, хранящейся въ архивѣ Кіевской Археографической Комиссіи, и доставленной ей покойнымъ Иванишевымъ. Въ палеографическомъ отношеніи копія эта недаетъ ни какихъ поводовъ сомнѣваться въ томъ, что она снята съ южнорусскаго подлинникатого времени.

то въ видѣ *и*—обозначавшаго и *і*, и *и* твердое: зт*ѣ*къ, выв*ѣ*лъ, о ч*и*мъ, оущ*и*рбок. (Жит. Оч. Лит. 124, 158).

ОО изъ ō встрѣчается въ Гал. Ев. 1266 г.: в*оо*вьця, и проч., но въ тоже время, а можетъ быть даже и раньше, рядомъ съ нимъ могло быть также и *у*; ср. въ типогр. Ев. XII и XIII в. суб*у*тный, и пр. Это *у* изъ *ô*,—какъ и *ю* изъ *ьô*,—встрѣчается затѣмъ въ памятникахъ XIV и слѣдующихъ столѣтій—до конца XVIII; въ послѣднихъ двухъ столѣтіяхъ (XVII й XVIII) вѣроятно также по орѳографической привычкѣ къ нему. Ср. напр. въ грамотахъ XIV—XV ст.: добров*у*льно, пр*у*звищемъ (Жит. Оч. Зв. 354,—5); въ гр. К. кн. Сем. Ал. XV в. ꙋнъ; въ Пересопн. Ев. XVI в.: тв*у*й, ст*у*й, и т. п., въ XVII ст. плꙋтъ (Лекс. Берынды), и проч. Первый разъ вполнѣ достовѣрное свидѣтельство о начавшемся переходѣ *ô* въ *і* встрѣчаемъ въ Пересопн. Ев. 1561 г. въ словѣ в*і*дповѣдаю (—при томъ въ формѣ *ві*), хотя спорадически оно могло появиться и нѣсколько раньше [1]). *И*, или даже *і* изъ *ô* навѣрное достаточно уже установилось въ XVII в.; ch. раз*и*въ (Тестаментъ игумена Густынскаго монастыря), уб*и*ръ (словарь Берынды; но здѣсь *и* можетъ быть изъ *ьô*, по аналогіи съ польскими ubiór), и проч. Остаются вопросы: почему сѣверные малорусскіе говоры въ измѣненіяхъ *е* и *о* оказались консервативнѣе южныхъ, и что особенно благопріятствовало въ послѣднихъ вліянію измѣненій *е* на измѣненія *о* и образованію смѣшанныхъ рефлексовъ, а также сведенію ихъ къ одному *і*? Но эти вопросы мы оставляемъ пока открытыми и возвращаемся къ разсмотрѣнію другихъ особенностей малорус. нарѣчія.

Въ качествѣ второй главной особенности общемалорусскаго вокализма отмѣчена у автора группа звуковыхъ рефлексовъ древняго (=орѳографич.) *ѣ* (стр. 4). Система ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи наиболѣе сходна съ системой рефлексовъ сербско-хорватскаго *ѣ* (=*je*—*ije*; *i*; *e*). Но встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ *е*—*и*, какъ изъ *ѣ* основнаго (б*и*дà—б*е*дà—б*е*дъ), тамъ и изъ *ѣ* вторичнаго (изъ *ê*: пѐч, пудъ п*ѝ*ччю и проч.) отвердѣли, повидимому, (особенно послѣ губныхъ и плавныхъ) подъ вліяніемъ твердыхъ *е* (изъ основн. *е* и *ь*) и *и*. Въ большинствѣ же говоровъ общемалорусское *ѣ* отличается въ физіологическомъ отношеніи отъ общемалорусскихъ *е* и *и* мягкостью и преобладаніяхъ въ его звуво-

[1]) Въ случаѣ: оу теребовльск*и*й волости, въ грам. Гнѣвоша 1393 г.,—*и* или по ошибкѣ, или это полонизмъ (вм. польск.—skiej). Сомнительно также *и* въ пок*и*ль вм. пок*у*ль, въ гр. кн. Кобринскаго 1479 г.

выхъ рефлексахъ небнаго элемента *ї* надъ *є*. Рефлексы основнаго общемалорусскаго *ѣ* могутъ имѣть только два физіологическія измѣненія, сводящіяся къ звукамъ типа *є* или *і*, или обоихъ вмѣстѣ—*іє*, не подвергаясь при томъ тѣмъ спеціальнымъ переходамъ въ другіе звуки, какіе свойственны общемалорусскому *е* и его рефлексамъ. Поэтому двѣ эти малорусскія фонемы не смѣшиваются въ чутьѣ языка какъ въ сѣверно-русскихъ нарѣчіяхъ (б.—русскомъ и в.—русскомъ), въ коихъ *ѣ* и *е*, совпадая въ основномъ своемъ качествѣ а, во многихъ случаяхъ, также и въ физіологическихъ видоизмѣненіяхъ,—почти отожествились. Древній общемалорусскій *ѣ* былъ несомнѣнно долгій звукъ, заключавшій въ себѣ элементы *і* и *є*, отчего онъ очень рано сталъ переходить то въ тотъ, то въ другой звукъ. Звукъ *і* вмѣсто *ѣ* въ южно-русскихъ памятникахъ встрѣчается уже въ XI ст., напр.: со ст*и*ны (въ Словахъ Григорія Богослова), смотр*и*ти (тамъ же и въ Изб. Свят.) и проч. Въ виду случаевъ чередованія въ Изб. Свят. 1073 г. *ѣ* съ *и*, *е* и ѥ: исц*ѣ*ли, исц*и*ли, смотр*и*въши, въразум*и*ниѥ, в*е*рую, съвѣд*е*тель; гнієвъ, и проч., можетъ быть, встрѣчающееся въ этомъ памятникѣ оригинальное йотированное *ѣ*=іѣ въ словахъ: іѣсти, своеіѣ, ієіѣ (род. ед.),—и не простая орѳографическая прихоть, а попытка писца выразить дифтонгъ *іє*, который могъ уже и тогда развиться изъ долгаго южнорусскаго *ѣ*. Если редакцію грамоты кіевскаго князя Семена Александровича 1459 года признать чисто мѣстной—кіевской (въ чемъ мы не сомнѣваемся), то оттѣнки *ѣ*, выразившіеся въ Изб. XI в., продолжали существовать въ Кіевщинѣ еще и въ XV ст. Ср. въ этой грамотѣ: л*ѣ*сомъ, р*ѣ*кою, хот*ѣ*въ и проч., рядомъ съ л*е*сами, р*е*кою, д*е*ти и съ посмотр*и*ти, д*и*дизнѣ, зав*и*шенъемъ. Теперь, какъ извѣстно, эти оттѣнки *ѣ*, вмѣстѣ съ дифтонгомъ изъ него *іє*, сохраняются только сѣвернѣе Кіева, въ области современныхъ полѣшскихъ говоровъ, а малорусскій говоръ Кіева и его окрестностей примкнулъ уже цѣликомъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, къ говорамъ галицко-украинскаго поднарѣчія, имѣющаго на мѣстѣ древн. *ѣ* одно лишь мягкое *ї*.

Третьей существенной особенностію общемалорусскаго вакализма, обозначенной у автора, является одинаковое произношеніе древнихъ (=орѳографическихъ) *и* и *ы*. Относительно этого общаго для нихъ звука, обозначаемаго у автора, по принятому правилу, однимъ *и*,—совершенно вѣрно замѣчено имъ, что это *и* произносится по говорамъ различно, то мягче велико-русскаго *ы* и уверже *и*, то вполнѣ какъ *ы*, при чемъ мягкіе согласные предъ ними *отвердѣли* и, какъ

сказано у автора, напр. «древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*: *ли*хо [1]), или какъ великорусское твердое *л*: *лы*хо» [2]). (Стр. 4).

Кажется, смѣшеніе *ы* съ *и*—явленіе довольно старое на южнорусской почвѣ, хотя оно и моложе аналогичнаго южно-славянскаго явленія. Однако *и* вм. *ы*, изрѣдка встрѣчающееся уже въ Изб. Свят. 1073 г. (неправд*и*, закон*и*, р*и*ба)—можетъ быть, и не одни только болгаризмы. Въ послѣдствіи употребленіе буквы *и* вм. *ы* сдѣлалось довольно обычнымъ въ памятникахъ южнорусской письменности.— Но оно является раньше и становится обычнѣе въ памятникахъ восточныхъ областей Южной Руси [3]), чѣмъ западныхъ, въ орѳографіи которыхъ *ы*, за немногими исключеніями, долго еще сохраняется на своемъ мѣстѣ, поддерживаемое очевидно примѣромъ польской и бѣлорусской письменности и рѣчи. Изъ болѣе раннихъ памятниковъ средняго періода ю.-русской исторіи, принадлежащихъ къ первой категоріи, *и* вм. *ы* довольно часто встрѣчается въ грамотѣ кіевскаго кн. Семена Александровича (1459 г.): не мал*и*мъ, мал*и*ми, и он*и*ми (прион*ы*хъ), отчизн*и* и дидизн*и* (род. ед.). Что же касается *ы* вмѣсто *и*, какъ вполнѣ уже достовѣрнаго признака спорадическаго отвердѣнія послѣдняго, то оно явилось очень рано,—преимущественно въ западныхъ памятникахъ. Оно встрѣчается въ нихъ уже въ XII ст., напр. въ Добриловомъ Ев. (1164 г.): погуб*ы*выи, прос*ы*ти, сотн*ы*къ. Затѣмъ ср. также въ «Раздѣльной» кн. Збаражскихъ, писанной въ Вишневцѣ (на Волыни) 1482 г.: л*ы*стъ, што сѧ достал*ы* (при достал*и*), В*ы*шнѣвецкими (при В*и*шнѣвець) [4]) Давно уже замѣчено, что данной чертой своего вокализма (смѣшеніемъ *и* съ *ы*),—какъ и отвердѣніемъ *е*,—южнорусское нарѣчіе отступаетъ отъ общихъ признаковъ, характеризующихъ весь ляшско-русскій отдѣлъ славянскихъ нарѣчій, и

---

[1]) *Ly*cho или *ły*cho. Надо замѣтить, что въ тѣхъ говорахъ (преимущественно восточно-украинскихъ), въ которыхъ передъ *и* имѣется изъ отвердѣвшаго „среднее“ *л*, такъ же *средне* произносятся и другіе твердые согласные (особенно въ устахъ женщинъ), при томъ не только передъ *и*, но и передъ другими гласными: пл*е*че, ход*и*ла, гол*о*вка, гол*у*бка. ника*ти*, *нести*, и т. п. произносятся *почти* какъ: плъече, ходъілъя, голъёвка, голъюбка, *нъїкатъі*, *нъестъі*.

[2]) *Ły*cho.

[3]) Вслѣдствіе чего Мелетій Смотрицкій, какъ строгій блюститель традиціоннаго правописанія, въ своей грамматикѣ (напечатанной въ 1619 г.), требуетъ между прочимъ, чтобы „не писать... *ы* вмѣсто *и*, и на оборотъ“. (Жит. Оч. Лит. 23). Первое относилось, очевидно, болѣе къ западнымъ писцамъ, послѣднее—къ восточнымъ.

[4]) См. Archiwum Ks. Sanguszków. T. I. Львовъ 1887 г. стр. 80, 81.

сближается съ характеромъ вокализма чешско-балканскаго діалектическаго отдѣла. Однако въ данномъ пунктѣ сходство съ послѣднимъ ограничивается лишь собственно самымъ процессомъ этимологическаго смѣшенія и отожествленія рефлексовъ основнаго *ы* и *и*; но при этомъ,—есть существенная разница въ направленіи и конечныхъ результатахъ этаго процесса тамъ и здѣсь. Въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла рефлексы *ы* перешли въ *і*—хотя при этомъ иногда болѣе или менѣе сохранилась твердость предшествовавшихъ имъ согласныхъ; въ малорусскомъ же нарѣчіи, наоборотъ, рефлексы *і* отождествились съ *ы*, при чемъ находившіеся передъ ними мягкіе согласные окончательно отвердѣли: к*ни*га, *ни*ва и проч. произносятся въ большинствѣ говоровъ какъ к*ны*га, *ны*ва,—въ меньшинствѣ, почти, какъ кнь*і*га, *нъі*ва,—одинаково съ *ни*ряти=*ны*ряты и *нъі*рятъ*і*, и т. п. (Ср. србс. кнь*и*га, *ньи*ва, при по*ни*рати и проч.).

Затѣмъ идетъ у автора характеристика обще-малорусскаго *е*, ограничивающаяся впрочемъ указаніемъ лишь на твердое произношеніе передъ этимъ гласнымъ древнихъ мягкихъ согласныхъ, такъ что напр. «*не* произносится ближе къ *нэ*, или даже какъ *нэ*», при чемъ др. мягкій *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*[1]) или какъ в.-русское *л* (стр. 5). Но характеръ малорусскаго *е* заслуживаетъ нѣсколько бо́льшаго вниманія. Во 1-хъ, стоитъ замѣтить, что хотя малорусское *е* произносится, повидимому, въ той же степени твердо, какъ и *е* въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла но отвердѣніе согласныхъ передъ нимъ въ малорусскомъ нарѣчіи проведено гораздо полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ (особеоно—въ словацкомъ), такъ что даже специфически-мягкій малорусскій *ц* не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, на что и авторъ обратилъ вниманіе—въ другомъ мѣстѣ, приведя въ примѣръ: лиц*е*,—при лиц*я*, лиц*ю* (стр. 7). Во 2-хъ, отвердѣніе согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи передъ *е* является не только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно=ц. славянс. *е* и *ь*,—какъ это главнымъ образомъ установилось въ вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ,—но и тогда, когда это *е*=ѥ (изъ *jo*): пол*е*, мор*е*, хвал*е*ний, до *не*го. (Ср. словинск. po*lje*, mo*rje*, hva*lje*ni*e*, *nj*gov; срб. поѣ*е*, хваѣ*е*ни, ѣ*е*гов.). Вообще м.-русское нарѣчіе избѣгаетъ небнаго *е* «смягчающаго предыдущіе согласные; такое *е*, или *є*, встрѣчается только послѣ *j* (*є*сть, бїга*є*=*j*есть, бїга*j*е)

---

[1]) См. объ этомъ выше, въ выноскѣ, о согласныхъ передъ *и* и другими гласными. Вмѣсто приведеннаго здѣсь у автора польскаго написанія такого *л* въ *łeczu*, можетъ быть, точнѣе было бы написаніе: *łieczu*.

и послѣ другихъ согласныхъ,—когда оно происходитъ изъ древнихъ стянутыхъ: jь+jь, *ьjо—ије*: укр. *синє*, *лїтнє*, *третє*, *зїлле* или *зїлє*, и проч.

Не смотря однако на такую степень отвердѣнія,—м.-русское *е* отличается съ другой стороны отъ южно-славянскаго и чешско словицкаго тѣмъ, что сохранило много фактовъ своей прежней измѣняемости въ извѣстныхъ случаяхъ въ *ё* (*ьо*),—какъ въ нарѣчіяхъ сѣверно-русскихъ и ляшскихъ. Но только это *ё* (*ьо*) изъ *е*, какъ правильно замѣтилъ авторъ, «въ малорусскомъ нарѣчіи слышится въ несравненно меньшемъ количествѣ словъ, чѣмъ въ нарѣчіяхъ великорусскоомъ, и не находится въ какой либо зависимости отъ ударенія» (стр. 5) [1]). Добавимъ, что здѣсь и остальныя условія появленія *ё* (*ьо*) изъ *е*, нѣсколько иныя, чѣмъ въ сѣверно-русскихъ нарѣчіяхъ [2]). У автора отмѣчено наиболѣе частое появленіе такого *о* (ё) послѣ *j* и шипящихъ согласныхъ, передъ твердыми согласными,—что совершенно вѣрно. Но и передъ твердыми согласными,—если они отвердѣли передъ *е* или *и*, или передъ исчезнувшимъ *ь*,—то *о* изъ *е* не бываетъ тоже и послѣ шипящихъ и *j*. На концѣ словъ также рѣдки случаи появленія *о* изъ *е*. Наконецъ послѣ губныхъ согласныхъ возможно только, какъ наслѣдіе старины,—*ѣ* (=*ѣ*, *іѣ*=укр. *ї*), но никогда *ё* (*ьо*); послѣднее весьма рѣдко также послѣ *р*: *рѣбра* (=с.-рус. *рёбра*).

Далѣе у автора отмѣчены также тѣ рѣдкіе случаи, когда на мѣстѣ не отвердѣвшаго *в*, въ значительной части малорусскихъ говоровъ слышится *а* (т. е. *я*): *життя*, *весілля*, *весіллямъ* (тв. ед.), *весіллячко*. (Стр. 6). Такая же замѣна *в* (или *е* изъ *в*) чрезъ *я* (*а*), встрѣчается еще во многихъ украинскихъ говорахъ въ причастныхъ формахъ глаголовъ I и IV кл. (на-*ти*,-*ити*): *мѣтяний*, *трясяний*, *стрижаний*, *пѣчаний*, *нѣсяний*, *хваляний*, *варяний* *сóляний*, *рóбляний*, *тáяний*, *дóяний*, *ýчаний*, *сáджаний*, (отъ *садити*), *мішаний* (отъ *місити*) и проч. (вм.—*ений* съ *е* безъ ударенія) [3]) Въ обо-

[1]) Намъ кажется, однако, что положеніе это нуждается еще въ болѣе тщательной провѣркѣ. Если не теперь, то раньше, на переходы *е* въ *о*, ударніе имѣло, повидимому, извѣстную долю вліянія во всѣхъ нарѣчіяхъ ляшско-русскаго отдѣла.

[2]) Въ сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи находимъ сочетаніе нѣкоторыхъ условій перехода *е* въ *ё* (*ьо*) южнорусскихъ (*ёгó*=*jоьд*) съ основными условіями обще-сѣвернорусскими (*плечó*); при чемъ ударяемое *é* передъ твердыми согласными всегда=*ё* (*печóный*),—но не передъ мягкими (*éжиться*,—но не *ёжиться*, какъ въ южно-великорусскомъ).

[3]) Но въ тѣхъ же формахъ, съ характеромъ прилагательныхъ и ударяемымъ *е*,—послѣднее въ *я* не переходитъ: *пичéний*, *хвалéний*, *варéний*, *учéний*, *солéний* (=ц. слав. *солѥнъ*, при болѣе частомъ *солóний*=ц. слав. *слань*).

ихъ этихъ случаяхъ *я* (*а*) вм. *е* (е) явилось, несомнѣнно, подъ вліяніемъ аналогіи съ другими соотвѣтственными формами,—поддержанной избѣганіемъ весьма рѣдкаго вообще въ м.-русскомъ нарѣчіи зв. *е*. Въ первомъ случаѣ *я* (а) явилось подъ вліяніемъ, съ одной стороны, формъ сущ. ср. р. ед. ч. съ темой на *н*: укр. сім*йа*, тім*йа*,—*йа*мъ (тв. ед.),—*йа*чко, и проч., и вѣроятно также—уравненныхъ съ ними формъ, съ темой на *т*: ягн*я*, тел*я*, лош*а*,—*я*мъ (тв. ед.),—*я*тко, и проч.; съ другой—подъ ввіяніемъ формъ «собирательныхъ» существительныхъ ср. р., примыкающихъ къ формамъ мн. ч: ли́ст*я*, камінн*я*, корінн*я*, пір*йа*,—*я*мъ (тв. п.),—*я*чко, и проч.,—камъ: ли́ц*я*, я́йц*я* (им. мн.) и проч. Ср. въ Пересопницк. Ев. XVI в.: писан*ѧ*, выображен*ѧ*, выречен*ѧ*, одѣн*ѧ* (вм. *е*—*іе*) (Жит. Оч. Зв. 360—362); у Галятовскаго (въ XVII в.): камѣнь*ѧ*, камѣнь*ѧ*мъ (Жит. Оч. Лит. 26). Во второмъ случаѣ—подъ вліяніемъ *я*—*а* въ причастныхъ формахъ глаголовъ III, V и VI кл. (на—*я*чи,—*а*ти,—ов*а*ти): са̀дж*а*ний (отъ саджа̀ти), міш*а*ний (отъ міш*а*ти), дѐрж*а*ний, леж*а*ний, мовч*а*ний, сто̀*я*ний, сі*я*ний, ві*я*ний, пис*а*ний, даро̀в*а*ний, и проч.—Такія формы съ—*я*ний вм. *е*ний тоже не рѣдкость въ памятникахъ, преимущественно XVII в.

Что касается отмѣченныхъ авторомъ весьма рѣдкихъ случаевъ перехода *о* въ *а* передъ *а* въ слѣдующемъ слогѣ: б*а*га̀тий, г*а*ря́чий и пр. (стр. 5, 6), то здѣсь первое *а* явилось подъ вліяніемъ втораго, и это едва ли можетъ быть отнесено къ проявленіямъ физіологическихъ свойствъ м.-русскаго *о*. Гораздо характернѣе для послѣдняго указанные авторомъ другіе, болѣе частые случаи перехода его безъ ударенія въ *у* (стр. 5). Кромѣ приведеннаго имъ: *у*пять,—*у* (и *ю*) вм. *о* (и *ё*) слышится также въ п*у*жа̀р, м*у*ги́ла, ч*у*му́, *ю*му́ и т. п. Въ темахъ *ува*, *юва* вм. *ова*—*ёва* (куп*ува*ти, танц*юва*ти) *о*, *ё* рѣшительно измѣнилось въ *у*, *ю* подъ вліяніемъ, очевидно, темъ изъявит. и повелит. накл.: куп-*у*-ю,—*у*й; танц-*ю*-ю,—*ю*й, и проч.; но, въ сложныхъ формахъ, *о*, *ё* подъ удареніемъ, возстанавливается: скуп*о̀в*увати витанц*ёв*увати.

Что касается обще-малорусскаго консонантизма, то къ главнѣйшимъ особенностямъ его авторъ относитъ (стр. 5), во 1-хъ, сохраненіе въ большинствѣ говоровъ древнихъ (=орѳографическихъ) звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ и въ срединѣ словъ передъ глухими согласными (лобъ, богъ, дідъ, ніжъ, візъ, ніжка, а не лопъ, бохъ и т. п.); въ чемъ, замѣтимъ, изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ малорусскимъ сходится, кажется, до извѣстной степени, одно лишь-

сербское; и, во 2-хъ, образованіе изъ древнихъ мягкихъ губныхъ согласныхъ *б*, *в*, *м*, *п*, передъ *а* (*я*) комплексовъ: *бj*, *вj*, *мj*, *пj*; при чемъ губные звучатъ твердо (*вjа*ну=*въя*ну и пр. [1]). Приводится какъ исключеніе *свя*тий; но это слово произносится или какъ сь*въя*ти́й, или, чаще, какъ сь*вати́й*. Отмѣчены также случаи замѣны здѣсь *j* чрезъ *л* (въ фф. 3 л. мн. ч.: лю*бл*ять и пр.; добавимъ также: здоров*ля*—въ западн. гов.) и *н* (послѣ *м*): *мня*со. Въ *мня*со, какъ и въ *мня*гкий, *мня*ти,—*н*, вѣроятно, подъ вліяніемъ *н* въ м*н*у и проч. (Въ Галичинѣ, см. словарь Желеховскаго, также п*н*яти,—по аналогіи съ п*н*у, и проч.) Указанныя явленія находятся, повидимому, въ связи съ раннимъ отвердѣніемъ въ малорусскомъ нарѣчіи мягкихъ губныхъ согласныхъ; откуда, между прочимъ, появленіе такихъ звуковыхъ комбинацій, какъ: це́рк*ва*, мо́рк*ва*, бро*ва̀* вм. церко*вь*, морко*вь*, бро*вь*), кора*бе́ль*, ру*бе́ль*, жура*ве́ль* (вм. кора*бль*, ру*бль*, жура*вль*); а также: голу*б*,—*ба*, сте*п*,—*пу*, и т. п. [2]),—какъ въ нарѣчіяхъ чешско-балканскаго отдѣла. Объ отвердѣніи губныхъ на концѣ словъ говорится и у автора, съ поясненіемъ этаго примѣрами: укр. сі*мъ* (=се*мь*), си*пъ* (=сы*пь*—повел. накл.) (стр. 7).

Затѣмъ въ перечнѣ менѣе важныхъ, по мнѣнію автора, звуковыхъ особенностей малорусской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Между прочимъ, одна изъ этихъ особенностей опредѣляется такъ: «древн. тверд. *л* въ серединѣ словъ передъ согласными и въ концѣ формъ прошедшаго времени... обыкновенно звучитъ какъ *ў*, образующее съ предыдущимъ гласнымъ одинъ звукъ—дифтонгъ: укр. во*ў*къ,» (стр. 6.). Съ такимъ общимъ опредѣленіемъ этаго явленія мы не находимъ возможнымъ согласиться.

Намъ кажется, что въ приведенныхъ случаяхъ надо различать два, совершенно самостоятельныя явленія. (оба они свойственны одинаково малорусской и бѣлорусской рѣчи). Первое—чисто фонетическаго характера и происхожденія; это—образованіе въ серединѣ словъ комплекса *оў* (*ов*) изъ древней обще-русской фонемы *ъл*, и *ьл* (=ц. слав. *лъ*) или, что вѣроятнѣе,—*ълъ*, *ьлъ* [3]), сохранившейся спо-

[1]) Тоже явленіе въ нѣкоторыхъ говорахъ бываетъ и съ *р*. У Подгорянъ и Верховинцевъ въ Галичинѣ мы имѣли случай наблюдать произношеніе *р* (*рь*) какъ *рj*: по*р-jа*док, по*р-jе*док=по*ръ-я*док, по*ръ-е*док. и проч.

[2]) Въ своихъ „Лекціяхъ" (стр. 123) проф. Соболевскій считаетъ послѣднее явленіе результатомъ отвердѣнія согласныхъ конечныхъ вообще и послѣдовавшаго затѣмъ вліянія им. пад. ед. (голубъ) на другія падежныя формы (голуб*а* и пр. .)

[3]) Ср. въ Остром. Ев. тълъцѣте, напълъ нѥна; въ Минеѣ 1095 г. стълъпъ, въ Тріоди XII в. дълъгу, жьлъчи; въ Галицк. Ев. 1144 г. дълъжніка.

радически—съ проясненіемъ обоихъ глухихъ—на почвѣ сѣверно-великорусскаго поднарѣчія, въ видѣ такъ наз. *втораго полногласія*—*оло* (*столобъ*, *молонья*) [1]).—На почвѣ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій только передній, ударяемый глухой этой фонемы прояснился въ *о*, задній же—неударяемый слился съ *л* въ общій звукъ *ў* (*в*). Отсюда, думаемъ: *воукъ*, *жоутий*, изъ древн. *вълкъ*, *жълтъ* или *вълукъ*, *жълутъ* [2]). Поэтому такое *ў* (*в*), вм. древн. *л*, въ срединѣ словъ передъ согласными бываетъ только послѣ *о* изъ др. *ъ*, и первоначальное *л*, взамѣнъ его, никогда уже не возстанавливается, даже передъ вставными гласными и съ перемѣщеніемъ на нихъ ударенія изъ *о*, какъ напр. въ случаяхъ: *повенъ*, *човенъ* [3]).—Въ выноскѣ авторъ замѣчаетъ, что есть не мало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи) изъ выставленнаго имъ общаго правила о переходѣ въ срединѣ словъ *л* въ *в* (*ў*); въ примѣръ чего приводитъ слово: горілка. Совсѣмъ наоборотъ. Именно устойчивость *л* въ словахъ, въ родѣ приведеннаго, послѣ разныхъ гласныхъ (кромѣ *о* изъ др. *ъ*) составляетъ общее правило, а появленіе въ этихъ случаяхъ вм. его *в* (гал. горівка, общ. малор. шовкъ и т. п.) возможно лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе, вызванное аналогіей; ср. голка, валка, кілки, мілко, жалко, палкий и т. п. Южнорусско-бѣлорусскому *оу* вполнѣ аналогично сербское *у*, образовавшееся тоже изъ древняго южно-славянскаго *лъ*: вук, жут. (Происхожденіе словинскаго рефлекса той же фонемы *ol*, звучащаго такъ же какъ и б.-русско-м.-русскій—*ov*,—для насъ не ясно).—Второе явленіе, представляющее замѣну конечнаго *л*(+*ъ*) чрезъ *ў* (*въ*), могло возникнуть только подъ вліяніемъ какой нибудь аналогіи. Исключительное употребленіе *в* (ў) вм. *л* только въ причастныхъ формахъ: даў, ішоу и проч., произошло, повидимому, вслѣдствіе простой замѣны (при благопріятномъ отчасти фонетическомъ условіи: ассимиляціи и сліянія *л* съ *ъ*) формъ II-го дѣйствительнаго причастія прош. вр. м.

[1]) Ср. также въ грамотѣ писанной въ 1.400 г. въ Львовѣ: въ *доложь* (=совр. мѣр. *вздоуж*). (Жит. Оч. Зв. 356).

[2]) Ср. въ грам. 1452 г. Кгаст*овтъ* Avch. Ks. Sang. T. I. стр. 47.), рядомъ съ польско-латынскимъ написаніемъ въ другомъ мѣстѣ Gaschtoltowycz (тамъ-же стр. 67.); *невдовзѣ* (четья 1.489 г. см. Рус. Фил. Вѣстн. 1893 г. № 1 стр. 106), при *долъженъ* (четья 1489 г., тамъ же стр. 91). Въ XVI и XVII вв. *ов* уже чаще: *выдовбую* (Лекс. Зичанія 1596 г.), *вовна*, *мовчу*, Бстовченый (ерында), *вовна*, *вовняны* (Галятовскій).

[3]) Здѣсь *е*, конечно, позднѣйшая вставка, а не рефлексъ втораго *ъ* въ древней фонемѣ *ълъ*, и хотя въ м. русскомъ нарѣчіи возможны также рѣдкіе случаи съ *е* на мѣстѣ др. *ъ*: *посел*, *денце*, но и въ такихъ случаяхъ *е*, очевидно, тоже не органическое.

рода на *лъ*-формами I-го древняго такого же причастія на *въ*,—при постоянной дальнѣйшей, вѣроятно, также поддержкѣ этаго формами въ родѣ: да*у*ши, (=др. давъши)—уравненной съ нею йшо*у*—ши, (=др. шьдъши) и т. п. Уже въ XV в., въ грамотѣ кіевс. кн. Семена Александровича встрѣчаемъ: хотѣ*в* вм. хотѣ*лъ*; въ памятникахъ же XVI и XVII ст. онѣ становятся чаще. Однако формы женс. и ср. рода съ *л* остались неприкосновенными: да*ла*,-*ло*, и проч. Аналогичное явленіе представляютъ, кажется, обще-русскія формы: несъ, умеръ (I прич.) вм. нес*лъ*, умер*лъ* (II прич.).—при нес-*ла* умер*ла* и пр. II прич.). Во всѣхъ другихъ случаяхъ конечное *л* (=др. *л*+*ъ*), насколько знаемъ, въ малорусскомъ нарѣчіи всегда сохраняется: укр. сті*лъ*, бі*лъ* камінь, и проч. [1]).

Затѣмъ отмѣчены у автора случаи звуковыхъ сочетаній *ри*, *ли* вм. *ро*, *ло*, *ле*(*о*, *е* изъ *ъ*, *ь*) (стр. 7). Добавимъ къ его примѣрамъ: дри*ж*ати, кри*х*та, кри*ш*ки, гли*т*ати, есть и болѣе. Но сверхъ того, можно встрѣтить также и сочетанія (очень рѣдкія, впрочемъ) *ир*, *ил* вм. *ор*, *ол* (=*ър*, *ъл*): ки*р*па, ки*р*натий (=ц. сл. кръноносъ.—корносый или курносый), при ко*р*нати (рыться); ги*р*ло (устье рѣки въ море), при го*р*ло (горло); ти*р*са (древесные опилки и растеніе Stipa), при то*р*сати (тормошить); ти*р*чати, сти*р*чати (торчать), при сто*р*ч (торчокъ, торчмя); ви*л*га и ви*л*а (=ц. сл. вл*ъ*га, чешс. *vlha*, польс. *wilga*,—иволга); ги*л*котня (галдѣніе), ги*л*котати, ги*л*чати (галдѣть; ср. народн. в.-рус. о*л*чать, го*л*чить; блг. гл*ъ*ч, гл*ъ*чка, чешск. *hluk*, *shluk*; польск. *zgiełk*,, в.-лужиц. *kluskot*.). Замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ въ м.-русскомъ нар. *л* не переходитъ въ *в*. (Не было ли оно, какъ и *р*, мягко въ этихъ случаяхъ?).

Изъ болѣе мелкихъ звуковыхъ особенностей отмѣчено, между прочимъ, сохраненіе мягкости шипящихъ передъ *і* и *е* (на мѣстѣ *ьe*) (стр. 6). Передъ послѣднимъ—рѣдко; въ большинствѣ говоровъ они здѣсь отвердѣли: клочче и клоче) (полѣшск. и гал.) клочча и клоча (укр. и волынско-подольск.), и т. п. Собственно мягкость шипящихъ вполнѣ сохраняется лишь передъ рефлексами общемалорусскихъ $ъ^1$ и $ъ^2$ (изъ *е*), (кромѣ небольшаго числа говоровъ, гдѣ эти рефлексы отвердѣли): са*ж*ть (р.-д.-м. ед., им.-вин. мн.), о*ч*ь (им. дв.) ключ*ь* (им. вин. мн.); *ш*ьсть, и пр. (id. ю.-млр. *ш*істка, но с.-млр. *шу*стка и призъ . шьо́стка).

[1]) Въ сербскомъ нарѣчіи въ данномъ случаѣ конечное *о* (вм. *л*) получилось очевидно, какъ и въ другихъ случаяхъ, фонетическимъ путемъ изъ др. *л*+*ъ* (=*л*+*а*?): да*о*—дала, ишао,—ишла,—какъ и сто—стола, бео—бела, мио—мила, мисао (мыслъ), и т. п.

Не отмѣчена здѣсь, (встрѣчающаяся въ трудѣ автора въ другихъ мѣстахъ), характерная южнорусско-бѣлорусская группа шипящихъ *жч—шч*, изъ общеславянской группы *ждж* (=основной *зг*),—сохранившейся въ ляшскихъ нарѣчіяхъ (преимущественно въ польскомъ). Ср. общемалорус. до*шч*, розмô*шч*ити (размозжить), (въ древн. памятникахъ также: до*жч*, розмо*жч*ити), дрô*жч*ѣ (и дрô*жджѣ*). Въ древн. сѣверно-великорусскомъ нар., какъ установлено авторомъ въ его «Лекціяхъ», (см. также его: «Др. Ц.-слав. яз. Фонетика» стр. 111.), изъ *ждж* возникло *жгь*=современному *ждь* (дъ*жгь*—дъ*жгя*=до*ждь*—до*ждя*),—сходно отчасти съ обычнымъ ю.-славянск. и чешско-словац. *жд.*, а въ литерат. русск. яз.—*жж*: дро*жж*и, размо*жж*ить (при размо*зж*ить), а также народн. ю.-в. рус. до*жж*а.

Изъ отмѣченныхъ авторомъ общемалорусскихъ *формъ*,—заслуживающихъ, по его мнѣнію, вниманія,—нѣкоторыя формы впервые обнаружены и обоснованы исторически самимъ авторомъ въ предыдущихъ его работахъ; другія—раньше уже извѣстныя,—получили у него болѣе яркое научное освѣщеніе. Укажемъ лишь на формы, прежде мало извѣстныя или игнорированныя и не получавшія до него надлежащаго объясненія, а также на тѣ, которыя почему либо вызываютъ особыя замѣчанія.

Таковы напр. формы родит. ед. и им.—вин. мн. числа именъ существит. ж. р., и формы им.—вин. им. сущ. муж. рода, такъ называемаго мягкаго склоненія, оканчивающіяся въ малорусскомъ нарѣчіи по говорамъ на разные рефлексы древняго общерусскаго *ѣ* (=—є,—їє,—ї): душѣ́ (род. ед.), кòнѣ, дýшѣ, кòстѣ, гòстѣ (им.—вин. мн.) [1]) (Стр. 8). У автора приведено также: кост*и*, гост*и*. Но *кôсть*, и подобныя ему, имѣютъ теперь уже въ род. п. ед. ч. чаще кóстѣ,—рѣже кост*и* (также: сол*ѣ* и сол*и*, и т. п.), а въ им.—вин. мн. ч. эти слова, какъ и *гôсть*, а также сходныя съ нимъ по образованію,—почти всегда на *ѣ*; по крайней мѣрѣ намъ не приходилось слышать въ нихъ окончанія на *и*. Подобное же окончаніе имѣютъ формы род. единств. женскаго рода прилагательныхъ и мѣстоимѣній, именно: —*оѣ*, *еѣ*: дòбро*ѣ*, моє*ѣ*, не*ѣ*, тоє*ѣ* и то*ѣ* (стр. 8—9).

Безспорно, что въ такомъ видѣ эти формы были нѣкогда не только общерусскимъ, но и обще-западно-славянскимъ достояніемъ, и что ихъ не знали только южно-славянскія нарѣчія, которыя вмѣсто

---

[1]) Ср. въ Избр. Свят. 1076 г. вельмож*ѣ* (род. ед.), пиꙗтниц*ѣ* (им. мн.). лар*ѣ* (вин. мн.).

ѣ имѣли въ однихъ формахъ рефлексоы сновнаго *і* или *іje*, въ другихъ—основнаго ѧ. Но во всей полнотѣ своей, эти древнія западнославянскія и русскія окончанія, сохранились только въ южнорусскомъ и лужицкомъ нарѣчіяхъ, и даже въ первомъ болѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Ср. лужицк. *род. ед.*: duše, kosće, dobreje, mojeje; *им.—вин. мн.* duše, konje, kosće. Что же касается и прочихъ нарѣчій, то остатки рефлексовъ *ѣ* сохраняются еще отчасти въ нѣкоторыхъ формахъ существительныхъ именъ (преимущественно въ винительномъ множ. числа) въ нарѣчіяхъ словацкомъ и польскомъ, но и эти нарѣчія не имѣютъ ихъ уже въ формахъ прилагательнаго имени; въ нарѣчіяхъ же сѣверно-русскихъ (кромѣ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ) вм. *ѣ* вездѣ уже теперь *и*, *й*: души́, ду́ши; кони, кости, гости; доброй, моей. Авторъ говоритъ, что фф. род. ед. ж. р. на *оѣ*, *еѣ* сохраняютъ конечный гласный лишь въ *большинствѣ* малорусскихъ говоровъ (стр. 9). Мы не знаемъ ни одного живаго говора не сохранившаго ихъ. Отступленія отъ этого правила попадаются иногда только у плохихъ записывателей образцовъ народной рѣчи, да еще у нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей, произвольно искажающихъ языкъ. То же можно сказать и о случаяхъ мнимой утраты конечнаго *ю* въ твор. пад. ед. ч. ж. р. Здѣсь также можно встрѣтить написанія: доброй (вм. доброю) и т. п., чего не бываетъ вовсе въ живой малорусской рѣчи [1]).

У автова указаны главнѣйшія стяженія въ формахъ: добра (вм. добрая); —у, (вм.—ую); добре (вм.—ое) (стр. 8). Добавимъ: сине, трете (вм.—ьое). Мого, твого, мому, твому (вм. моего, моему, моёго, моёму, и проч.) (стр. 8). Добавимъ: меѣ, теѣ (вм. моеѣ, тоеѣ). Сюда не отнесены у автора такія же стяжанія въ им.—вин. мн. ч. прилагательныхъ: сині и сине (вм. синіе), бїли, или бїлі=бїльі, и бїели (вм. бѣлие). Формы въ родѣ: добее, тее, синее, теєі и тієі, біліе и и біелиїї, синіи и синеі, и т. п., представляютъ явленіе новаго растяженія прежде стяженныхъ формъ.

Авторъ замѣчаетъ, что формы повелительнаго наклоненія «могутъ имѣть» не гортанныя, а шипящія согласныя: въ поможи, и т. п. (стр. 9). Намъ не извѣстны вовсе случаи съ гортанными, но *вездѣ*: поможи,—жѣм(о),—жѣт(е), и проч.

---

[1]) Въ галицкихъ формахъ: доброў и т. п. выброшена лишь j между гласными, отчего *у* ъерешло въ у; но въ закарпатскихъ говорахъ и въ этихъ случаяхъ *у* чисго остается гласнымъ: доброу, какъ въ аналогичныхъ случаяхъ тамъ же: бїгау вм. бїгаjу, бїгаут вм. бїгаjт, и т. п.

Формы 1-го л. мн. ч. изъявит. и повелит. накл. *чаще* съ *мо*, чѣмъ съ—*мъ*; первое съ удареніемъ и безъ ударенія, послѣднее—рядомъ съ первымъ, когда на немъ нѣтъ ударенія. Замѣчательно однако, что малорусская рѣчь любитъ передвигать иногда на *мо* удареніе, сохраняющееся рядомъ и на другомъ слогѣ: *ідѐмо* и *йдемó*, *берѐмо* и *беремó*, и т. п. (Впрочемъ, такая передвижка ударенія бываетъ и въ другихъ формахъ: *ідѐте*—*йдетѐ* и проч.). Форма повелительнаго наклоненія *пѣдьмо* крайне рѣдка; она встрѣчается спорадически только въ сѣверскихъ и лемковскихъ говорахъ, подъ вліяніемъ, кажется, сосѣднихъ съ первыми великорусскихъ, а съ послѣднимъ—словацкихъ говоровъ; обыкновенно же вмѣсто нея: *ходѣмо*.

Кромѣ указанныхъ авторомъ формъ возвратнаго залога (стр. 9), болѣе обычны (особенно въ западныхъ говорахъ) въ неопр. накл. и въ 1—мъ и 2—мъ л. мн. ч. изъявит. и повелит. наклоненій полныя формы: *люби́-тися*; *лю́б-имося*,—*итеся*; *люб-ѣмося*,—*ѣтеся*.

Отмѣчено употребленіе въ нѣкоторыхъ формахъ j передъ начальнымъ *і* изъ *ѣ*,—но не изъ *и*; кромѣ впрочемъ мѣстоименныхъ формъ: *jімъ*, *jіхъ*, *jіми* (стр. 10). Любопытно, однако, что въ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ (полѣшскихъ) говорахъ послѣднія формы произносятся: *jіемъ*, *jіехъ*, *jіеми*, и что даже въ срединѣ словъ здѣсь встрѣчается *jіе* вм. *jі*: *мojіемъ*,—*jіехъ*,—*jіеми*; а равно: *крajіена*, п-о *jіети* вм. *крajіна*, *пojіти*, и т. п. Срав. въ грамотѣ 1366 г., писанной въ Перемышльской землѣ: у іехъ (у нихъ), своіемь (своимъ,—тв. п. ед.). (Жит. Оч. зв. 354).

Относительно указанныхъ авторомъ случаевъ съ предлогами—префиксами *съ* и *изъ* (стр. 10) замѣтимъ, что южнорусское *зъ* возникло, очевидно, изъ смѣшенія *съ* съ *изъ* и съ *въз*, вслѣдствіе, можетъ быть, частыхъ случаевъ отпаденія въ послѣднихъ *и* и *въ*; ср. *зjі́здити*—чаще чѣмъ *ізjі́здити* (изъѣздить), *зiйти*, *здійняти* и *з*(д)няти (=ц. слав. *възити*, *въздѣти*). Хотя при этомъ, какъ и авторъ это замѣтилъ, бываетъ и наоборотъ, что къ *зъ* (изъ *съ* и *въз*) приставляется иногда *і*: *ізійти* рядомъ съ *зійти* (что значитъ: и сойти, и взойти). *Зъ* вм. *съ* довольно часто удерживается также и передъ глухими согласными, особенно передъ *с*, *ш*, *ч*: *зъ* собою, *зъ* шапкою, *зъ* чимъ; (впрочемъ, въ послѣднихъ скучанхъ *зъ* звучитъ иногда какъ *жъ*: *жъ* шапки, *жъ* чимъ). Но въ такихъ случанхъ, какъ смерть, смутний, префиксъ *с*, дѣйствительно всегда сохраняется. *Зъ* вм. *съ*, какъ извѣстно, имѣютъ также нарѣчія лѣшскія и отчасти—словинское.

Предлогъ-префиксъ *отъ*, *ото* считается въ мало-русской рѣчи нормальнымъ въ въ видѣ *ôдъ*, *ôдо*—*одô*—ôдô,—съ *д* вм. *т*,—какъ въ нарѣчіяхъ польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и словинскомъ; здѣсь *д* звучитъ въ малорусской рѣчи какъ *т* иногда только передъ глухими согласными, но и то чрезвычайно рѣдко: *от*кôль, вô*т*ки, но и *од*кôль, вôдки, и пр. *Од*, *одо*, вѣроятно,—въ отличіе отъ *отъ*, *ото* (вотъ) [1]) и по аналогіи съ *д* въ *подъ*, *надъ*

Къ числу *формальныхъ* особенностей, заслуживающихъ вниманія, но не отмѣченныхъ у автора, мы бы считали не лишнимъ присоединить еще слѣдующія особенности въ образованіи глаголовъ, свойственныя, на сколько знаемъ, всему южнорусскому нарѣчію,—а именно:

1) Въ основахъ глаголовъ производныхъ (VI кл.) нѣтъ вовсе *ыва*, *ива* (свойственныхъ сѣверно-русскимъ нарѣчіямъ, а также польскому, и отчасти сербскому, словинскому и даже ц. славянскому) [2]), а только *ува* (*ова*)—*у*, и *юва* (*ёва*)—*ю*: запис—*ува*—ти,—*у*—ю; вивïрч—*ува*—ти,—*у-ю*, викол—*юва*—ти,—*ю*—ю; висьмї—*юва*—ти,—*ю*—ю; и проч. Есть также случаи удвоенія основы для усиленія значенія кратности: вислух—*òвув*—ати,—*ову*—ю; висьпів—*òвув*—ати,—*ову*—ю; витанц—*ёвув*—ати,—*ёву*—ю; и т. п. *Ова*, *ева* имѣютъ также нарѣчія ц.-слав., словинск., сербс., словацкое (также uva: povyskak—uv—at', и jova: obviňovat', zabraňovat'), чешское (здѣсь изъ ieва—кромѣ íva и jova: vyučovati, odkrajovati), болгарское (также *ува*: оплак*увам*, опис*увам*), лужицкіе, народные польскіе говоры и нѣкоторые бѣлорусскіе.

2) Характерны также въ морфологическо-семазіологическомъ и синтаксическомъ отношеніи излюбленныя малорусскимъ нарѣчіемъ «видовыя» формы глаголовъ со сложными префиксами: а) обозначающія какъ бы медлительное и экспансивное совершеніе дѣйствія во-множествѣ: пона-сід—áти, пови-ляг—áти, понави-тяг—àти, понас—хóд—итись, поз-вой—óвувати, понави—слух—óвувати, и т. п.—(великорусское нарѣчіе предпочитаетъ, для выраженія соотвѣтственныхъ понятій, болѣе

---

[1]) Въ малорусской рѣчи это *от* въ изобиліи въ сложныхъ выраженіяхъ въ родѣ: *от*—би. *от*—бо, *от*—же, *от*—тожъ, *от'*—ожъ, *от*—той, *от'*—ой, *от*—теперь, *от*—тоді, *от*—такъ, *от*—такий, *от*—тамъ и т. п.

[2]) Ср. *в.-рус.*: запис*ывать*, смазы*вать*, оглядывать, окапывать, оплак*ивать*, смач*ивать*, оканчивать, застра*ивать*, и пр.; *польск.* zapis*ywać*, okor*ywać*, oplaki*wać*, и пр., *сербск.* позавез*ивати*, закус*ивати*, запис*ивати*, леж*ивати*, расађ*ивати*, преор*ивати*, залепљ*ивати*, и пр., *словинск.* nevol*ivati*; *ц. слав.* омоч*ивати*.

краткія формы, оттѣняющія бо́льшую быстроту и интенсивонсть дѣйствія, при меньшей сложности его: пона-сѣсть, повы-лечь, повы-тянуть, нас-ход-иться, с-воев-ать, повы-слуш-ать и навы-слуш-ивать, и проч.); а равно б) обозначающія продолжительность совершеннаго дѣйствія—такого же характера: попо-пи́ти, попо-ходи́ти, и т. п. [1]).

3) Стоитъ, наконецъ, замѣтить, что всѣ почти малорусскіе глаголы на—*ъ-ти*, произведенные отъ качественныхъ прилагательныхъ, могутъ выражать, кромѣ положительной, еще и *сравнительную сте-*

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что оригинальная категорія „видовъ“ славянскаго глагола представляетъ не мало интересныхъ особенностей по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, весьма характерныхъ какъ для такъ называемаго духа и стиля рѣчи отдѣльныхъ славянскихъ народностей, такъ и для психологіи послѣднихъ. Не смотря, однако, на то особенное вниманіе, какое всегда привлекала къ себѣ эта своеобразная категорія славянской грамматики, мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію: не имѣемъ еще ни обстоятельнаго сравнительнаго изслѣдованія ея въ морфологическо-синтаксическомъ и семазіологическомъ отношеніи по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, ни даже точнаго и полнаго опредѣленія *общей идеи*, выражаемой этой категоріей. Большинство изслѣдователей склонно видѣть въ ней лишь извѣстный способъ относительнаго выраженія „времени“ дѣйствія, меньшинство—напротивъ, усматривая сокрытую въ ней идею „качества“ дѣйствія, даетъ этой категоріи разныя метафизическія объясненія, въ туманѣ которыхъ мудрено разобраться. Между тѣмъ дѣло, повидимому, обстоитъ гораздо реальнѣе и проще. По нашему мнѣнію, „видовыя“ формы славянскаго глагола,—дѣйствительно возникшія отчасти на почвѣ древнихъ формъ времени, отчасти на словообразовательныхъ основахъ глаголовъ, при помощи также и другихъ словообразовательныхъ элементовъ,—стремятся (въ своемъ настоящемъ самостоятельномъ цѣломъ) выразить вообще лишь *механическіе моменты* дѣйствія, независимо отъ того, *когда* именно (т. е. въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ времени) и *какъ* собственно (въ какомъ направленіи и смыслѣ—конкретномъ или отвлеченномъ) оно совершается. Поэтому „виды“ служатъ въ языкѣ органомъ для выраженія: во 1-хъ, *статическихъ моментовъ* дѣйствія, т. е. *фазисовъ* совершенія его въ разное время, а именно: а) видъ „несовершенный“ или „длительный“—для обозначенія полнаго фазиса развитія дѣйствія, или общаго хода его, въ прош., наст. или будущ. времени: *шелъ, ходилъ, хаживалъ*; *иду, хожу, хаживаю*; *буду идти,—ходить,—хаживать*; млр: *йти-му, ходити-му* и пр., и б) видъ „совершенный“ („начинательный“, „окончательный“, „начинательно-окончательный“),—для обозначенія начатаго или законченнаго дѣйствія въ прошедшемъ или въ настояще—будущемъ времени: *пошелъ, сходилъ, походилъ*; млр. *попойшовъ, попоходивъ*; *пойду, схожу*; млр. *попойду, попохожу*, и т. п.; во 2-хъ,—*динамическихъ моментовъ* дѣйствія, т. е. *количества*, или степеней сложности и энергіи дѣйствія, въ разныхъ фазисахъ его совершенія; сюда относятся такъ называемые виды, „одноврaтные“, „многократные“; „простые“, „повторительные“, „учащательные“, и т. п. Примѣры нѣкоторыхъ изъ нихъ см. выше. Наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшую трудность, представляютъ именно—правильная классификація и характеристика по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ *динамическихъ видовъ* дѣйствія.

пень состоянія качества, въ несовершенномъ и въ совершенномъ видѣ, посредствомъ темы—*йша*-ти (id. *ъша*-ти и *ъща*-ти): укр. біл-ѝ-ти, побіл-ѝти,—біл-*ійша*-ти, побіл-*ійша*-ти; добр-і-ти, подобр-*і*-ти,—добр-*ійша*-ти, подобр-*ійша*-ти, и т. п.

У автора ничего не сказано объ особенностяхъ малорусскаго ударенія, хотя ихъ, сравнительно съ сѣверноруссвимъ ударевіемъ, не мало. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей преимущественно близки къ отличительнымъ чертамъ хорватскаго (чакавскаго) ударенія, какъ извѣстно, вообще, изъ всѣхъ южнославянскихъ удареній (сходныхъ съ русскимъ по своей разномѣстности и подвижности)—наиболѣе близкаго къ ударенію общерусскому. Не имѣя возможности распространяться здѣсь объ этомъ, мы отмѣтимъ лишь одну любопытную особенность въ употребленіи малорусскаго ударенія, свойственную всему нарѣчію, и напоминающую собой подобное явленіе въ сербскомъ нарѣчіи вообще, именно передвижку ударенія въ мѣстоимѣніяхъ, при сочетаніи ихъ съ предлогами: менѐ—до мѐне, себѐ—до сѐбе, собо́—к-сѐбѣ, и т. п. Тоже встрѣчается и въ нѣкоторыхъ глаголахъ: укр. лежа́ти,-поле́жати, сиді́ти—поси́ді́ти, стоя́ти—постоя́ти, и т. п. Интересна также передвижка ударенія съ предпослѣдняго слога на послѣдній въ именит. мн. ч. (а часто и въ другихъ падежахъ) именъ сущ. ж. р на *а*, *я*,—чего не бываетъ въ другихъ нарѣчіяхъ юго-восточнаго отдѣла: ба́ба—баби́,—і́в,—а̀м,—а́х; ча́рка—чарки́ (id.—а́м,—а́х), шабля шаблі́—ѐль,—я́м,—я́х, и т. п.

Наконецъ, относительно словарнаго матеріала *южнорусской* рѣчи авторъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что западные говоры вообще изобилуютъ полонизмами, а карпатскіе и угорскіе сверхъ того,—и словацизмами (стр. 10).

Такъ какъ сравнительная лексикологія славянскихъ нарѣчій вообще, и русскихъ въ частности, до крайности мало еще разработана, то, понятно, что и объ особенностяхъ лексическаго состава малорусскаго нарѣчія пока довольно трудно сказать еще что нибудь болѣе вѣское и опредѣленное. Несомнѣнно лишь одно, что этихъ особенностей найдется не малое количество. Слѣдуетъ однако замѣтить, что обще-распространенное мнѣніе объ изобиліи полонизмовъ,—особенно въ западныхъ говорахъ,—въ значительной степени преувеличиваетъ размѣры этаго явленія въ малорусскомъ нарѣчіи, и основано большею частію на недоразумѣніи.

Польскій литературный языкъ, возникшій на почвѣ *малопольскаго* говора, сосѣдняго съ малорусскими говорами, съ самаго начала

принялъ въ себя не мало южно-руссизмовъ. Затѣмъ, въ разговорную и литературную рѣчь поляковъ и ополяченныхъ южноруссовъ юго-западнаго края и Галичины не переставали проникать въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій мѣстныя слова, принимаемыя теперь иногда, въ нѣкоторой своей части, за польскія, потому лишь, что они не встрѣчаются въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ. Между тѣмъ многія изъ этихъ словъ, въ качествѣ мѣстныхъ провинціализмовъ, даже мало понятны кореннымъ полякамъ; вслѣдствіе чего были уже опыты со стороны послѣднихъ собирать и объяснять найменѣе понятныя имъ изъ этихъ словъ [1]).

Вообще, точно судить о степеняхъ существенныхъ отличій другъ отъ друга въ лексикальномъ отношеніи даже однихъ литературныхъ славянскихъ языковъ,—не говоря уже о цѣлыхъ народныхъ нарѣчіяхъ,—еще не наступило время. Для этаго пока, къ сожалѣнію, не имѣется еще почти никакихъ строго-научныхъ данныхъ. Не удивительно поэтому, что и нашъ почтенный авторъ, строго придерживающійся научной дисциплины, столь скупымъ оказался въ своемъ діалектологическомъ очеркѣ на заключенія, касающіяся этой стороны русскихъ нарѣчій.

На этомъ мы и покончимъ съ разсматриваемымъ трудомъ уважаемаго ученаго, выразивъ въ заключеніе наше искреннее желаніе, чтобы его «Очеркъ» поскорѣе былъ изданъ особой книгой и получилъ то широкое распространеніе въ кругахъ нашею образованнаго общества, интересующихся роднымъ языкознаніемъ, какаго онъ, несомнѣнно, заслуживаетъ, какъ по своему предмету, такъ и по достоинствамъ изложенія его.

К. Михальчукъ.

---

[1]) Ср. напр. извлеченіе, сдѣланное нами изъ сборника подобнаго рода, изданнаго въ Краковѣ, и приложенное къ статьѣ, составленной нами вмѣстѣ съ Чубинскимъ: „Поляки Юго западнаго края“, въ VII т. „Трудовъ“ Экспедиціи Чубинскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLII, 1893 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

стр.

I. АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Оконч).* **Сергѣя Венгржиновскаго.** 1—29

II. А. А. ПОТЕБНЯ, КАКЪ ЯЗЫКОВѢДЪ-МЫСЛИТЕЛЬ. **Д. Овсянико-Куликовскаго** . . . . . 30—46, 267—287, 342—363

III. ВОСПОМИНАНІЕ РОМЕНСКАГО СТАРОЖИЛА ОБЪ ИЛЬИНСКОЙ ЯРМАРКѢ. **Ив. Курилова.** . . . . . 47—65

IV. ВОЛЫНСКОЕ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ. **В. Храневича.** . . . . . 66—73

V. ПОВѢРЬЯ И ОБРЯДНОСТИ РОДИНЪ И КРЕСТИНЪ. **Хр. Ящуржинскаго** . . . . . 74—83

VI. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ СХОДСТВА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ» СЪ ЮЖНО-СЛАВЯНСКИМИ СТАРИННЫМИ ПѢСНЯМИ. **Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . . 84—89

VII. ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ АРХИВОВЪ. (Выдержки изъ писемъ малороссійскихъ генералъ-губернаторовъ кн. Лобанова-Ростовскаго и кн. Репнина, 1811—1819 г.). Сообщилъ **Н. М.** . 90—99

стр.

VIII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО . . . . . 100—125, 401—417

ПАМЯТИ ГРИГОРІЯ ѲЕДОРОВИЧА КВИТКИ. (Грицька Основьяненка).

IX. ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. (Біографическій очеркъ). **В. Науменка** . . . . . 155—189

X. Г. Ѳ. КВИТКА, КАКЪ ЭТНОГРАФЪ. (По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины его). **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . . 190—214

XI. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ И СТАТЬИ ГР. ѲЕД. КВИТКИ. (Къ 50-тилѣтію со дня его кончины). **Д. И. Багалѣя** . . 215—244

XII. ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА, КАКЪ МАЛОРУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕДЪ СУДОМЪ КРИТИКИ. **В. Науменка**. 245—268

XIII. СПОРЪ О ЧУДОТВОРНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИКОНѢ. **В. Храневича** . . . . . 323—341

XIV. ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ «КРАТКАЯ КІЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ». **Ю. Тиховскаго** . . . . . 364—374

XV. АВТОБІОГРАФІЯ СТЕПАНА ЛУКИЧА ГЕЕВСКАГО. (1813—1862 г.). *Съ предисловіемъ* **Д. И. Багалѣя** . . . . . 375—400

XVI. ОТКРЫТІЕ ВЪ КІЕВѢ УПРАВЫ БЛАГОЧИНІЯ И ПЕРВЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ (1786). **А. А.** . . . . . 415—428

XVII. ОСТАТКИ ДРЕВНЯГО ЛУКОМЛЬСКАГО ГОРОДИЩА ВЪ М. ЛУКОМЬѢ ЛУБЕНСКАГО УѢЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **Василія Ляскоронскаго** . . . . . 426—437

XVIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Загадочное происшествіе на печерскомъ форштатѣ (1776 г.). **А. А.** б) Къ исторіи бывшей волынской гимназіи въ г. Кременцѣ. **Ѳ. Куринскаго.** в) Спорные вопросы въ исторіи г. Золотоноши. **В. Василенка.** г) Открытіе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища въ 1789 году. **Н. Рыжкова.** д) Стихотворе-

отр.

ніе—пѣсня про рекрутчину. Сообщ. **Ю. Тиховскій.** е) Переписка атамана Петра Кальнышевскаго съ кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ. Сообщилъ протоіерей **Петръ Орловскій.** ж) Указъ кіевской митрополіи о чинѣ поминанія въ богослуженіяхъ гетмана Кирилла Разумовскаго. Протоіерея **П. Орловскаго.** з) Приказъ 1788 г. объ обязательномъ ношеніи длинныхъ волосъ дѣтьми священно- и церковно-служительскими и) Памяти Г. Ѳ. Квитки. **Глаголя.** і) Указатель первыхъ печатныхъ проблесковъ малорусской литературы до появленія: «Малороссійскихъ повѣстей» Гр. Квитки въ Россіи и «Русалки Днѣстровой» изд. М. Шашкевичемъ въ Австріи. **Ю. Т.** к) О могилѣ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка. л) Шпыгачкы, або по Московському Эпиграммы. (Забытыя стихотворенія Г. Ѳ. Квитки). Сообщ. **Ю. Т.** м) По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка. **Н. Ш.** н) Къ исторіи воеводскаго управленія въ Кіевѣ. **В. Щербины.** о) Второй отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** п) Справка о сочиненіяхъ Квитки. р) Къ исторіи Кіевской Академіи. с) Вызовъ кіевскихъ монаховъ и спеваковъ въ Соборъ. Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.** т) Покупка греками на Украинѣ «дѣвокъ чухонокъ». **Н. Б.** у) Кобзарь Петро Гарасько и Лирникъ Максымъ Прыщенко. **А. Малинки.** ф) Мѣры противъ умноженія нищихъ и брадягъ въ Кіевѣ въ 1764 г. **А. А.** х) Нѣсколько словъ къ воспоминаніямъ объ А. В. Марковичѣ. **М. Симоновъ (М. Номисъ).** ц) Поправка къ отчету о пожертвованіяхъ на премію А. А. Потебни. . . . . 126—144, 290—308, 438—450

XIX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Живая Старина. **А. Степовича.** б) Матеріалы для исторіи минской епархіи. **Н. В.** в) Г. Барацъ. Очеркъ происхожденія и постепеннаго затѣмъ упраздненія въ Россіи совѣстныхъ судовъ и суда по совѣсти. **Н. В.** г) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 годъ. **В. Науменка.** д) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка (1729—30 г.). **В. М.** е) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологической Коммиссіею № 11. Древности юго-западнаго края. Раскопки

стр.

въ странѣ Древлянъ В. Б. Антоновича. **В. Ястребова.** ж) Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1889 г. **В. Ястребова.** з) Къ Южнорусской Діалектологіи. Проф. А. И. Соболевскій. «Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе». **К. Михальчука.** . . . 145—154, 309—322, 453—471

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 97—112, 113—128, 129—144).

2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе. 65—80

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—2, 1— 6

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Не найдется ли любитель и цѣнитель Украино-Русскаго слова, который взялся бы за изданіе моихъ произведеній, написанныхъ съ юности и до сего дня, въ разныхъ видахъ письменности, отъ большихъ произведеній, какъ напр: *Данько Грабина, Канальскій походъ Шведського рушного часу; бытовой очеркъ жизни именитаго украинскаго пчеловода П. И. Прокоповича* (написанъ на оффиціальномъ языкѣ), до драматическихъ, лирическихъ, сатирическихъ, стихословныхъ, народоизслѣдовательныхъ (бытовая жизнь Руси-Украины, во что народъ вѣритъ и чего слушается, большое произведеніе, написанное на оффиціальномъ языкѣ), народныхъ очерковъ и другихъ накопившихся десятками въ продолженіе десятковъ лѣтъ, изъ которыхъ мы бы могли видѣть духовную, бытовую, смыслотворческую, пѣснетворческую и прочія стороны нашего народа, *которыми онъ живетъ и управляется въ своей внутренней жизни*, что особенно необходимо въ правительственномъ отношеніи для высшихъ, руководящихъ учрежденій и при настоящемъ пробужденіи въ русской самобытности.

Мои произведенія написаны цѣльнымъ, чистѣйшимъ русско-украинскимъ словомъ, безъ *малѣйшаго захвата иноземщины* въ словахъ, какъ въ изложеніи бытовомъ, такъ и въ высшихъ отвлеченныхъ и научныхъ понятіяхъ, такъ какъ изученіе мое народа во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, духовной стороны—духа слова, дало способность и силу выражать всякое понятіе самороднымъ словомъ, *доступнымъ понятію всякой поселянки.* Произведенія эти читаны людьми свѣдущими въ письменности, въ знаніи слова украино-русскаго, которые отзывались одобрительно. Печатаніе сихъ произведеній тѣмъ болѣе желательно, такъ какъ сіи достоянія чаще всего подвергаются случайности *погибнуть и затеряться.* Не имѣя ни способности, ни времени, ни денегъ къ изданію, прошу въ семъ сотрудничества любителей нашего русскаго отечества.

Адресъ: Въ гор. Городню (Черниг. губ.) врачу Степану Даниловичу Носу.

Степанъ Носъ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА".

Пріобрѣло право на изданіе и приступило къ печати

ИСТОРІИ РОССІИ

съ

древнѣйшихъ временъ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михаиловича Соловьева

Стоитъ при подпискѣ 15 р., съ перес. 18 р.

Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ 29 томахъ, къ нимъ будетъ приложенъ указатель и гравированный на деревѣ портретъ автора съ факсимиле (чего до сихъ поръ при изданіи не было).

Всѣ 2о томовъ и указатель около 5000 страницъ или до 10000 столбцевъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ четкой убористой' большаго формата въ два столбца, печати, въ каждой книгѣ по пять томовъ, въ послѣдней книгѣ четыре тома и указатель.

Всѣ 29 томовъ и указатель по подпискѣ стоятъ 15 рублей, съ пересылкою 18 руб. (вмѣсто нынѣ существующей цѣны за 29 томовъ 58 рублей безъ перес.). По выходѣ же въ свѣтъ всего изданія подписка прекратится и въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 24 руб.

Подписка принимается только на все изданіе, которое выйдетъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Подписывающіеся на полученіе всего изданія 29 том. въ 6-ти книгахъ при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ каждой книги будетъ наложенъ платежъ на 1-ю, 2-ю, 3-ю. 4-ю и 5-ю по 3 р. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 20 к., а 6-я книга будетъ выслана безплатно. Высылающіе же при подпискѣ 18 руб. сполна, при полученіи книгъ, какъ за наложенный платежъ такъ и за заказъ ничего не платятъ.

Чтобы еще болѣе облегчить каждому пріобрѣсти знаменитое сочин. ИСТОРІИ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ Серг. Михаил. Соловьева въ 29 том. Товарищество допускаетъ также подписку и съ меньшими взносами, а именно: можно подписываться на полученіе всего изданія выпусками, въ каждомъ выпускѣ будетъ до 15 печатныхъ листовъ. При подпискѣ на полученіе выпусками вносятъ 1 р. 50 к. при высылкѣ первыхъ одиннадцати выпусковъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р. 50 к. и за наложенный платежъ, а также и за заказъ по 15 к. на выпускъ, а остальные выпуски и указатель будутъ высланы безплатно.

Подписка принимается исключительно въ Товариществѣ „Общественная Польза", СПБ., Б. Подъяч., 39.

Будутъ изготовлены прочные переплеты и крышки на всѣ 6 книгъ одинаковаго вида; за каждую книгу приплачиваютъ по 1 р., съ перес. по 1 р. 25 к. кромѣ Азіатской Россіи и заграничныхъ подписчиковъ, каковымъ пересылка производится за ихъ счетъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЧЕТВЕРТЫЙ И СЛѢДУЮЩІЕ ТОМЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА

Состоящее изъ 10 томовъ.

Переводъ подъ редакціею магистра зоологіи **К. К. Сентъ-Илера.**

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“

Съ хромолитографированными рисунками отъ 15 до 20 красокъ и со множествомъ политипажей въ текстѣ. Вновь переработано профессоромъ Пехуэль-Лёше при содѣйствіи д-ра Гааке.

ПЕРЕВОДЪ ПОЛНЫЙ безъ всякихъ пропусковъ или произвольныхъ сокращеній и сдѣланъ съ новаго третьяго нѣмецкаго изданія.

ТРЕТІЙ ТОМЪ разосланъ въ іюнѣ сего года и въ то же время подписка на него прекратилась, а продается отдѣльно по 6 р, съ пересылкою 6 р. 50 к., ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ выйдетъ въ сентябрѣ 1893 года.

Лица, желающіе подписаться на полученіе ЧЕТВЕРТАГО *тома, который выйдетъ въ сентябрѣ 1893 года, высылаютъ нынѣ же 5 руб., съ пересылкою 5 р. 50 коп. Имѣются въ отдѣльной продажѣ* ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ и ТРЕТІЙ ТОМЫ *по 6 р., съ пересылкою 6 р. 50 коп. за томъ.*

Чтобы дать возможность каждому пріобрѣсти это капитальное сочиненіе, не затрачивая разомъ значительной суммы, издатели предлагаютъ подписчикамъ четвертый томъ получать и выпусками, не ожидая выхода полнаго тома, а потому:

1) При подпискѣ на выпуски вносятъ 1 р.—2) При высылкѣ 1, 2, 3, 4 и 5 выпусковъ на каждый изъ нихъ будетъ наложенъ платежъ по 1 р., а послѣдній ШЕСТОЙ выпускъ будетъ разосланъ безплатно. Для служащихъ допускается разсрочка, со взносомъ по 1 р. въ мѣсяцъ, за поручительствомъ казначеевъ.

Въ виду того, что многіе изъявляютъ желаніе подписаться на все изданіе сразу, не внося всѣ деньги сполна, Товарищество открыло подписку съ 4-го тома на остальные шесть томовъ на льготныхъ условіяхъ, а именно: теперь можно выслать задатокъ по 1 р. на каждый томъ, всего 6 рублей, а на остальную сумму будетъ накладываться платежъ, смотря по требованію, если томъ безъ переплета, то 4 р. 10 к., въ переплетѣ 5 р. 35 коп., кромѣ Азіатской Россіи, куда пересылка за счетъ подписчика.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ С.-Петербургѣ въ Товариществѣ „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39 и въ Москвѣ въ магазинѣ Картографическаго заведенія А. Ильина, Петровскія линіи, № 17.

Подписывающіеся на IV томъ изъ склада Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., 39, на полученіе полнаго тома, за пересылку не платятъ, по выпускамъ же никакихъ уступокъ не дѣлается. Подписавшіеся на полученіе тома выпусковъ не получаютъ.

Подписывающіеся на четвертый томъ могутъ подписаться и на первые три тома, при чемъ за каждый томъ высылаютъ по 5 р. 50 коп.

Желающіе получать томы въ одинаков. прочн. перепет. съ кожани. корешк. и углами приплачив. городск. по 1 р. за каждый томъ, иногородн. по 1 р. 25 к выписывающіе же изъ Азіатск. Россіи уплачиваютъ по почтовому тарифу за 5 ф.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ

С. Ѳ. РАЗСОХИНА.

(Москва, Тверская улица, домъ Сушкина).

Васильевъ С. В. Драматическіе характеры комедіи „Горе отъ ума". Опытъ разбора отдѣльныхъ рѣчей какъ пособіе при ихъ исполненіи. Выпускъ I „Молчалинъ", II „Софья", III „Лиза", IV „Фамусовъ". Цѣна каждому выпуску 1 р.

Пальмъ А. И. Драматическія сочиненія. Содержаніе: 1) „Старый баринъ". 2) "Нашъ другъ Неклюжевъ". 3) „Милочка". 4) „Грѣшница". 5) „Очерта голову". Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Старицкій М. П. Малороссійскій театръ. Томъ I. Содержаніе: 1) „Сорочинская ярмарка". 2) "За двумя зайцами". 3) „Якъ ковбаса та чарка". 4) „Ой, не ходи Грицю!" 5) „По моднему". Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Турбинъ С. И. Драматическія сочиненія' Выпускъ I. „Картинка съ натуры". Выпускъ II. „Бойкая барыня". Выпускъ III. „Свекровь и теща". Цѣна каждому выпуску 1 р.

Чернышевъ И. Е. Драматическія сочиненія. Выпускъ I. „Испорченная жизнь". Ц. 2 р. Выпускъ II. „Женихъ изъ долговаго отдѣленія". Ц. 1 р.

Шпажинскій И. В. Драматическія сочиненія. Томъ второй. Содержаніе: 1) „Вольная волюшка". 2) „Въ старые годы". 3) „Простая исторія". 4) „Жертва". 5) „Чародѣйка". Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу.

Ванченко-Писанецкій К. И. Малороссійскій театръ. Содержаніе: 1) „Тарасъ-Бульба пидъ Дубномъ". 2) „Цыганы на Подоли". 3) „Катерына". 4) „Видьма". 5) „Хохолъ напуталъ".

Немировичъ-Данченко Вл. И. Драматическія сочиненія: Содержаніе: 1) „Темный боръ". 2) „Послѣдняя воля". 3) „Новое дѣло". 4) „Счастливецъ". 5) „Елка".

Старицкій М. П. Малороссійскій театръ. Томъ II. Содержаніе: 1) „Крути да не перекручивай". 2) „Не такъ склалося якъ жадалося". 3) „Ничъ подъ Ивана Купала".

Театральная библіотека *С. Ѳ. Разсохина* безпрерывно пополняется всѣми вновь выходящими новостями драматической литературы. Въ теченіе 18-ти лѣтней дѣятельности своей библіотекою издано до 800 драматическихъ произведеній; въ 1892 году библіотекою издано почти все, что исполнялось на столичныхъ сценахъ, какъ то: „Безъ предразсудковъ", „Въ родномъ углу", „Гастролерша", „Гибель отъ дома", „Докторъ Штокманъ", „Ева", „Жаворонокъ", „Жертва", „Наши зятья", „Поѣздка на востокъ", „Столичный воздухъ", „Сваха". „Семейная революція", „Славны бубны за горами" и проч. и проч.; въ 1893 году библіотекою изданы слѣдующія пьесы, частью уже исполняемыя на столичныхъ сценахъ, частью предполагаемыя къ исполненію: „Банкротство", др. въ 4 д. Бьернсона, „Веселый мѣсяцъ Май", сцены въ 3 д. Л. Иванова, „Въ Америку на выставку въ Чикаго или ловкій малый", ком. въ 3 д. Трефилова, "Въ XX вѣкѣ", фантазія будущаго въ 1 д. П. Соколова-Жамсонъ, „Въ послѣдній разъ", вод. въ 1 д. В. Преображенскаго, „Другъ женщинъ", ком. въ 3 д. Е. М. Бабецкаго, „Дѣтка" ком. въ 4 д. П. Волховскаго, „Женитьба Милашкина" ком. въ 4 д. С. Разсохина, „Jour-fix или у насъ въ кухнѣ гости". Ком. шут. въ 2 отд. Н. Павлова, „Игра въ любовь". Ком. въ 4 д. М. Балуцкаго, перев. М. Садовскаго, „Наконецъ!" Шут. въ 1 д. А. Крюковскаго, „Отчій домъ". Др. въ 4 д. Г. Зудермана, перев. А. Крюковскаго, „Паяцы". Муз. др. въ 2 д. Леонковалло, перев. Г. Арбенина, „Первый балъ". Ком. въ 1 д. Ф. Корша, „По ошибкѣ". Ком. въ 1 д., перев. съ итальянскаго Е. В. Кашперовой, „Приглашеніе на вальсъ". Ком. въ 1 д. А. Дюма (отца) перевед. А. Крюковскимъ, "Пятое число", Ком. въ 1 д. П. Невѣжина", „Сердцеѣдъ", Ком. въ 3 д. Е. Балуцкаго, пер. Е. Бабецкаго, „Тревожные дни". Ком. въ 4 д. соч. Н. Вильде и проч. и проч. При библіогекѣ имѣется также и музыкальный отдѣлъ: оркестровки русскихъ и иностранныхъ оперъ и опереттъ, клавираусцуги, отдѣльныя шансонетки, музыкальные сборники водевильныхъ куплетовъ, а также собраніе сценъ и разсказовъ для литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Заказы исполняются почтою, наложеннымъ платежемъ. Каталогъ желающимъ высылается безплатно.

Разрѣшенное Правительствомъ, со взносомъ залога въ Государственное Казначейство,

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО

для Россіи и заграницы

Е. Н. РАЗСОХИНОЙ.

Москва, Тверская ул., д. Сушкина.

Посредничество по ангажементамъ и заключенію контрактовъ между гг. антрепренерами и гг. артистами, какъ драматическими, такъ равно оперными и опе-

реточными, а также—приглашеніе на гастроли извѣстныхъ гг. артистовъ. Сообщеніе всевозможныхъ справокъ и свѣдѣній, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ театральному дѣлу вообще. Пріемъ всякаго рода объявленій и заявленій, какъ отъ гг. антрепренеровъ, артистовъ, такъ равно и отъ дирекцій театровъ, городскихъ управъ и проч. лицъ и учрежденій.

Подробная программа дѣятельности и условія Агентства желающимъ высылаются безплатно.

халъ въ Луку) жену, дочки обѣ, брата Семена зъ его женою, засталемъ при здоровю. Тутъ старшина приходили ко мнѣ поздравлять мене. Увѣдомилемся тутъ уже о преставлшомся синове моемъ Семену, а потому радость пополамъ зъ плачемъ растворенную имѣлемъ. Отъ Царицина до Ромна по ращету верстъ 993.

Пятокъ. 17. Сегодня тутъ въ Ромнѣ пробавилемъ.

Субота. 18. П. Федоръ дядко, зъ Павломъ Раковичомъ и Іваномъ Тарновіотомъ пріехали сюда въ Роменъ. Получилемъ писмо отъ родителя зъ Бѣлоцерковець писанное зъ объявленіемъ вдячности его зъ прибытія моего. До ясневел. и до Веляминова писалемъ въ Глуховъ черезъ значкового козака Паню и Бѣлугу послалемъ. У лазнѣ милемся.

Недѣля. 19. Сегодня по службѣ Божой пріехалъ мой родитель въ домъ.

Понеделокъ. 20. Сегодня метелиця жестокая сперва зъ снѣгомъ, а потомъ зъ дожчемъ ишла, а мы подпіяхомъ зъ прилучанами. Биковскій зъ Глухова пріехалъ у вечеру, отецъ Свѣтъ и отецъ Орановскій зъ своихъ домовъ (пріѣхали).

Вовторокъ. 21. Сегодня рано достался реестръ коней нашихъ ижджалихъ и оній зде приложенъ, по которомъ показалось: дрикгантовъ 8, а коней всѣхъ, ижджалихъ зъ прійшовшими теперъ отъ Астраханѣ со мною, 84. Листъ отъ паней Павловой кролевецкой [1]) о томъ, чтобъ за позыченную горѣлку 15 куевъ поплатить по 8 р. получивши, отписалемъ до оной, что мощно поплатить по 6 р. Заболѣлемъ на перси зъ лѣвой сторони тяжко. Хлопцямъ татарчукамъ болшимъ Василцю Козлу Юску машталѣру и Демянцю карлику суклѣ покраяни; нѣкоторимъ зъ нихъ деньги дани, а именно: Юску сукно киндякъ и полъ 2 р. Василцю сукно киндякъ и 1 р., такожъ Кухтику Петру сукно и 2 р. Родителю калянъ срѣбній подарилемъ. П. Федоръ дядко и Раковичъ отехали зъ Ромна въ Прилуку. Василь Глинскій приносилъ ко мнѣ узваръ зъ маткою

[1]) Жены Павла Огіевскаго, сотника Кролевецкого, родной тетки автора Дневника.

своею, что ему синъ родился Яковъ. Къ посилцѣ до Іохемса составилемъ листъ и рецептъ пѣgулокъ тихъ, що передъ пявками заживать, зъ нотою А, resin. jalapp. ℥j подъ нотою В., декоктъ посполитій подъ нотою С.

Середа. 22. Сегодня рано принималемъ пронос. и вомѣторіумъ, прошку проносного Эіі, а t—гі emetic gran. iii и имѣлемъ вомѣтовъ 9, а столцовъ 11. Плетюнка, Сухоносовскій староста, пріехавшій сюда зъ Глухова, отпущенъ въ Сухоносовку, которому 10 р. далемъ на росходъ, а зъ нимъ поехалъ и Романъ зъ рецептомъ до Іохемса, на що далемъ ему 6 р. Получилемъ писма зъ Глухова, одно отъ ясневел., а другое отъ господара, въ якомъ ознаймуетъ, что онъ за бѣглихъ крестянъ уплатилъ полковнику Оболдаеву, особливо купилъ жонку, у его жъ, за 15 р. зъ крѣпостми. Бяловскій пріехалъ; о. Савѣцкій съ братомъ Савѣцкимъ були у мене, у вечеру и посидя, отойшли.

Четвер. 23. Сегодня заболѣлъ я на грудь и кашель; у вечеру былъ въ банѣ и кровъ пускалъ банками зашкурную. Повернулся Остапъ Куликъ зъ Бѣлагорода зъ возками провіянтовими ко мнѣ отправленними, а обявилъ, что у его забрано въ Бѣлагородѣ 97 каменей тютюну и писма мнѣ всѣ вручилъ до мене отсюду писаніе, кромѣ родителского. Да что до господарства моего касается, полученъ листъ отъ господара моего зъ Глухова писанний, въ якомъ обявляетъ, чтс: 1) въ Сварковѣ станя, ліодовня и мостъ черезъ Клевень здѣланъ, 2) порожніе мѣста дичками засаженни, а на другихъ дичкахъ прищепліовано, 3) тожъ здѣлано и въ саду Бѣлополовскомъ; 4) тютюнникъ зивиноватился на 70 р. и того для тютюну робить не хочетъ, а виробилъ за 3 года 528 каменей, 5) въ пасѣцѣ Уздицкой пчолъ убили 80, зъ якихъ набрали бочокъ 4 меду а въ зиму пустили 220; 6) въ тулиголовской винницѣ отъ 725-го года, януар. 20 дня, до 727 году февр. 15 дня, виробылось гор. носатокъ 1350, да на все тое набѣжки носатокъ 20, 7) въ 726-мъ году, жита знято зъ всѣхъ поль, тоестъ калюжинского, тулиголовского 530 копъ кромѣ Ясманѣ; того жъ году посѣяно на полю ярини всякой: пшеницѣ четвертей 5, гороху четвертей 4, овса четвериковъ

22 и 2 четверти, проса четверть1, гречки четвериковъ 3 и четвертей 6, сѣмя конопляного четверть 1. да мѣрокъ 7, ячменю четвер. 6.; того жъ году знято зъ поля ярини всякой везде: пшеницѣ 60 копъ, конопель 10 копъ и ліону такожъ; на 1727 годъ посѣяно везде: жита четвериковъ глуховс. 23 и четверт. 3, такожъ и пшеницѣ озимой четверикъ 1. и четверть 1., вимолочено всеей пашнѣ жита 71 четверикъ и четвертей 2, овса четвериковъ 17 и четвертей 32, гречки 14 четвериковъ и 7 чертвертей; сѣмя четвертей 6, гороху тожъ, проса четвериковъ 5 и четвертей 2, ячменю четвериковъ 3 и 2 четверти, пшеницѣ ярой и озимой 5 четвериковъ, 1 четверть и 2 мѣрки. Получилемъ зъ Глухова писма господаря и полковника Абулдаева, что оной господаръ купилъ у его полковника крѣпостную жонку Василису Василеву дочь зъ синами ея Осипомъ да Степаномъ и дочерю Парасковею за 15 р.,о чомъ и копія купчой прислана ко мнѣ, а въ листѣ полковникъ ко мнѣ выражаетъ, что крестяне его Оетапъ Василіевъ зъ женою, зъ дѣтми, бѣжавъ зъ Бранского уѣзду зъ деревнѣ Епишева, приняти имъ знову зостали., а пожилихъ денегъ онъ уступае, толко еще до взятихъ, пари лошадей проситъ. Аттогонъ малчикъ, калмикъ, мой крещенъ протопо-(по)ю здешнимъ, а воспріемниками были братъ Марко зъ сестрою Оленою.

Пятокъ. 24. Послалемъписмо до Заборовской о сину ея, что его здороваго въ Астраханѣ отехалемъ, да въ Коровинцѣ, до капитана Матвея Семенова Патрекеева отвѣтное, зъ подякованнемъ. Родителъ подарилъ штуку каруну для слугъ нашихъ.

Благовѣщеніе. Субота. 25. Сегодня по службѣ обѣдали у насъ многіе и подпіяхомъ.

Неделя. 26. Сегодня по службѣ Божой также кушали многіе и Гамалѣйка старая, мачуха Івана и Стефана Гамалѣевъ, а мать Самойловичевъ. Зъ реестровъ и въ панеи одного оставленного и въ Кулака сискавшогося, вѣстно мнѣ учинилось про гор. и тютюнъ, посланніе въ Астрахань сего году февр. 22-го, именно: гор. простой 8 куфъ, а въ нихъ ваги пудовъ 234, да оковитой куфъ 5, а въ нихъ ваги пудовъ 97, а всеей гор. пудовъ 331, тютюну папушъ

19810, а бокуну 2600, якіе жъ заважило пуд. 42, всего засъ тютюну и бокуну папушъ—22410, а ваги пудовъ 430, зъ якого жъ провозъ до Царицина дано отъ пуда по полъ 9 шага.

Понедѣлокъ 27. Сегодня рано родитель зехалъ отсюду на Засулле, ради уединенія своего. Вѣжевскому карунъ и тузѣнокъ и 2 р. и каѳанъ стар. отласовій, а Тарасу карунъ и 3 р. Зъ Сухоносовки отъ Плетюнки присилка малая была: масла и сира, когда наказовано, чтобъ онъ святами сюда зехалъ. Зъ облѣковъ людскихъ зо мною привезенныхъ показалось 11, въ якихъ сумми денежной на 70 р. и зъ тихъ 4 виняти заразъ для доправки, а протчіе запечатани и отдани мною паней, до повороту зъ походу позичавшихъ. У Василя Савуска купилемъ штуку банкелю (?) за 8 р. съ полтиною. Вѣжевскому на расходъ далемъ 15 р.

Вовторокъ. 28. Сегодня родитель зъ Засулля пріездилъ въ городъ и вкупѣ обѣдалисмо, а по обѣдѣ знову отехалъ. Петро кухаръ повернулся зъ Прилуки, незискавши тамъ хлопця Кухтика. Зъ Глухова подводи Сварковскіе прійшли зъ житомъ, на 10 возахъ, 5 четвериковъ глух., а тутъ вимѣрили роменскихъ 26 четвериковъ и полъ 6 четверика. Составилемъ отъ род. писма до правителей въ Глуховѣ, о засилаючихся отъ нихъ указахъ, зъ прикростю и обидою. Увѣдомилемся, что возовъ воловихъ нашихъ на Засуллю есть 8, чрезъ Тараса.

Середа. 29. Сегодня Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. сцѣлнихъ и 10 таляр. бытихъ. Сварковскій подданний былъ у мене, который сказивалъ, что зъ виправою въ Астрахань пошолъ Игнатъ Дмитренко да Ѳедоръ, зять Плетюнчинъ. Повинную Дацѣя лукомского зискалемъ, которую родителеви далемъ у столовой болшой свѣтлицѣ, а въ оной выражено, что ежели онъ отновитъ справу о переклейканой овцѣ, то повиненъ безчестія заплатить 1000 зол. и каранъ жестоко быть. Трохимови далемъ карунъ рудій на кунтушъ и 3 таляръ бытихъ. Романъ повернулся зъ Лубенъ и привезлъ лѣкарства зъ аптеки за 5 р., и 20 а, въ якомъ числѣ и empl. pectoral. за 1 р. и копѣйку одну. Онъ же сказалъ, что староста нашъ Сухоносовскій хорий.

Четвер. 30. Сегодня родитель и жена моя коммунѣковались ст. Тайнамъ. Получилемъ отъ Андрея Полуботка, швакгра, писмо зъ привѣтомъ о поворотѣ моемъ. Отцу протопопѣ далемъ чорній свой кунтушъ.

Пятокъ. 31. До Сухомозкого писалемъ, чтобѣ онъ въ монастирѣ Мгарскомъ кухтика нашего, Кирилця, кріючогося, зискалъ. Отписалемъ до швакгра Полуботка листъ съ подякованнемъ за привѣтъ его. Писалемъ уже и до стар. Сухоносовского, чтобъ онъ пріездилъ сюда святами и подводи присилалъ по жито.

Мѣсяцъ Априль. Вел. Суббота. 1. Сегодня коммунѣковалемъся. Два татарчуки, чили каракалпаки мои, крещенни протопопою здешнимъ зостали; Ковеню, а въ крещеніи нареченному Амфіану, былъ воспріемникомъ братъ Семенъ зъ сестрою Оленою, а Урвану братъ Марка да дочь моя Анна. Сукнѣ мнѣ пошити кунтушъ попелятий отъ родителя, а каѳанъ красний отласу нашего.

Неделя. Воскресеніе. 2. Сегодня обѣдалисмо сами и всѣ лутшіе дворовіе служителѣ.

Понеделокъ. 3. Сегодня по службѣ Божой обѣдали здешніе жители всѣ лутшіе и подпіяхомъ. Отцу Василію, капеляну, далемъ свой чорний кунтушъ.

Вовтор. 4. Сегодня обѣдалисмо сами своимъ домовствомъ. Родителка гусарку подарила женѣ моей. Радка, кравця, принялемъ на службу до себе.

Середа. 5. Сегодня обѣдалисмо у Несторовича. Родителка захоровала на примѣръ фебри. Стар. Сухонос. пріехалъ и отправленъ, которому о тютюнѣ и протчемъ предложилось.

Четвер. 6. Сегодня рано отправленъ Тарасъ, молодикъ, въ Кривую Руду за конми, черезъ которого машталѣру Донцу далемъ киндякъ, габу и рубля, тако жъ машталѣру Грицку рубля, да черезъ его жъ писалемъ до стар. Сухонос. и о уступки Худолѣевой на яръ ліехеевскій и листъ до Худолѣихи послалемъ. Сухоносовскіе подводи 8 приехали сюда по жито. У вечеру поехала родителка и жена моя на Засулле лѣкарство брать пургуючое, якое далемъ зъ своей аптечки род.: pulv. purg. əii и gr. Viii, а женѣ əii и gr. V;

и жена имѣла вомѣтовъ 6, а столцовъ болшъ 10; родителка мало.

Пятокъ. 7. Сегодня обѣдалисмо сами зъ родителемъ и съ нами сотникъ Глинскій зъ синами и протч. Якову Дубровѣ 30 таляръ битихъ далемъ за гор. якую (у) его взялемъ на свою потребу въ Астраханѣ въ 725 году. Братъ п. Андрѣй зъ братовою и дѣтми пріехали на Засулле.

Субота. 8. Сегодня обѣдалисмо сами у себе. Зъ ранку до обѣда болѣлъ жестоко животъ. У вечеру заледво мало утихшой бурѣ, а начавшомуся дожчу, которій и потомъ долго ишелъ, переехала черезъ Сулу зъ Засулля родителка, жена и братъ зъ братовою.

Неделя. 9. Обѣдали многіе у насъ и подпіяхомъ. Остапъ Куликъ и Василь Баженовичъ, слуга род., послани самъ чвартъ въ Астраханъ, черезъ которихъ писалемъ: 1) до Андрея Миклашевского о листѣ отъ нихъ данномъ черезъ мене князю Мих. Голѣцину; 2) до Якубовича, чтобъ помагалъ людемъ моимъ, 3) до Худолѣя то жъ; 4) до Гавр. и Федора о ихъ управленіи и чтобъ наставляли Антона зъ товарищи и взяли бъ кого зъ нихъ къ себѣ на судно; 5) до Демяна, чтобъ онъ наставилъ Антона и о колмичатахъ; также о покупцѣ баранковъ сѣрихъ и чорнихъ и шапокъ двѣ пошить, одну зъ сѣримъ баранкомъ и зеленимъ аксамитомъ, а другую зъ чорнимъ, а канаровимъ аксамитомъ; 6) до Антона инструкцѣя пунктами, чтобъ онъ послушенъ былъ Демяну и грошей у его на потребу взялъ, а барзѣй Гаврилу и Федору, чтобъ на веснѣ продавалъ запасъ, а въ лѣтѣ неквапилъся, чтобъ своего дѣла смотрѣлъ, хочай бы хто и похотѣлъ надъ нимъ переводить.

Понеделокъ. 10. Сегодня обѣдалисмо и съ нами пріехавшая вновъ старшина. У о. протопопа роменского купилемъ 2 куфи гор. простой за 15 таляр. бытихъ и денги ему отдалемъ. Особливе Вѣжевскій далъ 2 таляр. бытихъ братамъ въ Кіевъ; черезъ его жъ получилемъ писмо зъ Чернухъ отъ Черняховского, что Левко Подолянка, житель передъ симъ Чорнускій, а теперь лохвицкій, продаетъ млинъ свой на рѣчцѣ Многой подъ Чорнухами.

Вовторокъ. 11. Сегодня обѣдалисмо приватно, а по обѣдѣ

ездилисмо на монастирище, где и подпіяхомъ. Тамъ же на монастирищу тарадайку свою видѣлемъ, которую доробить казалемъ стелмахови тамошнему и ему щось денегъ далемъ.

Середа. 12. Сегодня писалемъ до дядѣ п. Федора о своемъ отездѣ въ Глуховъ, чтобъ онъ копію грамоти и вѣдомость о грунтахъ, отнятихъ Вейзбахомъ у покойного дядѣ, судіи прилуцкого, привюзъ зъ собою, туда жъ, въ Глуховъ. Тарасъ, молодикъ, пріехалъ, а конѣ невѣдомо, где дѣлись, на дорозѣ, зъ машталѣромъ отъ его посланніе зъ Кривой Руди, шляхомъ Ромодановского.

Четвер. 13. Сегодня рано поехалъ Тарасъ молодикъ шукать коней погубленнихъ, а посля его отезду послалемъ Романа зъ казаками, а у вечеру писанъ указъ до атамана Токаровского, чтобъ и онъ зъ козаками поехалъ туда жъ шукать. П. Павлова, тіотка, зъ Лохвицѣ пріехала и обѣдалисмо сами. Войту здешнему роменскому за 10 куфъ по 9 р. съ полтиною попроданнихъ заплатилемъ 65 таляр. бытихъ по рублю, а еще 30 р. доводится. Староста андрѣевскій пріехалъ, которій сказивалъ, что андріяшовцѣ попудъ самими хатами андрѣевскихъ людей стали орати и хочай зогналъ ихъ разъ, однако жъ знову начали. Писалемъ до Якова, чтобъ онъ ехалъ сюда, а отсюду въ Кривую Руду.

Пятокъ. 14. Сегодня рано составилемъ листъ отъ род. до Веляминова объ обидѣ, показуючойся отъ генерала Вейзбаха въ оранню поля Андрѣевского. Братъ Семенъ зъ Несторовичомъ поехали въ Лубнѣ, ради принятя генерала маіора графа Дукляса. Перекладалъ Вѣжевскій тютюнъ мой и переложилъ оного въ кипи порадно 5500 папушъ и еще осталось неперекладеного доволно. Родителцѣ давалемъ потное лѣкарство и потѣла по пріему оного.

Субота. 15. Сегодня отъ п. Павловой лохвицкой взялъ родитель картъ двѣ, одну—объ уступцѣ футора еи на Артополотѣ будучого, въ завѣдованню Вейзбаха обрѣтаючогося, другую-повѣренную о челобитю отъ родителя въ обидахъ еи показаннихъ, отъ онаго жъ генерала. Доклалъ Вѣжевскій зъ людми тютюну порадне кипами, якого всего лѣкомъ папушъ 14940. Лукяну Котлубаеви кромѣ давнихъ облѣковъ, у его найдуючихся, еще вновь далемъ зъ

реестромъ 8, которимъ приложенъ реестръ зъ подписаніемъ его жъ. Родитель четверню коней обѣщалъ.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо сами, а особливе тутъ же пріехавшій ігуменъ монастира Мгарского лубенского. Якову Дубровѣ далемъ приказъ въ 17 пунктахъ, зъ которимъ онъ мѣетъ ехать въ Кривую Руду, Сухоносовку и Перервинцѣ, для исполненія онихъ. Господареви родителскому такъже далемъ меморіалъ въ 5 — 7 пунктахъ ку исполненію, которихъ приказовъ копія зде приложена. Тарасъ молодикъ принюсъ реестръ куховъ 7, оставленнихъ на Засуллю, а осмого барила, якій зде приложенъ. Виехалисмо зъ Ромна сего вечора и перевюзшись човнами черезъ рѣчку Роменъ, въ Процювцѣ [1]) тутъ и ночовалисмо, а съ нами братъ п. Андрѣй зъ братовою, Несторовичка и Марко. Якову жъ далемъ два листи до старостъ Сухоносовского и Перервинского. О тяжести на Перервинцевъ и Сухоносовчанъ писалемъ до комисаровъ полковихъ, и листъ присланній отъ перервинского старости включелемъ и чтобъ облегченіе учинено и словесно онимъ же говорилемъ.

Понеделокъ. 17. Сегодня зъ села Процювки, пожекгнавшись зъ своими, поехалисмо и пріехали на обѣдъ въ Смѣлое, где и обѣдалисмо зъ сотникомъ и Назаренкомъ; по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ кіевского полку Загразкій отъ порутчика, которій сѣномъ и овсомъ обослалъ мене. Тутъ мы и ночовалисмо.

Вовторникъ. 18. Сегодня рано поехалисмо въ Смѣлой и переехавши Терни, сталисмо на обѣдъ. Туда споткался съ нами шинкаръ обложковскій зъ листомъ, до господара писаннимъ о присилцѣ грамоти и унѣверсала и купчихъ на Сварковъ и протчіе грунта. По обѣдѣ, поехавши, пріехали у вечеру до перевозу Мутинского, которимъ черезъ Сеймъ перевюзшись, ночовалисмо въ дворцѣ [2]). Жена сама заболѣла на жолудокъ велми.

Середа. 19. Сегодня рано поехавши зъ Мутина, пріехали на обѣдъ въ Тулиголови. Въ Тулиголовахъ, въ дворцѣ, въ імбарѣ го-

---

[1]) Село подъ г. Ромномъ.

[2]) Т. е., въ усадьбѣ.

рѣлки готовой куфъ 8 болшихъ, а малихъ 15; въ пасѣцѣ, тамъ же, пчоли 10. По обѣдѣ поехалисмо зъ Тулиголовъ, а на дорозѣ стрѣтилъ насъ о. Астровскій болно пянъ. Пріехали въ Глуховъ позно.

Четвер. 20. Сегодня рано былисмо у ясневелможной, а по службѣ у генерала маіора Веляминова, где и кушалисмо; потомъ у Стефана Миклашевского. Получилемъ листъ род. зъ Ромна о взятой будто со мною ревизеи полковими комисарами составленной, о чомъ, что оная тамъ отдана до рукъ Янки, отвѣтовалемъ.

Пятокъ. 21. Сегодня была екзекуція палѣю, палившому городъ Глуховъ, батраку канцеляристи колежского, который тако-жъ спаленъ. У ясневел. обѣдалемъ, а по обѣдѣ былемъ у полковниковъ Балцера, Писарева и Кошелева. Протопопъ глуховскій былъ у мене зъ попомъ моимъ Сварковскимъ.

Субота. 22. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., а по обѣдѣ ездилъ я до Бѣлополовского саду [1]).

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у ясневел., где тако жъ обѣдали члени вси колежскіи; по обѣдѣ ездили у борокъ (лѣсокъ) и тамъ доволно прогуляли. Послалемъ черезъ сторожа лубенского писма до род. и родителки и особливе до господара о тютюнѣ и ключъ отъ комори, въ которой оній лежитъ въ листе жъ включилемъ.

Понеделокъ. 24. Сегодня рано сталъ у мене лѣвий бокъ болѣти. Обѣдалисмо въ себе и у насъ Левенецъ, Стефанъ Миклашевскій зъ панею своею, Бурковскій, Валкевичъ, Астровскій и Леонтій.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдалисмо сами у себе, а бокъ лѣвій по прежнему болѣлъ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира Афанасія Петровича Арсеніева и Семена Осиповича Волкова,

Середа. 26. Сегодня рано ездилемъ до генерала маіора Веляминова и оттоль до ясневел., где и кушалемъ. Листъ отъ жены данъ о. Астровскому до Флоровской ігумени о зернахъ (?). Былъ я у Кошелева, а у мене о. протопопъ и Федоръ Чуйкевичъ. Волинского принялемъ до себе на службу до разсмотренія.

Четверъ. 27. Сегодня рано передъ обѣдомъ поехалемъ зъ Глухова и пріехавши до футора Калюжновского, тутъ увѣдомилемся,

[1]) Бѣлополовка—предмѣстье г. Глухова.

что рабочихъ воловъ 24, а коней 5, возовъ воловихъ направленнихъ 8, а конних 12, оттуду поехавши пріехалемъ до Сваркова, где обѣдалемъ и ночовалемъ. Тутъ началемъ лѣкарство весняное принимать, пѣлули зъ вечора.

Пятокъ. 28. Лѣкарство, вчорайшого дня принятое, нѣчого не дѣйствовало. Имбаръ зъ коморою заложили здесь, имбаръ 5 саженъ, а комора 4. Получилемъ писма зъ Астраханѣ присланніе ко мнѣ: 1) зъ Сулаку, отъ обозного прилуцкого, о его отпуску весною и Демяну, шафуючомъ надъ мѣру повѣреннимъ ему моимъ добримъ; 2) отъ Демяна, о продажѣ горѣлки оковитой 9, а простой 2-хъ куховъ, за которую взялъ денегъ 807 р. съ полтиною, а въ зборѣ готовихъ 350 р., а протчіе на долгу и что на 20 лисиць маркитантамъ, поехавшимъ въ Гребенѣ, далъ задатку грошми, а листъ писанъ генвар. 10-го; 3) отъ Гаврила, февр. 20-го, зъ Астраханѣ о покупцѣ смушковъ сѣрихъ и чорнихъ, у каравана Бухарского и что судно готовое; 4) отъ Худолѣя, что онъ готовъ помоществованіе людямъ чинить моимъ; 5) отъ Якубовича о томъ же и что лоцмана до флоту взятого виходилъ 2 червонних давши секретару морскихъ дѣлъ; 6) отъ Змеіова о присилцѣ туда пѣвчого, умѣючого ноту. Получилемъ писмо отъ Балкевича зъ екстрактомъ указу монаршого о бѣглихъ, принятихъ прежде 1718 году, якихъ видавать безденежно.

Субота. 29. Сегодня по службѣ Божой пріехалъ къ намъ слуга тещи нашой зъ писмомъ отъ неи просителнимъ насъ на веселле, мѣючее отправоватись синовн еи Матвѣю Жураковскому [1]), до которой отписалемъ. Архипъ по облѣкахъ доправилъ денегъ на козакахъ и отдалъ Вѣжевскому зъ роспискою 54 р. съ полтиною. У вечеру Леонтій пріехалъ Седенокъ Марко, мужикъ старий, когдась житель Сварковскій, призванъ зъ Глухова затимъ, что грунтъ свой, завладѣнний Сопленками, прозиваемий Ремонтовскій, поле пахатное, продаетъ намъ, а тое уже давностю зайшло.

---

[1]) Вторая жена Павла Полуботка, Анна Романовна Лазаревичъ, въ первомъ бракѣ была за-мужемъ за Жураковскимъ.

Неделя. 30. Сегодня получилъ я писма зъ Ромна, отъ родителки о ея здравственномъ состоянiи, отездѣ родит. въ Лубнѣ, для генерала Дукляса, отъ господара, о нанимаючихся фурманахъ по 7 шаг. отъ пуда до Царицина, отъ Романа, о шинку и протчемъ. Обѣдалисмо сами и зъ нами Леонтiй, попъ о. Никита, Волинскiй. По обѣдѣ цеберъ горѣлки простой випили мужики прiйшовшiе зъ поклономъ ко мнѣ, которимъ половину осенщини даровалемъ. Архипу далемъ облѣкги, одинъ, на полкъ кiевскiй, другiй на полтавскiй, третiй на малое число денегъ, доводячихся отъ двоихъ человѣковъ, нѣжинского и прилуцкого. Переставалемъ лѣкарство брать, которое мало и дѣйствовало, безъ декокту надлежащого.

Мѣсяць Май. Понеделокъ. 1. Сегодня пявки приставилемъ къ мѣсту гемороидальному.

Вовторникъ. 2. Сегодня, приказовъ два составивши, вручилемъ войту сварковскому одинъ, а другiй Андрѣеви Теслѣ, да ему жъ и сукна гранатового на кунтушъ далемъ и 20 а. на пошитте. По обѣдѣ, виехалисмо зъ Сваркова и прiехали въ Глуховъ на ночъ; тутъ увѣдомилемся, что Бурковскому въ колегiи малор. приговорено привернуть Орловку и Казиловку [1]) потому, что онъ имѣетъ переднѣйшую на оніе грамоту, нежели Полуботки. Данила Забѣлу да войта Бакланского повезено въ Москву. Арестовани Петръ Андрѣевичъ Толстой, Iванъ Iванов. Бутурлинъ и протч.

Середа. 3. Рано были у насъ Левенецъ, Яснополскiй, господарь и Чуйкевичъ. Получилемъ зъ Ромна писма отъ род. 2 зъ приложеннимъ листомъ отъ князя Голѣцина, отъ брата п. Семена, и Петрановского зъ ревизiею комисарскою. Поехалисмо зъ Глухова и прiехали на обѣдъ въ Гамалѣевку, где застализмо ясневел. и подпiяхомъ. Отправилемъ еще зъ Глухова смѣлянского сторожа въ Роменъ зъ листами до родителей о своемъ поваженню, о Станкевичу и переносѣ дѣла зъ канцеляр. въ коллегiю розискного взглядомъ Андрѣевки, до Якова о винайденню воловъ въ дорогу; до господара род.

---

[1]) Два села сосницкаго уѣзда, которые были отняты у генер. обознаго Василiя Борковскаго Мазепою и затѣмъ отданы—Полуботку.

о спораженню прежде полѣценнихъ ему рѣчій, на що и денегъ послалемъ 50 р., черезъ сего жъ сторожа до Романа о винайденню добрего шинкара въ шинкъ роменскій, о продажѣ вишень горѣлчанихъ, вѣдра по гривнѣ, о продажѣ тютюну и вовни, о покупцѣ кагве и мастиксу.

Четвер. 4. Сегодня тутъ же обѣдалисмо и ночовали. Отъ генерала маіора Веляминова пріехалъ слуга зъ вѣдомостю, тоею, что родилась сегодня ему онука и дочерѣ его Василисѣ дочъ Марія. У лазнѣ милемся съ Александромъ.

Пятокъ. 5. Сегодня по обѣдѣ поехала ясневел. зъ монастира въ Глуховъ и мы при ней, и мимоездомъ заехали до генерала, где до ночи позно просидѣли.

Субота. 6. Сегодня обѣдалисмо у генерала маіора и подпивахомъ. А въ насъ обѣдали п. Федора писаревича [1]) панѣ и Кондзеровская. Потомъ посѣщалисмо сотника глуховского болѣзнуючого. Отъ п. Михайла (Скоропадскаго) зъ Нѣжина получено писмо о его тамъ пребываніи etc. Ея імператорское величество государиня імператрица и самодержица всероссійская Екатерина Алексѣевна преставися 9-го часа по полудни, въ С.П.Бургѣ, а наслѣдникъ обявленъ престола россійскаго по тестаменту ея вел. внукъ ея жъ величества Петръ Вторий, імператоръ и самодержецъ всероссійскій, а синъ блаженной памяти преставлшогося царевича Алексія Петровича. Сегодня обѣдалисмо тамъ же въ генерала маіора, понеже день коронацѣи ея величества. Получилемъ писма зъ Ромна черезъ господара род. о повиданнюся род. зъ генер. Дуклясомъ, объ отездѣ въ Ахтирку его, о Биковскомъ. Ясневел. захоровала на лихорадку.

Пенеделокъ. 8. Сегодня обѣдалисмо у п. Федоровой Савичевой, оттуду былъ я у прокурора Артемія Власовича Матвѣева, оттоль у Івана Ігнатіевича Рудаковского, у Григор. Іванов. Волкова, у Андрея Івановича Количова. Подалъ Марко Василенко, Колобийновъ унукъ, писмо уступное завладѣнного грунту его дѣ-

---

[1]) Г. е. Федора Семеновича Савича, сына генер. писаря.

дизною Шовкуномъ и наслѣдникомъ его. Синъ брату Семену родился Іванъ, около полудня въ Ромнѣ.

Вовтор. 9. Сегодня по службѣ Божой были члени колежскіе у ясновел., зъ церкви зайшовши отъ с. Николая, которого празднували тогда. Подъ часъ обѣда ясневелможная знову заболѣла на фебру. Жена моя на ухо правое заболѣла.

Середа. 10. Сегодня рано былъ я у генерала, зъ которимъ и въ колегію пріехалемъ. По обѣдѣ былемъ у секретара Артѣлного. Сказивалъ войтъ свар., что Сивакъ зайшелъ еще за ратуши [1]), почомъ въ третій годинѣ село пожаловано.

Вознесеніе. Четверъ. 11. Сегодня рано былъ я у генерала маіора Веляминова, а оттоль въ церквѣ ст. Анастасіи и въ дому кушалемъ. По обѣдѣ игралъ въ карти зъ Левенцемъ Валкевичемъ и Покорскимъ, при виграшу. Писалемъ до родителя о слабости жени моей и ясневел. и что Петръ Петровичъ зъ Нѣжина на крестини генералской унуки не будетъ, и о Іосифу Тарасевичу взглядомъ Бѣлоусовки, на якую онъ кажетъ себе имѣти гетманскій унѣверсалъ. Такъ-же до Ромна о продажѣ тютюну, покупцѣ колѣсъ и подрадѣ людей пѣшихъ до возовъ воловихъ до Царицина 20 человѣкъ.

Пятокъ. 12. Сегодня рано далемъ Вѣжевскому на росходъ 10 р., а 27 р. передомъ данни ему и записанни тамъ же въ реестрѣ передъ сими. Ездилемъ у футоръ Колюжновскій и Сварковъ, где видѣлемъ приказъ мой еще въ 1723 году мѣсяцѣ декавр. туда жъ присланній о непріемѣ бѣглихъ всякихъ людей великороссійской породи, въ якомъ приказѣ и тое виражено что передъ присилкою того приказу, первей за годъ, о томъ же, таковий же былъ приказъ и сей указъ въ церквѣ на стѣнѣ приклеенъ. Кровъ зъ головной жили пускалемъ, тако жъ и жена моя. Пожалованъ князь свѣтлѣйшій Меншиковъ въ чинъ генералиссимуса. Того жъ дня въ С. П. Бурсѣ жъ составлена грамота до правителей нашихъ и къ полковникамъ милостивая объ отставкѣ новоуставленнихъ зборовъ и

[1]) Т. е., когда Сварковъ принадлежалъ еще Глуховской ратушѣ.

учрежденіи гетмана и старшини въ Малую Россію вскорѣ. Особливий указъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоялся о томъ, чтобъ не покупали нихто зъ великороссійскихъ людей земель и грунтовъ въ Малой Россіи.

Субота. 13. Сегодня рано былъ я у ясновел., а обѣдалисмо у себе зъ глинскимъ и лукомскимъ сотниками. Посланъ сварковскій человѣкъ Федоръ Сохачченко и съ нимъ 12 возовъ воловихъ въ Тулиголови для взяття оттуду 12 куфъ гор. и запроваженню въ Роменъ, о чомъ и о колесахъ, лубю и людяхъ наемнихъ писалемъ до Романа и стар. Засулского, а въ Тулиголови для виправи онихъ людей посланъ Волинскій.

Неделя. 14. Сегодня у генерала маіора Веляминова были крестини унучцѣ его Маріи, которой воспріемникомъ былъ самъ онъ, а воспріемница ясневелможная, и, по крестинахъ, кушалисмо многіе и подпіяхомъ. Волинскій пріехалъ зъ Тулиголовъ и привезлъ реестръ гор., посланной въ Роменъ на 12 возахъ воловихъ, а именно: простой 12 куфъ, въ которихъ носатокъ всѣхъ 156 и квартъ 544.

Понеделокъ. 15. Листъ, вчорайшого дня полученній отъ Петра Михайлова, подканцеляристи, читалемъ, въ якомъ виражаетъ тое, что онъ, буде отлученъ будетъ въ Смоленскѣ, всемерно старатся будетъ купить бѣглого крестьянина Сивака и мнѣ отпустить на своихъ денгахъ, до которого отписалемъ за такую его любовъ дякуючи и прилагаючи къ тому сумнѣніе, чтобъ невзискано на мнѣ, ежели тотъ человѣкъ не купленъ будетъ отъ него за какою притчиною, а будетъ жить до повороту его въ селѣ моемъ, и онъ на то отписалъ, обнадежуючи мене въ томъ, что сомнѣнія мнѣ неимѣть и турбацѣи мнѣ не будетъ, зъ якимъ другимъ своимъ листомъ онъ, Петръ Михайловъ, и самъ былъ у мене. Получилемъ зъ Ромна отъ род. листъ зъ требованіемъ присилки наметника [1]) и о Станкевичу, объ першомъ листѣ до мене писанномъ; а отъ стар. Сухоносов. о бѣлоусовскомъ человѣку, продаючомъ футоръ и лѣсъ и поле за 60 р., и о казанахъ, такъже борошно для косарей. Ездилемъ до

[1]) Наметъ—походная палатка.

ясневел. и тамъ отобѣдавши, обое мы, до вечернѣ просидѣли, потомъ ездилисмо на Бѣлополовку и въ лазнѣ зъ Кондзеровскимъ милемъся. Сватба въ С. П. Бурсѣ учинилась, его императорское величество сегодня обручилъ себе дочь свѣтлѣйшого князя Меншикова Марію Александровну.

Вовтор. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до генерала маіора, где и ясневел застalемъ, зъ которою, доволно тамъ забавившюся, и отехалемъ. Подалемъ чолобитте въ канцелярію на Дацѣя за тое, что онъ, не устоя при своей повинной данной мнѣ, отновилъ справу, чтобъ по той повинной наказаніе ему учинено на тѣлѣ и 200 р.

Середа. 17. Сегодня рано ясневелможная виехала зъ Глухова въ Мутинъ; тогда жъ и мы зъ п. судіиною енер. и другими пріехали. Зъ Мутина писалемъ до род. о Станкевичу, что господаръ безъ фундаменту роздѣлался, такъ же о своемъ Сиваку, о ясневел. отездившой зъ Глухова, до стар. Сухонос. о куплѣ футора Бѣлоусовского человѣка и чтобъ самъ старался косарамъ доволствіе чинить, не пускаясь на насъ; до Якова Дуброви, чтобъ онъ зехалъ въ Роменъ, а нанялъ 12 фурмановъ подъ гор. до Царицина и прот-чіе Роману приказанніе рѣчи исправилъ. Отъ п. Михайла Скор. получилемъ листъ зъ требованіемъ присилки ему извѣстія, почому отдани Орловка и Казиловка Борковскому, и отписалемъ къ нему, что по первейшой грамотѣ отцу его данной.

Четвер. 18. Сегодня ясневел. отехала на перевозъ, слѣдуя въ Нѣжинъ, а мы оную опровадивши, поехали въ Ворголъ, купно зъ п. судіиною енер., Кондзеровскою и Даровскою, где застали Стефанову Миклашевскую болную, у которой и заночовалисмо. Синъ у брата моего родился Іванъ (Семена), отъ которого зварнимъ хлѣбомъ обослалъ мене, а родился прошлого 8-го числа, о чомъ тамъ же зри.

Пятокъ. 19. Сегодня рано, поехавши зъ Воргла, мы заехали до пасѣки своей уздицкой, где показалось пчоли на точкахъ [1]) 170,

---

[1]) Точками называются очищенные отъ травы кружки, на которые ставятъ ульи съ пчелами, въ пасѣкѣ.

между которими зъ 40 подлой, а то середняя, а болше найлутшой: змерлихъ пчолъ 16, зъ якихъ 6 оставили для накладу роевъ, а 10 випорожнили медъ въ дѣжечку. Поехавши оттуду, пріехали въ Калюжновскій футоръ, а оттуду въ Сварковъ, где теслѣ казалемъ імбаръ крить дерномъ, зъ лѣсою переплѣтуючи лати, если гладко будетъ, а если нѣтъ, то лѣсу кладутъ, оттоль пріехавъ въ Глуховъ позно.

Субота. 20. Сегодня обѣдалисмо сами у себе и съ нами соживущіе. Окончен заводъ Дацѣя зъ мною, сотникомъ и другими людми лукомскими, такъ, что во всемъ отказано Дацѣю, да ему-жъ взятіе денги у людей лукомскихъ вернуть. Получилемъ писма зъ Астраханѣ и зъ Сулаку 1) отъ Якубовича зъ цедулою о поворотѣ Воронова и отправѣ въ Дербентъ до князя Долгорукова двохъ бунчуковихъ товарищей, Ширая и Кулябки; 2) отъ Худолѣя о пріездѣ Алексѣйця въ Астрахань изъ Сулаку и туда знову повороту, затимъ чтобъ и Демянъ ехалъ учинившогося и что судно совсѣмъ на воду зійшло, толко грузить, и что своихъ денегъ на судно далъ зъ 30 р. и что генералъ маіоръ Кропотовъ пріехалъ въ Астрахань, и тамъ удержанъ указомъ князя Долгорукого, и о томъ, что караванъ зъ Бухаръ не прійшолъ, а слишно будто оній отъ каракалпакъ разбитий есть; 3) отъ Гаврила и Федора ап. 12-го, что зъ 16-го апр. мѣютъ судно нагрузивать и о перемѣнѣ ихъ, 4) зъ Сулаку отъ Демяна, марта 18-го, что Алексѣй зъ кучеромъ отправленъ зъ крепости въ Астрахань 17-го марта и что ведро гор. того марта простой по 40 а, и безъ гривни тамъ продается, а за 17 куфъ принялъ онъ 1171 а, 120 д.: и что въ стар. полкѣ позичилъ 300 р., а еще 2 куфи остались. По обѣдѣ ездилъ я до генерала маіора, где увѣдомился, что князя Трубецкого дочъ за нѣкоторого старосту полского мѣетъ отдана бить и веселле отправится въ Кіевѣ. Былъ я у секретара Шеригина и, доволно посидѣвши, заехалъ до Петра Михайлова, а ночовалъ въ дворѣ ясневелм.

Ст. Тройца. Неделя. 21. Сегодня службы Божой слухалъ я у Михайла, а обѣдали у насъ п. судіиная, Кондзеровская и Даровская, Левенецъ, Волковичъ, Лисаневичъ и проч. Игралъ я въ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.